НОВАЯ ПОЛЬША

№3 (62) 2005

Воспоминания Адама Даниэля Ротфельда

Адам Подольский: кому вредит мороз с востока?

ПРАВДА О КАТЫНИ
КАТЫНЬ В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТЕ

Проза Яна Химильсбаха
ПАПА ЧИТАЕТ «ТЫГОДНИК ПОВШЕХНЫЙ»

НАПРАВЛЕНИЕ — АМУР
Беседа с профессором Леоном Кересом

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

PKO BANK POLSKI

ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО»
главный спонсор
деятельности Национальной Библиотеки в 2005 году

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 3(62)
2005
МАРТ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Сильвия Фролов 3
НЕЛЬЗЯ РЕБЕНКУ ВПИХИВАТЬ ЧТО ПОПАЛО

Виктор Кулерский 8
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Антоний Подольский 16
КОМУ ВРЕДИТ МОРОЗ С ВОСТОКА

Александр Черкасов 18
ОБЩАЯ СУДЬБА

КАТЫНЬ В РУССКОМ ИНТЕРНЕТЕ 19
Первый подступ к теме

КАТЫНСКИЙ САЙТ 20
Сайт Юрия Красильникова — katyn.codis.ru

Юрий Красильников 21
ЧАСТО ЗАДАВАЕМЫЕ ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ
ОТНОСИТЕЛЬНО УБИЙСТВА В КАТЫНИ

О КАТЫНИ — ДЕТЯМ

РАССТРЕЛ В КАТЫНИ 26

Владимир Сиротинин 27
ПРАВДА О КАТЫНИ

Олег Закиров 29
ЕГО ГЛАВНАЯ КНИГА

Томаш Ружицкий 31
СТИХОТВОРЕНИЯ

Лешек Шаруга 35
СКРЫТАЯ ИСТОРИЯ

Ян Химильсбах 36
ЗИМА СТОЛЕТЬЯ

Лешек Шаруга 40
КОЕ-ЧТО ИЗ ЖИЗНИ

Алексей Хетагуров 41
ОДИН ПОЛЯК

Адам Ротфельд 48
ТО, ЧТО ПОМНЮ
Отрывки из воспоминаний

Витольд Михаловский 54
НАПРАВЛЕНИЕ — АМУР

ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

Лешек Волосюк 61
ПАПА ЧИТАЕТ «ТЫГОДНИК ПОВШЕХНЫЙ»

Лешек Шаруга 68
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 71
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЗВЕЗДОПАД 75
ЭЛЬЖБЕТЫ ПЕНДЕРЕЦКОЙ

ПЛАНОМЕРНОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ 78
Беседа с директором Института национальной памяти Леоном Кересом

Переводчики: А. Базилевский, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, К. Старосельская, Е. Шиманская
Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 31, 36, 48, 75, 78), Archiwum (стр. 3, 4, 5, 27), W. Michalowski (стр.54) Tygodnik Powszechny (стр. 62, 66)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих ***(зам. гл. редактора)***
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Кацпер Ванчик

Адрес редакции
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95;608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**
Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел.: **280-83-52**
e-mail: **mik@mecom.ru**

Издатель
BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша
Тираж 4800 экз.

Сильвия Фролов

НЕЛЬЗЯ РЕБЕНКУ ВПИХИВАТЬ ЧТО ПОПАЛО

Типичный жилой квартал 70-х годов, серый и безликий, образец сермяжного наплевательства, вызывающий отвращение и ощущение полной безнадежности. Блочные дома поставлены словно на границе между старым Краковом и Новой Гутой: с одной стороны в две полосы полотно дороги, с другой — трамвайные пути, и над всем этим высится массивный силуэт костела, больше напоминающий автомобиль Бэтмена, чем храм Божий. Проходя мимо храма, я не могу отделаться от мысли, что этот монументальный стиль в современной польской сакральной архитектуре буквально поражает последовательностью своих попыток доказать, что Бог велик, но ужасно некрасив.

Кружа среди блочных домов и утопая в месиве тающего снега, я наконец отыскала небольшое здание школы на Лонковой (Луговой), мостовая которой сливается с мостовой Сличной (Красивой); тот, кто давал названия этим улицам, вероятно, отличался большим чувством юмора или наивной верой в могучую силу слова. А школа как школа, даже идеально, на первый взгляд, вписывается в печально-безликий пейзаж большого города. Обычная государственная школа для детей в возрасте от 7 до 12 лет, в задачу которой входит давать ученикам первоначальные знания, что в нынешней системе школьного образования означает, главным образом, следующее: закачивать, словно насосом, как можно большее количество материала в юные мозги. Но дети, подрастающие в эпоху компьютеров, прежде чем успевают научиться читать и писать, становятся уже вторично безграмотными и могут лишь бегло пользоваться джойстиком, а это с интеллектуальной точки зрения ставит их на одну доску с шимпанзе, демонстрирующим средний уровень сообразительности. Люди моего поколения читали и писали много, но к получению высшего образования относились всего лишь как к достижению определенного статуса в обществе. Официально ценились шахтеры и металлурги, неофициально — частные предприниматели, особенно владельцы теплиц с плантациями цветов и овощей. Сегодня детям с младых ногтей внушают мысль, что только высшее образование гарантирует получение хорошей работы. И правильно. Однако это порождает очередное тревожное явление — погоню за знаниями, что отнюдь не равнозначно стремлению получить знания и соответствующим образом их использовать. И между делом в этом массированном информационном потоке теряют самого человека, к которому относятся как к вместительной компьютерной дискетке. В конце концов это может привести к ситуации, когда мы окажемся обществом, в котором большую долю составляют никому не нужные магистры-невежды.

ЯЦЕК ЗАДОРА СО СВОЕЙ УЧЕНИЦЕЙ

К счастью, не все школы выступают в роли фабрик по производству отформатированного человеческого материала. И пусть примером послужит затерянная посреди краковского жилого муравейника школа с Лонковой, которая не потеряла самого важного — живого ребенка. Ребенка как равноправного партнера в воспитательном процессе, причем человека, который обязан привыкать к различиям через сопоставление с другими культурами, ибо мир опирается главным образом на различия.

Оказавшись еще только в коридоре школы, я убеждаюсь, насколько она отличается от той, где учится мой сын. Здесь нет старательно оправленных в рамочки реклам, тиражирующих телевизионные глупости, зато есть выполненные детьми художественные работы — невероятно красочные, непосредственные, которых никакой музей не постыдился бы. Здесь же выставлены привезенные из путешествий трофеи, например коллекция раковин или бабочек. Есть даже в витрине разинувшая пасть акула.

Директорша ведет меня в помещение школьного клуба, к Яцеку Задоре, главному, подчеркивает она, вдохновителю и организатору всех школьных мероприятий. Вокруг шумят дети, быть может, даже слишком шумят, но интересно, что пан Яцек, делая им замечания, не раздражается, не кричит; а ведь крик в современном воспитательном процессе стал новой формой насилия, заменил прежние розги. Подходят две девочки и просят нас посмотреть танец, который они сами придумали. Мы все в восторге, но особенно я. Меня восхищают открытость и непосредственность поведения детей, в которых никто не подавляет естественных эмоций.

Школа носит имя знаменитого польского путешественника Аркадия Фидлера*. Когда я спросила, почему выбрали его, директор школы Божена Микось ответила: «Переломным моментом стал 1989 год. Прежде школа носила имя коммуниста Юлиана Мархлевского, по известным соображениям. Было предложено несколько имен, например Яна Бжехвы или Корнелия Макушинского — оба были большими друзьями детей. Но в конце концов на педагогическом совете мы приняли решение взять имя Аркадия Фидлера, что было связано с географическим образованием предыдущей директорши. А я тоже географ по образованию. Вот и получилось, что собрались люди, которые смогли создать атмосферу, связанную с кругом своих интересов. Но по-настоящему все началось в 1992 году. Помню, собравшись тогда в школьном клубе, мы размышляли над тем, как ближе познакомить детей с личностью человека, чье имя стала носить школа. Мы читали его биографию, написанные им книги и сами таким образом восполняли свое образование».

Говорит Яцек Задора:

— До этого праздники в школах отмечали стандартно: парадная одежда, официальная атмосфера, декламация стихов, учителя, стоящие над детьми с требованием вести себя тихо, и, конечно же, всеобщее притворство: мол, все глубоко переживают происходящее. А нам было важно представить лич-

* Аркадий Фидлер (1894-1985) писатель, путешественник; автор репортажей и путевых заметок, среди его книг: «Рыбы поют в Укаяле», «Канада, пахнущая смолой», произведения о войне «Дивизион 303», «Спасибо тебе, капитан». - *Ред.*

ность Фидлера так, чтобы дети увидели в нем живого человека, чтобы они при этом могли проявить свои естественные детские эмоции. Поэтому мы решили, что ознакомление со многими культурами, то есть то, что пропагандировал Фидлер и что стало главным принципом нашей программы, следует проводить по многим направлениям — в художественной, музыкальной, театральной и литературной областях, предоставляя детям возможность самым активным образом участвовать в этом. Мы привлекли родителей к подготовке костюмов, попросили предоставить реквизит, привезенный из путешествий, — у кого что есть. У нас работает учитель, ведущий танцевальные занятия. О классическом танце и любом другом он знает почти все, поэтому мы попросили его помочь, например, в постановке африканских плясок вокруг тотема или плясок славянских жриц у капища Святовита. Фидлер был символом открытости, ведь он объездил весь мир. Это прекрасно соответствовало той новой ситуации в Польше, которая возникла после 1989 года. Такой покровитель давал возможность впустить этот мир и в нашу школу, и в юные умы.

Когда-то, — продолжает свой рассказ пан Яцек, — меня ужасно раздражало, что моя дочь смотрит американские фильмы, в которых якобы показывали тамошнюю школьную жизнь, на самом деле не имевшую с жизнью ничего общего. Но однажды я тоже сел посмотреть фильм вместе с ней. Меня заставила задуматься одна вещь — как там общественность реагирует на школьные спектакли, составляющие весьма важный элемент школьной жизни. Возможно, это и наивно, и даже может раздражать, так как содержание этих спектаклей не отличается особой глубиной. Но гораздо важнее было другое: они объединяли учеников, учителей и родителей, для которых выступление ребенка на сцене становилось большим семейным событием. Я понял, что мы можем делать нечто подобное, наполнив эту форму качественным, полезным содержанием, соответствующими знаниями. Проведя многочисленные совещания и дискуссии, мы сочли, что праздник, посвященный Аркадию Фидлеру, нельзя ограничить одним днем, что для этого требуется целая неделя. Причем концепция была следующей: это станет образовательным процессом не только для детей, но и для всех нас, в том числе и для учителей, которые должны прежде сами тщательно подготовиться к мероприятию. Короче говоря, нам хотелось, чтобы наша школа приобрела свой характер, ибо ничего не бывает хуже школы безликой. В качестве первой страны для недельного праздника культуры мы выбрали Перу, любимую страну Фидлера. Ребенку нельзя впихивать что попало. Мы считали, что каждое мероприятие должно иметь определенный уровень. Поэтому мы постарались получить поддержку самых высоких инстанций, например посольства данной страны. Когда мы обзванивали разные организации, реакция оказывалась весьма положительной. Обещали и далеко идущую помощь в виде финансирования премий. Известно, что такие меропри-

ятия требуют финансовых затрат, поэтому нам пришлось искать и других спонсоров. Теперь у нас есть несколько таких частных спонсоров — ставших уже постоянными; мы получаем дотации от городской администрации, родители тоже подчас бывают весьма щедрыми. Например, один родитель во время дней еврейской культуры заявил, что он филосемит и приобрел для всего класса билеты на мюзикл «Скрипач на крыше». Надо еще отметить, что сыновья Фидлера, которые часто бывают нашими гостями, тоже взяли на себя опеку над нашей школой.

Пан Яцек — как он сам о себе говорит, «парень немного хипповатый», — увлечен культурой Дальнего Востока. В «Школьной газете», которая здесь выпускается, он опубликовал мысли индийского философа Кришнамурти о воспитании воспитателя:

— Все окончили какие-то школы или вузы, — объясняет он мне. — Но ведь очень редко отношение к детям, к студентам было партнерским. Роли распределены заранее: есть те, кто должен просвещать, и те, кого должны просвещать. Если, скажем, каждый из нас честно оценит свои знания, то придет к выводу, что знаний этих не так уж много. При этом чрезвычайно важную роль играет смирение, необходимое для того, чтобы увидеть в ребенке партнера. Мы все являемся частью единого целого. И не может одна из этих частей утверждать, что она важнее другой. Это будет нарушением некоего идеального порядка. Что мне в школе всегда не нравилось, так это отношение учителей к ученикам ex cathedra. Они ведь даже не подозревают, что могут чему-то научиться у тех, кого обучают. Сами дети дают учителю шанс реализовать себя. Кришнамурти утверждает также, что у нас, взрослых, взгляды уже кристаллизовались, ибо, как правило, мы привержены какой-либо идеологии или религии. Это приводит к тому, что мы учим ребенка, ***что*** ему думать, а не ***как***. Если я знаю, что кто-то отличается от меня, и ему нравится не то, что нравится мне, и что он сам из-за этого может мне не понравиться, то я пытаюсь осознать, есть ли у меня шанс найти такой подход к нему, чтобы все-таки найти тот уровень, на котором мы можем договориться.

В «Школьной газете» высказываются и учителя, и ученики. Дети пишут о том, что их интересует, даже проводят интервью — с родителями, с приглашенными в школу гостями. Есть колонка и для родителей, которые описывают свои перипетии с шитьем костюмов до четырех часов утра или с уборкой помещений после мероприятий, что призвано несколько облегчить нагрузку на бюджет школы. Мое внимание привлек комментарий десятилетней девочки к биографии Будды. Она написала, что не так уж важно, кто какую религию исповедует. Гораздо важнее, какими принципами руководствуется он в жизни. На мой вопрос, не оказывается ли сложным делом прививать такие ценности детям в стране, где 90% граждан считают себя католиками, пан Яцек отвечает:

— Признаюсь, нет, если не считать единичных, но я подчеркиваю, единичных случаев, как, например, во время организованной нами недавно недели еврейской культуры. Когда мы только начали осуществлять программу ознакомления со многими культурами, о Евросоюзе еще никто и не мечтал. Начиная свою деятельность, мы исходили из того, что это будет воздействие по принципу прививки. Если достаточно рано привить ребенку уважение к определенным ценностям, то, став взрослым, он совершенно спокойно будет воспринимать иных, чужих. Самым лучшим примером может служить неделя Черной Африки. В Польше было несколько неприятных инцидентов, когда в польские футбольные клубы начали приглашать чернокожих футболистов. Их оскорбляли во время матчей, бросали им вслед бананы. Поэтому мы решили пригласить в школу африканцев, чтобы они сами провели занятия с детьми и сами о себе рассказали. Это придавало больше подлинности и убедительности. Вы спрашиваете, боимся ли мы? До некоторой степени боимся, но рисковать надо. Нельзя делать вид, что не существует таких проблем, как расизм или антисемитизм. Желание противодействовать ксенофобии — одна из основных причин, по которым мы ввели изучение предмета многообразия культур в школьную программу. Страх перед чем-то чужим свидетельствует о слабости. Если мы чувствуем, что нашему ощущению самобытности что-то угрожает, то немедленно напрашивается вопрос: возможно, в таком случае наше ощущение самобытности вовсе не столь глубоко? Поэтому мы стараемся параллельно знакомить детей и с миром польской культуры, с самыми важными по значимости традициями, обычаями, такими, как сочельник, рождественский вертеп, Пасха. Мы стараемся привить детям чувство гордости за культуру собственной нации, они сами должны знать и тех людей, и те места, в связи с

которыми мир может нам позавидовать. Когда мы проходим тему «Дни — той или иной — культуры», то всегда стараемся привнести польский акцент. Например, в Перу самую высокогорную железную дорогу построил Малиновский, в Австралии многочисленные открытия сделал Стшелецкий и т.д. Мы поддерживаем контакты с Полонией (польской диаспорой за границей), приглашаем поляков, живущих в данной стране. Например, во время канадской недели мы пригласили старшеклассника, только что приехавшего из Канады, и он рассказал нам о канадской школе.

Мы вместе рассматриваем фотоальбомы. Самое интересное и одновременно самое трудное дело во время «недели культуры» — поставить спектакль с участием детей. В каждом спектакле, — говорит пан Яцек, — рассказывается о каком-то ключевом событии в истории данного государства. Например, Африка. До сих пор бытовало представление о ней как о диком континенте без культуры. А наши дети уже знают о зарождении государственности в Мали в XIII веке. Во время перуанской недели мы поставили пьесу «Апу Оллантай» по древнейшему эпосу перуанских индейцев. Во время дней индийской культуры был показан полуторачасовой спектакль по «Рамаяне». Когда дети готовятся к спектаклю, разучивают роли, изготовляют маски, то самостоятельно узнают, что в данной стране существуют такие же нравственные проблемы — деньги, власть и любовь — как везде на свете.

— Но, — замечаю я, — вы ведь ставите спектакли, не только посвященные дням культуры. Ставятся и другие, которые выбираются по определенному принципу. Например, «Проделки лиса Виталиса» Яна Бжехвы.

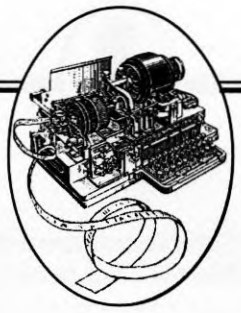
— Ах да, — смеется пан Яцек, — этот спектакль я ставил как раз во время президентской кампании. Я подумал, что детям стоит показать, в чем состоит суть демократии. Одновременно я хотел убедиться, с какого возраста они в состоянии понять механизмы демократической системы, различать причины и следствия. Текст Бжехвы идеально подходит для этого. Я адаптировал текст для театрального представления, пригласил детей из расположенного по соседству детского сада. Все получили избирательную программу лиса Виталиса, обещавшего вкусные пироги на снегу или колбасу на деревьях. Мы разыграли всю избирательную кампанию, радость, эйфорию, а потом повседневную жизнь после выборов, когда лис только полеживал да объедался, ничем не интересуясь и никого не принимая. Напряжение постепенно нарастало, пока звери не взбунтовались. В этой сцене дети могли дать выход всем своим эмоциям. Потом была встреча и дискуссия на тему поведения лиса. Оказалось, что все дети, включая детсадовских, прекрасно понимали, о чем идет речь. Это был прекрасный урок по гражданскому поведению.

На мой вопрос, планирует ли школа организовать дни русской культуры, директор школы Божена Микось ответила:

— Да, да, конечно. До сих пор нас интересовали страны весьма далекие, теперь мы хотим переместиться ближе. А Россия — это же близкий сосед, неисчерпаемый источник информации и великолепная культура.

— Дни еврейской культуры прежде всего должны были разрушить стереотип, — добавляет пан Яцек. — У детей, которые принимали участие в занятиях по этой теме, готовили доклады, танцевали, рисовали, пели еврейские песни, встречались с господином Якубовским из еврейской общины Кракова, писали сочинения на тему идей Талмуда, слово «еврей» перестанет носить отрицательный оттенок и будет звучать так же, с таким же смыслом, как слова «венгр», «чех» или «англичанин». Подобным образом обстоит дело и с русской культурой. Долгое время у поляков сохранялось отрицательное отношение к России ввиду перенесенных на протяжении истории болезненных травм, но настало время это преодолеть, показать все самое ценное, связанное с Россией, ведь поляки знают об этом очень мало. Я глубоко убежден, что если в самом начале образовательного процесса предоставить детям возможность соприкоснуться на практике с явлениями данной культуры, то потом уже будет гораздо сложнее внушать им различные предубеждения.

Выйдя из школы, я как можно быстрее мчусь на другой конец Кракова, чтобы забрать с продленки своего сына. Он сидит вместе с другими детьми, тупо уставившись в экран телевизора. Учительницы пьют кофе, сплетничают, то и дело поглядывая на часы. И все же бывает гораздо хуже. Меня в его возрасте на продленке били линейкой по рукам.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «В Освенциме прошли торжества, посвященные 60-й годовщине освобождения лагеря смерти Аушвиц—Биркенау, в которых приняли участие бывшие узники (в частности, Симона Вейль и Владислав Бартошевский), а также несколько десятков глав государств, в том числе президенты Польши, России, Украины, Израиля и вице-президент США. Послание Папы Иоанна Павла II прочитал кардинал Жан-Мари Люстиже [еврей по происхождению], чья мать погибла в лагере». (*«Тыгодник повшехный», 6 февр.*)

• На международном форуме «Жизнь народу моему!», прошедшем в Кракове накануне церемонии на территории лагеря, президент Украины Виктор Ющенко, чей отец был узником Аушвица, заверил, что «на Украине не будет места антисемитизму, ксенофобии и межнациональной розни». Ющенко напомнил, что в прошлом столетии на Украине тоже совершались страшные трагедии — в частности, голодомор, поглотивший 15 миллионов человек. На форуме выступил также президент Владимир Путин. Он подчеркнул, что никто не может быть равнодушен к проявлениям антисемитизма, ксенофобии, расизма и религиозной нетерпимости. «Даже в нашей стране — в России, которая больше всего сделала для борьбы с фашизмом, (...) для спасения еврейского народа — даже в нашей стране сегодня, к сожалению, иногда мы видим проявления этих болезней. И мне стыдно за это», — сказал российский президент. (*«Жечпосполита», 28 янв.*)

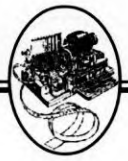
• «Несколько тысяч человек собралось вчера на территории самого большого в мире кладбища без могил — бывшего немецкого концлагеря Аушвиц (...) Прибыли президенты, премьеры, коронованные особы — в общей сложности 45 официальных делегаций, во главе которых стояли, в частности, президент России Владимир Путин, президент Израиля Моше Кацав, президент Украины Виктор Ющенко, президент Германии Хорст Келер, президент Франции Жак Ширак и вице-президент США Дик Чейни (...) прибыли также представители еврейских организаций и ветераны Красной армии (...) На церемонию съехалось более 1600 журналистов со всего мира, в т.ч. свыше 100 съемочных групп различных телеканалов (...) В созданном в 1940 г. концлагере Аушвиц немцы зверски уничтожили (в частности, в газовых камерах) по меньшей мере 1,1 млн. человек [в т.ч. более миллиона евреев]. 27 января 1945 г. лагерь заняли советские солдаты 60-й армии 1-го Украинского фронта». (*«Жечпосполита», 28 янв.*)

• Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше, переживший Катастрофу благодаря польской семье: «На торжествах в честь 60-летия освобождения Освенцима у меня перед глазами стояли узники лагеря. Мы, участники церемонии, были одеты в теплые пальто, шарфы и толстые носки. А они стояли на трескучем морозе, часто босиком, и в таких условиях ждали...» (*«Впрост», 6 февр.*)

• Президент Владимир Путин в Освенциме: «Мы склоняем головы перед десятками миллионов граждан разных стран мира, граждан, которые прошли ад концлагерей, были расстреляны и замучены, погибли от голода и болезней. Мы склоняем головы перед жертвами Холокоста, перед всеми жертвами бесчеловечной войны, развязанной нацизмом (...) Мы воздаем дань мужеству советских воинов, 600 тысяч которых отдали свои жизни за освобождение Польши. И никогда не забудем, что Советский Союз заплатил самую страшную, непомерно высокую цену за эту победу — 27 миллионов жизней!» (*«Газета выборча», 28 янв.*)

• «Путин произнес удивительную речь, посвященную не столько еврейским и другим жертвам Аушвица, сколько 600 тысячам советских героев, которые пали в борьбе с нацизмом, освобождая Польшу и Освенцим (...) По иронии истории, в ту минуту, когда советские войска освобождали концлагерь, миллионы несчастных депортировали, мучили и убивали в архипелаге ГУЛАГ, которым управляли предшественники Владимира Владимировича». (*Мацей Лукасевич, «Впрост», 29-30 янв.*)

• «Надо ли было ему выступать? Тем более что свою речь он закончил ритуальными словами: мир должен сделать все, "чтобы случившееся здесь никогда не повторилось". Это сказал человек, по чьему приказу российская армия истребила сто, а может, и двести тысяч чеченцев (...) Что



из этого следует? Пожалуй, только то, что на самом деле мир так и не извлек никаких уроков из памяти об Аушвице, а слова "никогда больше" — лишь пустой ритуальный лозунг». (*Войцех Пентяк, «Тыгодник повшехный», 6 февр.*)

• «Краковская полиция воспрепятствовала проведению манифестации против участия президента России Владимира Путина в торжествах по случаю годовщины освобождения Аушвица. Манифестанты хотели напомнить, что на Путине лежит ответственность за смерть тысяч людей и действия российских войск в Чечне (...) Ведь было известно, что российский президент демонстративно отложил свой приезд в Польшу. Место проведения демонстрации — краковская Рыночная площадь — тоже не угрожало ни серьезности торжеств, ни пребывавшим в городе высокопоставленным лицам». (*Кшиштоф Бурнетко, «Тыгодник повшехный», 6 февр.*)

• Эли Визель: «Если память о людях, ставших жертвами Катастрофы, не заставит нас реагировать на страдания и преследования нашего времени, то зачем вообще нужна память?» (*«Тыгодник повшехный», 6 февр.*)

• Леопольд Унгер: «Путину удался непростой трюк (...) Обращаясь ко всему миру с территории самого большого еврейского кладбища, он ни разу не произнес слова "еврей"». (*«Газета выборча», 1 февр.*)

• Проф. Шевах Вайс: «Когда десять лет назад мы отмечали 50-ю годовщину освобождения Освенцима (...) в [краковском] Вавеле (...) прошло заседание, на котором было решено написать декларацию, осуждающую действия нацистов и проявления расовой ненависти. В принятом заявлении не было упоминания о национальности жертв Освенцима, не было упоминания о евреях. Это было прямое продолжение традиций коммунистической Польши: не упоминать о жесточайшем истреблении еврейского народа, сделав его анонимной жертвой фашизма. Тогда я подошел к президенту Валенсе, который был организатором этого съезда, и от имени всей делегации (в нее входили Эли Визель, Йосеф Бург, Дов Шиланский, проф. Израэль Гутман и директор «Яд Вашема» Авнер Шалев) сказал ему, что умышленное умолчание о факте истребления евреев — поступок, заслуживающий осуждения и являющийся своего рода отрицанием Катастрофы. Затем я добавил, что если декларация не будет изменена, то мы в знак протеста покинем зал. Под таким давлением президент Валенса изменил текст декларации и подчеркнул слово "евреи"». (*«Впрост», 30 янв.*)

• Проф. Бронислав Геремек, евродепутат, специальный посланник президента Александра Квасневского на сессию ООН, посвященную Катастрофе: «Аушвиц стал символом Катастрофы и геноцида, но на территории Польши действовали и другие лагеря смерти: Белжец, Собибор, Треблинка, Майданек и Хелмно. Несмотря на то что они находились на территории Польши, это, вопреки риторике некоторых историков и СМИ, не были "польские лагеря". Их построила нацистская Германия, оккупировавшая Польшу. Здесь мне бы хотелось сделать одно очень лично отступление. Аушвиц для меня — семейное кладбище. Там погиб мой отец». (*«Газета выборча», 26 янв.*)

• «Во время дебатов Европарламента, посвященных принятию резолюции к 60-летию со дня освобождения Аушвица, лидер немецких социалистов Мартин Шульц признал: «Это был лагерь, созданный немецкими нацистами». Такая поразительная смена мнения стала реакцией на призыв польского депутата Богуслава Соника: «Господин Шульц, я вас прошу, призываю ясно сказать, что это были немецкие нацисты, немецкие...» (...) По предложению польских депутатов, был изменен также список жертв. После евреев и цыган идут поляки, а затем русские (...) Польским депутатам было важно, чтобы в список были включены русские». (*Анна Слоевская, «Жечпосполита», 27 янв.*)

• «В сообщении из Лондона на английском языке от 22 января официальное российское информационное агентство "Новости" написало о выставках в ознаменование 60-й годовщины освобождения Аушвица и Майданека. Эти лагеря смерти агентство назвало "польскими". "Это очень досадная ошибка", — оправдываются теперь россияне». (*«Газета выборча», 27 янв.*)

• «В сообщениях российской печати и российских информационных агентств на тему мероприятий, посвященных освобождению Аушвица, говорится: "концлагерь Освенцим в Польше". В лучшем случае к этому прибавляют "нацистский" или "фашистский". Лагерь в Польше. Лагерь, освобожденный Красной армией. И ничего, или почти ничего о том, что это был немецкий лагерь (...) Отношения Москвы и Берлина в последнее время так прекрасны, что, может быть, бывший резидент КГБ в гэдээровском Дрездене просто не хочет попрекать своих друзей их темным прошлым». (*Анджей Луковский, «Тыгодник повшехный», 30 янв.*)

• Из №23 польского журнала «История Польши. Бог, Честь и Отчизна» можно узнать, что во время II Мировой войны существовали «польские лаге-

ря смерти», «польские концлагеря» и «лагеря на территории Германии». «Это идиотская ошибка, которая не могла быть допущена. Мы напечатаем этот номер еще раз и бесплатно приложим его к №25. Там же будет опубликовано письмо с извинениями», — говорит сотрудница журнала Иоанна Цеслевская. (*«Жечпосполита», 4 февр.*)

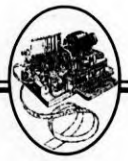
• **«Американский еврейский комитет выражает Польше признательность за организацию мемориальной церемонии, посвященной 60-летию освобождения концлагеря Аушвиц—Биркенау, и благодарит президента Александра Квасневского за его волнующую речь. Мы хотим также напомнить тем, кто не знает фактов или слишком небрежно подбирает слова — что имело место в некоторых СМИ, — что Аушвиц—Биркенау и другие лагеря смерти (в т.ч. Белжец, Хелмно, Майданек, Собибор и Треблинка) были изобретены, построены и приведены в действие гитлеровской Германией и ее союзниками (...) Нью-Йорк, 30 января 2005 года». Подписано: Дэвид А. Харрис, исполнительный директор Американского еврейского комитета. (*«Жечпосполита», 4 февр.*)**

• «9 мая Александр Квасневский и главы других государств прибудут в Москву, чтобы принять участие в праздновании 60-летия окончания II Мировой войны. Депутаты Европарламента направили к ним обращение, напоминающее, что этот день — еще и дата начала оккупации Советским Союзом восточной части Европы. Ежи Бузек, также подписавшийся под обращением (...) подчеркнул, что 9 мая 1945 года — очень важная дата, означающая конец великой трагедии. "Однако если торжества проходят в Москве, а приглашение на них присылает склоняющийся к диктатуре Путин, то это не самый подходящий способ праздновать годовщину победы", — сказал бывший премьер-министр (...) Как мы уже писали, 9 мая в Белгородской области будет открыт памятник Сталину (...) Депутаты, подписавшие обращение (среди сотни парламентариев из 25 стран есть и шестеро депутатов от "Гражданской платформы"), напоминают, что в начале войны СССР помогал Германии. "На протяжении 16 ключевых месяцев Советский Союз обеспечивал немецкой армии поставки нефти, продовольствия и стратегического сырья. В то же самое время он в сговоре с нацистской Германией совершил агрессию против Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Румынии", — говорится в обращении». (*Анна Слоевская, «Жечпосполита», 21 янв.*)

• **Главный редактор газеты «Русский курьер Варшавы» Владимир Кирьянов: «Труднее всего было в начале 90-х. В первые годы после перелома поляки испытывали большое недоверие к русским. Сегодня это уже в прошлом». Когда человек, знакомящийся с Кирьяновым, узнает, что он русский, заверениям в дружеских чувствах нет конца (...) «Прожив в Польше 17 лет, я заметил, что быстрее нахожу общий язык со многими из вас, чем с некоторыми своими соотечественниками. Меня покорила ваша открытость и смелость. С вами всегда можно откровенно поговорить о политике», — говорит редактор «Русского курьера». (*«Ньюсуик-Польша», 30 янв.*)**

• «Вопреки планам, президент Владимир Путин не встретился с Александром Квасневским накануне освенцимской церемонии. Ему помешала метель. Была ли это истинная причина или только предлог? Трудно сказать наверняка. Однако не исключено, что погода лишь помогла найти легкую отговорку (...) В 2000-2004 гг. во время официальных и рабочих визитов Владимир Путин и Александр Квасневский встретились десять раз. Возросло также число контактов на уровне парламентов, министров и общественных организаций. В период с января по октябрь 2004 г. в списке иностранных торговых партнеров России Польша поднялась на восьмое место, а товарооборот между двумя странами достиг 6,5 млрд. долларов, т.е. по сравнению с тем же периодом 2003 г. увеличился на 25,6%. Польский экспорт рос быстрее, чем российский. В свою очередь Россия занимает в Польше третье место по импорту и десятое по экспорту. По разным оценкам, стоимость российских инвестиций в Польше составляет 1,3 млрд. долларов (разумеется, это лишь очень малая часть всех иностранных инвестиций в Польше), а польских в России — 85 миллионов (для сравнения: стоимость венгерских инвестиций в России составляет 300 млн. долларов). Как показывают социологические опросы, 76% поляков высказываются за развитие экономического сотрудничества с Россией, а приблизительно столько же россиян (75%) положительно оценивают свое отношение к Польше. Однако несмотря на все это наши сегодняшние отношения трудно назвать конструктивными и позитивными». (*Ирина Кобринская, «Жечпосполита», 28 янв.*)

• **«По окончании освенцимской церемонии президенты Путин и Квасневский договорились, что весной в Петербурге пройдет польско-российский экономический форум». (*«Политика», 5 февр.*)**



• «Польша безуспешно ведет с Россией переговоры о разрешении нескольких ключевых экономических проблем. Теперь к ним прибавилась еще одна: импорт нефти с востока. По мнению экспертов, это лишь начало того счета, который Россия намерена выставить Польше за поддержку украинской "оранжевой революции" (...) Министр сельского хозяйства Войцех Олейничак предпринял очередную попытку договориться со своим российским коллегой Алексеем Гордеевым об устранении препятствий для экспорта в Россию польских молочных продуктов, мяса и рыбы. Однако польский министр не надеется на благоприятный исход этих переговоров (...) [Нефтяной концерн] ПКН "Орлен" подтвердил, что швейцарская компания "Петровал", посредничающая в продаже российской нефти, еще в декабре прекратила поставки (...) Многие споры продолжаются уже полтора десятка лет. Так выглядит ситуация с долгами, оставшимися со времен коммунизма, с использованием лицензий на производство советского оружия, с недвижимостью, принадлежащей российским властям, с компенсациями для поляков, работавших в советских лагерях, с условиями судоходства в Пилавском проливе. Мы не можем договориться с Москвой о совместном пограничном и таможенном досмотре. Нам не удается заключить договор о взаимной защите инвестиций. После вступления Польши в Евросоюз ни разу не собиралась двусторонняя польско-российская комиссия по экономическим вопросам (...) Часть конфликтов возникает из-за того, что президент Владимир Путин создает авторитарную систему власти. Чиновники не хотят проявлять собственную инициативу без согласия Кремля. Обеспокоенная последствиями расширения Евросоюза Москва приняла стратегию разжигания конфликтов между государствами-членами ЕС». (*Жечпосполита», 22-23 янв.*)

• «Чтобы поддерживать хотя бы сносные отношения с Евросоюзом, Россия должна невзирая на все трудности вести постоянный диалог на разных уровнях и форумах с новыми членами ЕС — прежде всего с Польшей и странами Прибалтики». (*Ирина Кобринская, «Впрост», 16 янв.*)

• «Гарантированные российским концерном ЮКОС поставки нефти для ПКН "Орлен" приостановлены. Польский производитель топлива заверяет, однако, что ему хватит сырья». (*«Жечпосполита», 21 янв.*)

• «ЮКОС перекрыл кран. Над польскими нефтеперерабатывающими комбинатами навис призрак кризиса. После национализации ЮКОСа к ним перестает поступать нефть (...) Ситуация напоминает то, что делалось год назад, когда во время газовой войны между Россией и Белоруссией "Газпром" приостановил поставки газа, идущего транзитом через Белоруссию в Польшу и Литву (...) В среду о проблемах с поставками сообщила Литва». (*«Газета выборча», 21 янв.*)

• «Польша вновь обрела контроль над "Нафтопортом" — единственным терминалом, обеспечивающим альтернативный трубопроводу «Дружба» источник поставок нефти для польских нефтеперерабатывающих предприятий». (*«Газета выборча», 2 февр.*)

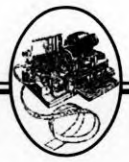
• «Европейский инвестиционный банк готов на специальных условиях финансировать строительство польского отрезка нефтепровода Одесса—Броды, так как это проект, приоритетный для энергетической безопасности Евросоюза». (*«Газета выборча», 4 февр.*)

• Заместитель министра транспорта России Александр Мишарин: «Россия заинтересована в создании компании, которая занялась бы строительством и эксплуатацией как польского отрезка широколейной железной дороги, так и логистическим центром в Славкове в конце ее». (*«Газета выборча», 4 февр.*)

• «Хотим мы того или нет, но, поддержав по велению сердца и разума "оранжевую революцию", в уверенности, что демократия лучше постсоветского авторитаризма, мы избрали курс, противоречащий политике Кремля. По мнению нижеподписавшегося, другого выбора у нас не было, однако нужно отдавать себе в этом отчет и быть готовым к тяжелым временам в отношениях с Россией». (*Бартломей Сенкевич, «Ньюсуик-Польша», 23 янв.*)

• Юлия Тимошенко: «У меня такое впечатление, что революция охватила не только Украину, но и польско-украинские отношения. Практически мы совершили эту революцию вместе — ведь на майдане Незалежности было множество поляков. Нас поддерживало польское правительство и президент — собственно говоря, все общество. Уже сегодня это стало важной и прекрасной страницей в истории наших взаимоотношений». (*«Ньюсуик-Польша», 16 янв.*)

• Профессор Львовского университета и лодзинского Высшего училища международных отношений Анатолий Романюк: «Во время "оранже-



вой революции" в отношениях между Польшей и Украиной произошли большие перемены. Все мы видели, сколько поляков приехало на киевский майдан Незалежности и какой поразительно сильной была международная поддержка Польши. Это повлияло на всех жителей Украины (...) Когда я организовал занятия для польских и украинских студентов, оказалось, что исторические конфликты не имеют для них значения». (*«Газета выборча», 29-30 янв.*)

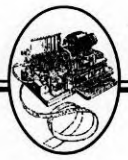
• Из интервью с президентом Александром Квасневским: «Присутствие поляков на майдане Незалежности во время "оранжевой революции" останется в памяти обоих народов и сыграет примерно такую же роль, как польская помощь Будапешту в 1956 г. или проявления солидарности с Польшей в 1980-м и после 13 декабря 1981-го (...) Однако не стоит забывать, что лечение исторических ран началось еще раньше. Ну хотя бы тогда, когда Польша первой признала независимость Украины. Но и потом, когда, уже войдя в Евросоюз, мы ввели принцип бесплатных виз для украинцев, а они отплатили нам встречным жестом и вообще отменили визы для поляков. Таких примеров можно привести множество (...) На востоке Украины к Польше относятся хуже (...) Эти регионы в значительной степени подвержены влиянию российских СМИ, которые недвусмысленно представляют посредническую миссию как акцию западного мира или прямо США. Это, конечно, чушь: для нас дело было не в том, чтобы победил тот или иной кандидат, но в том, чтобы демократию не попирали, чтобы мы жили в мире, где "да" избирателей значит "да", а "нет" — "нет" (...) Во время украинского кризиса я разговаривал с Бушем, Шираком, Шредером, с председателем Европейского совета Балкененде, с британским премьер-министром Блэром, с канцлером Австрии и президентом Чехии — со всеми, кто должен был понять проблему и мог оказать поддержку. Это стало возможным только потому, что мир прислушивается к мнению Польши по украинскому вопросу и ценит нашу компетентность и ангажированность». (*«Тыгодник повшехный», 16 янв.*)

• Олег Рыбачук, близкий соратник Виктора Ющенко, о роли президента Александра Квасневского: «Если бы он приехал на несколько дней позже, возможно, события стали бы развиваться по совсем другому сценарию». Рыбачук не сказал прямо, по какому, дав, однако, понять, что речь шла о применении силы. Во время визита в редакцию газеты «Жечпосполита» он также поблагодарил поляков, которые приехали на майдан Незалежности и вместе с украинцами жили в палаточном городке, а также польских политиков и СМИ, поддержавших «оранжевую революцию». (*«Жечпосполита», 13 янв.*)

• На встрече, которая подвела итоги польской миссии на Украине, посол Украины в Польше Игорь Харченко сказал: «Позвольте выразить вам сердечную признательность за участие в деле укрепления демократии на Украине». По мнению польского министра иностранных дел Адама Ротфельда, величайшим успехом было то, что дело не дошло до кровопролития. Люди, участвовавшие в событиях на Украине, в один голос заявили, что на этом их деятельность закончиться не может. Еще в январе начнет действовать программа польско-украинского обмена «Инициатива "Вместе"». (*«Жечпосполита», 14 янв.*)

• «Президент Украины Виктор Ющенко встретился с премьер-министром Мареком Белькой и президентом Александром Квасневским. Ющенко подтвердил, что проблема [польского] кладбища "Львовских орлят" [погибших в 1918-1920 гг. в боях с украинцами] будет решена еще в апреле. "Рука, протянутая в знак примирения, не может повиснуть в воздухе", — сказал украинский президент. Кроме того Ющенко и премьер-министр Белька совместно заявили, что их цель — сделать все, чтобы трубопровод Одесса—Броды доставлял нефть на запад, как и планировалось первоначально. Ее источником могут стать казахские месторождения. Детали должны быть оговорены во время февральского визита Бельки в Киев». (*«Газета выборча», 27 янв.*)

• Александр Квасневский на Всемирном экономическом форуме в Давосе: «Мы должны поддерживать Украину политическими контактами и инвестициями». Квасневский призвал страны Европы открыть двери украинской молодежи, давая ей возможность учиться в европейских университетах и получать стипендии. «Откройте Украину, которая для многих все еще остается terra incognita», — убеждал польский президент, предлагая устанавливать деловые и туристические контакты с этой страной и призывая к международной солидарности с демократической Украиной. Основатель и президент ВЭФ Клаус Шваб сообщил о предварительной договоренности с Виктором Ющенко по поводу проведения на Украине специальной конференции при участии членов форума. (*«Жечпосполита», 29-30 янв.*)



• Президент Александр Квасневский: «Наша позиция по вопросу будущего расширения Евросоюза должна быть ясной: мы хотим этого расширения, хотим прихода новых партнеров и готовы к этому. Мы сознаём, какие это может иметь последствия, стараемся как можно лучше использовать то, что нам дают сегодня, и будем помогать следующим странам, которые войдут в структуры ЕС». (*«Газета выборча», 21 янв.*)

• Подавляющим большинством голосов (467 «за» при 19 «против» и 7 воздержавшихся) Европейский парламент принял резолюцию о возможности вступления Украины в ЕС (...) Были приняты все поправки, предложенные поляками. Резолюция призывает: 1) смягчить визовый режим для украинцев; 2) признать Украину страной с рыночной экономикой; 3) поддержать вступление Украины во Всемирную торговую организацию. В резолюции говорится также о необходимости «экономической и административной поддержки реформ на Украине, в т.ч. о быстром увеличении финансовой помощи». От имени правых центристов и польских депутатов эти поправки предложил Богдан Клих из «Гражданской платформы». (*Роберт Солтык, «Газета выборча», 14 янв.*)

• Проф. Ежи Помяновский: «Проторить Украине путь в Евросоюз — вот задача, которая должна теперь стать первоочередной для каждого польского правительства. Первые же шаги на этом пути должны убедить украинцев и россиян — да-да, россиян! — что польский сосед не думает о господстве или только о собственной выгоде». (*«Газета выборча», 29-30 янв.*)

• «Больше всего эмоций во время визита маршала польского Сейма в Вильнюс вызвала встреча, которая не состоялась. Влодзимеж Цимошевич не встретился с министром иностранных дел Литвы, который, как недавно выяснилось, в прошлом был офицером запаса КГБ (...) "МИД Литвы пытался организовать встречу Цимошевича с Валионисом, однако Цимошевич выбрал экскурсию в музей жертв КГБ", — написала в пятницу газета «Летувос жиниос». (*«Жечпосполита», 15-16 янв.*)

• «В последнее время Польша ведет в Литве исключительно активную политику. Об этом свидетельствует целая серия визитов польских официальных лиц [маршала Сейма Влодзимежа Цимошевича, маршала Сената Лонгина Пастусяка, министра иностранных дел Адама Ротфельда и президента Александра Квасневского]. Совершенно иную деятельность ведет здесь Россия (...) На первой полосе влиятельной газеты "Летувос ритас" опубликована статья, из которой следует, что (...) в Литве действуют более ста российских агентов». (*Роберт Мицкевич, «Жечпосполита», 14 янв.*)

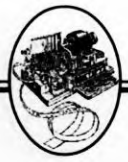
• «В варшавский аэропорт Окентье прибыли 136 человек из Беслана. Большинство из них — это дети, жертвы теракта в школе 1 сентября прошлого года. Самому маленькому гостю польской столицы всего десять месяцев. Есть среди них и 78-летний мужчина, прилетевший с тремя внуками, чьи родители погибли. Всех их пригласил в Польшу президент [мэр] Варшавы Лех Качинский (...) В пятницу гости из Беслана отправятся в дом отдыха "Сирена" в Мельне (Западно-Поморское воеводство), где проведут три недели». (*«Газета выборча», 1 февр.*)

• Новая действительность способствует ощущению счастья. Согласно опросу ЦИОМа, 13% поляков очень довольны своей жизнью, 49% — скорее довольны, 31% — более или менее довольны. Недовольны жизнью 5% опрошенных, а очень недовольные составляют 1%. В 1988 г. счастливы были 18% поляков, а 16% считали себя неудачниками. (*«Жечпосполита», 10 янв.*)

• По данным Главного статистического управления, в 2004 г. рост экономики составил 5,4% ВВП. В 2003 г. он составлял 3,8%. (*«Газета выборча», 1 февр.*)

• В 2004 г. инвестиции выросли на 5,1%, в то время как еще год назад было отмечено их полупроцентное снижение. В последнем квартале темп роста достигал даже 7-8%. Согласно исследованиям Польского национального банка (ПНБ), рост будет продолжаться. В настоящее время треть опрошенных фирм планирует начать новые инвестиции — это на 10% больше, чем в последнем квартале прошлого года. По предварительным оценкам, в 2004 г. иностранные фирмы инвестировали в Польше около 8 млрд. долларов. Годом раньше — около 6 миллиардов. По мнению экспертов Польской конфедерации работодателей «Левиафан», в текущем году иностранные инвестиции могут вырасти еще на 15-20%. (*«Ньюсуик-Польша», 13 февр.*)

• По мнению экспертов Всемирного банка, «ситуация в польской экономике выглядит значительно лучше, чем можно было предполагать, а Польша в головокружительном темпе начала извлекать выгоды из своего членства в ЕС». Эксперты не скрывают, что были приятно удивлены действиями, направленными на упорядочение государственных финансов (...) Все еще остаются нерешен-



ными такие польские проблемы, как ужасающая дорожная инфраструктура и препятствия в ведении хозяйственной деятельности. Однако прогнозы Всемирного банка для Польши на этот год явно положительны». (*«Жечпосполита», 15-16 янв.*)

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, в феврале «Гражданскую платформу» поддерживали 27% поляков, «Самооборону» — 16, «Право и справедливость» — 14, «Лигу польских семей» — 10, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 8, крестьянскую партию ПСЛ — 6, «Польскую социал-демократию» и «Унию свободы» — по 4, «Унию труда» — 3%. Избирательный барьер составляет 5%. (*«Жечпосполита», 10 февр.*)

• Согласно проведенному с 27 января по 1 февраля опросу ЦИОМа, люди, которые предположительно могут выставить свои кандидатуры на президентских выборах, имеют следующую поддержку: проф. Збигнев Релига (кардиохирург) — 15%, Томаш Лис (телеведущий, журналист) — 13% (их избирателей отличают правые или центристские симпатии); Анджей Леппер («Самооборона») — 9% (кандидат наименее образованных людей, крестьян, неквалифицированных рабочих и безработных); Марек Боровский («Польская социал-демократия») — 9%; Влодзимеж Цимошевич (СДЛС) — 8%; Лех Качинский («Право и справедливость») — 7%; Дональд Туск («Гражданская платформа») — 5%. (*«Газета выборча», 9 февр.*)

• Согласно опросу ЦИОМа, Польскому телевидению и армии доверяют 72% поляков, Церкви — 68, Польскому радио — 62, полиции — 58, Польскому национальному банку — 57, уполномоченному по правам человека — 47, президенту — 42, судам — 31, прокуратуре — 27, премьер-министру — 17, правительству — 14, Сенату — 13, Сейму — 9%. (*«Жечпосполита», 19 янв.*)

• Трое депутатов Сейма от СДЛС приговорены Келецким окружным судом к реальному лишению свободы. Бывший замминистра внутренних дел Збигнев Соботка приговорен к 3,5 годам тюрьмы и 5 годам запрета на занятие должностей, связанных с доступом к государственным тайнам; Генрик Длугош — к 2 годам тюрьмы; Анджей Ягелло — к 1,5 годам. Все трое осуждены за утечку информации об операции против преступной группировки. (*«Жечпосполита», 25 янв.*)

• Как выглядела стараховицкая утечка информации? Замминистра внутренних дел Збигнев Соботка передал своему партийному товарищу Генрику Длугошу (председателю СДЛС в Свентокшиском воеводстве) тайную информацию об операции, запланированной Центральным следственным бюро, во время которой полиция должна была задержать группу гангстеров и вступивших с ними в сговор работников органов местного самоуправления. Длугош передал эту информацию Анджею Ягелло (председателю стараховицкого СДЛС), а тот предупредил старосту Стараховиц и заместителя председателя Совета Стараховицкого повята, который, в свою очередь, предостерег главаря группировки. (*«Газета выборча», 25 янв.*)

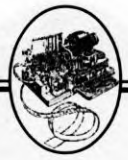
• К двум годам лишения свободы приговорен бывший офицер гданьского воеводского управления госбезопасности, который в 1950 г. вел следствие против членов национально-освободительной организации. Во время допросов сотрудники ГБ подвергали членов организации физическим и психическим пыткам, грозились убить их и начать репрессии против их семей. (*«Жечпосполита», 13 янв.*)

• Конинский окружной суд приговорил четырех бывших высокопоставленных работников следственного отдела конинского воеводского управления Гражданской милиции к лишению свободы сроком от 1 года 8 месяцев до 2 лет за истязание активистов «Солидарности» в 80-е годы. (*«Жечпосполита», 20 янв.*)

• «Окружной суд в Сувалках оставил в силе приговор к 4,5 годам лишения свободы 82-летнему сотруднику советской контрразведки СМЕРШ и польской госбезопасности (впоследствии он стал писателем), вынесенный за незаконное задержание, избиение и истязание членов сувалкского национально-освободительного подполья в 1946-1947 годах. Суд признал доказанными 10 из 22 обвинений, выдвинутых против него Институтом национальной памяти». (*«Жечпосполита», 12-13 февр.*)

• «Журналист газеты "Жечпосполита" Бронислав Вильдштейн скопировал в ИНП и распространил среди своих коллег-журналистов список офицеров и секретных сотрудников ГБ, а также лиц, которых спецслужбы ПНР безуспешно пытались завербовать. Документ, содержащий 240 тыс. фамилий, люди воспринимают как "список агентов", утверждает "Газета выборча"». (*«Тыгодник повшехный», 6 февр.*)

• «"Это не список агентов", — говорит Бронислав Вильдштейн (...) скопировавший базу данных ИНП (...) Директор ИНП Леон Керес подчеркнул, что в списке перечислены лица, чьи фамилии фигурировали в архивах спецслужб ПНР. Его ни в коем случае нельзя ассоциировать со списком агентов». (*«Жечпосполита», 31 янв.*)



• Стефан Братковский: «Публиковать список, в котором рядом, без возможности отличить их друг от друга, находятся агенты и невинные люди, — дело не взглядов, а глупости...» (*«Жечпосполита», 1 февр.*)

• «Многие люди, обнаружившие свои фамилии в списке Вильдштейна, подают заявления о допуске к архивам ИНП. В пятницу в Варшаве было подано 351 такое заявление, а за пределами Варшавы — около пятисот». (*«Газета выборча», 5-6 февр.*)

• В Интернете сочетание слов «список Вильдштейна» бьет все рекорды. Его популярность удерживается на уровне ста тысяч запросов в день. (*«Жечпосполита», 5-6 февр.*)

• «Столичная прокуратура начала проверку по факту выноса из ИНП "списка Вильдштейна", чтобы установить, не было ли это нарушением закона». (*«Жечпосполита», 5-6 февр.*)

• ИНП получил из бюджетного резерва дополнительные 2 млн. злотых, что позволит принять на работу 40 дополнительных архивистов, чтобы справиться с наплывом заявлений, подаваемых лицами из «списка Вильдштейна». (*«Газета выборча», 9 февр.*)

• Книга Энн Эпплбаум «ГУЛАГ» появилась на польском рынке в лучах присужденной ей в прошлом году премии Пулитцера. Книга написана вовсе не для того, чтобы «это не повторилось». «Я написала ее потому, что это почти наверняка должно повториться», — говорит автор о своей монографии, посвященной советским лагерям. (*Ежи Марек Новаковский, «Впрост», 13 февр.*)

• «Когда в Нижней Силезии несколько человек были осуждены за принуждение работниц к сожительству в рабочие часы, это вызвало всеобщее возмущение. Но не против насильников, а против сурового суда и жертвы, которая осмелилась пожаловаться». (*Вацлав Вильчинский, «Впрост», 23 янв.*)

• «Водители, проезжающие через деревеньку Пархатка близ Пулав, могут увидеть верблюда. Двугорбый Омар одиноко стоит в небольшом загоне. Где его хозяин, никто не знает (...) Грязное и одинокое животное стоит в загоне размером 10x10 метров. В его распоряжении лишь навес (...) При виде человека четырехлетний Омар радостно подбегает к забору...» (*«Жечпосполита», 29-30 янв.*)

• По данным Высшей контрольной палаты, почти в 60% польских боен нарушаются правила гуманного убоя. Повсеместно практикуется убой животных в присутствии других, ожидающих своей очереди. Случаи свежевания еще живых животных тоже могут быть не столь уж редкими. Кроме того, контроль выявил массовые нарушения закона об охране животных при транспортировке, на рынках и сгонах. (*«Газета выборча», 9 февр.*)

• «Около 10 тыс. польских фирм занимаются сбором и переработкой отходов производства, упаковок и использованной техники. По официальным статистикам, доходы от такого рода деятельности в год составляют 4 млрд. злотых. С учетом теневой экономики эта квота может быть значительно большей. В Польше перерабатывается лишь каждая четвертая упаковка, каждая третья шина и менее 17% синтетических материалов». (*«Жечпосполита», 8 февр.*)

• Проф. Ян Ковалик из Гданьска получил премию Бертебоса, называемую также «сельскохозяйственной Нобелевской премией», за научную деятельность в целом. Премия в размере 30 тыс. евро присуждается Шведской королевской академией сельскохозяйственных и лесных наук каждые два года начиная с 1996-го. Ее получают ученые, занимающиеся вопросами экологии, ветеринарии, пищевой промышленности и генетики. (*«Газета выборча», 27 янв.*)

• Более 90% польских гмин не хотят, чтобы их территории получили статус охраняемых в рамках сети ЕС «Природа-2000», которая охватывает земли, признанные ценными природными объектами. На территориях, включенных в сеть «Природа-2000», можно инвестировать, но кроме исключительных случаев все постройки должны возводиться так, чтобы условия жизни ценных для европейской природы растений и животных не ухудшились. (*«Жечпосполита», 21 янв.*)

• Станислав Лем: «Мне очень жаль, что я всегда заканчиваю пессимистическими выводами, но ведь я всего лишь наблюдатель, отдающий себе отчет в том, что происходит». (*«Тыгодник повшехный», 23 янв.*)

Антоний Подольский

КОМУ ВРЕДИТ МОРОЗ С ВОСТОКА

Своей нынешней политикой по отношению к нашей стране Россия сама вредит своим потенциальным геополитическим сторонникам, а давних и по-прежнему верных товарищей заставляет умолкнуть

В отношении России к Польше на протяжении последних лет можно заметить удивительную, прямо-таки иррациональную тенденцию, на первый взгляд противостоящую традиционному прагматизму российской внешней политики. Если еще несколько лет неприязненные к Польше российские шаги можно было оправдывать желанием замедлить, если не просто торпедировать расширение НАТО и Евросоюза, то теперь трудно найти рациональное объяснение причин того, что та же линия продолжается. Тем более что расхожее мнение о российской дипломатии оценивает ее как необычайно ловкую и прагматическую, почти циничную. Между тем Москва не скупится ни на головомойки Польше и ее нынешней власти, ни на унижающие их шаги. Она позволяет себе высказывания и поведение, которых не допустила бы не только по отношению к канцлеру ФРГ, но и к премьер-министру или президенту самого крохотного государства Западной Европы. Достаточно назвать откладывавшиеся до последней минуты решения о визитах и встречах на высшем уровне, опоздания на них или уже знаменитые монологи на пресс-конференциях в Кремле, посвященные польским верховным властям. Невооруженным глазом видно, что в Москве, мягко говоря, не слишком уважают своих прежних знакомых времен ПНР и СССР и плохо переносят их западную ориентацию, а еще хуже — «вмешательство» в считающиеся почти «внутренними» украинские и белорусские дела.

Однако в нормально проводимой, рациональной политике нет места капризам или оскорбленному самолюбию. Если их выражают, это может означать одно из двух: либо не видят смысла сдерживать эмоции (ибо в общем-то ролью Польши и значением отношений с ней пренебрегают), либо считают, что именно такие «головомойки» принесут результат и изменят польскую политику.

Есть, разумеется, еще и третье объяснение (наименее правдоподобное): что в Кремле ныне правят импульсивные идеологи, способные поставить собственные субъективные амбиции и эмоции выше объективного интереса российского государства. С одной стороны, прежнее КГБ скорее не было местом формирования эмоционального подхода; с другой — непонятная, далекая от прагматизма ангажированность Кремля на стороне Януковича, быть может, должна заставить глубже поразмыслить и над этой, на вид абсурдной гипотезой.

Московская загадка

Анализ польско-российских отношений в целом, в особенности же отношений экономических, дает новые доказательства неуклонного «дисциплинирования», если не прямой ликвидации Польши как партнера. Речь идет не только о широко обсуждаемых вопросах поставок газа и запоздания в графике строительства Ямальского газопровода (обеих ниток) или недавних пертурбаций с поставками нефти из только что национализированного и полностью контролируемого Кремлем ЮКОСа. Речь идет также о тенденции закрывать российский рынок перед польскими потребительскими товарами, особенно молочными продуктами и мясом. Объяснение, что этого якобы требуют российские нормы, более строгие, чем польские и европейские, не требует комментариев.

Россия откровенно старается выказать свое недовольство не только польским властям, но и, например, польским крестьянам или предпринимателям. Для того ли это делается, чтобы от Польши что-то получить, или же из желания совершенно ограничить польскую экономическую деятельность в России (а тем самым, по принципу «взаимности», и российскую в Польше)?

Принимая во внимание информацию, полученную в ходе работы следственной комиссии по т.н. афере «Орлена», можно иметь сомнения относительно действительной готовности российской стороны покинуть польский рынок. Да и геостратегические интересы России должны скорее диктовать другую, более прагматичную политику. Если так, то либо в Москве убеждены, что и так достигнут своих целей в Польше с помощью каких-то скрытых активов и методов, которые, в частности, старается выследить вышеупомянутая комиссия, либо российские знания о Польше скандально недостаточны. Я лично присоединился бы ко второй гипотезе.

Промосковские сидят тихо

Быть может, самое лучшее, что следовало бы сделать польским властям, — это организовать своеобразные семинары для российских аналитиков и должностных лиц. На таких семинарах они могли бы ознакомиться с реалиями государства с либеральной парламентарной демократией, сильными и свободными СМИ, интегрированного в рыночную экономику ЕС. Государства, которое, поддерживая демократические чаяния своих восточных соседей, делает это не потому, что планирует новое наступление на Киев или Москву. Государства, способного проводить амбициозную, но в то же время ответственную внешнюю политику, которую нельзя толковать как выполнение инструкций ЦРУ и других враждебных Москве тайных заграничных центров. Государства со спецслужбами, действующими довольно неплохо и связанными с западными союзниками, и со свободными СМИ, полными любопытства. Государства, где даже бывшие члены коммунистической партии (как политики, так и бизнесмены) видят свои главные шансы в сохранении нынешнего курса политики, а не отходе от него, в европейской интеграции, а не в реанимации СЭВа. Государства, которое настолько экономически сильно, что оно в конце концов справится с дорогостоящей диверсификацией поставок энергии, особенно если новые «трудности» в поставках с востока убедят в необходимости этого даже самых упрямых. А у тех, кто противостоит этой диверсификации по другим причинам, любознательные СМИ фактически отнимут охоту продолжать противодействие. Трудно, кстати, представить себе лучший подарок польским экс-коммунистическим политикам, жаждущим поправить свою репутацию после недавних афер, чем их публичная критика Москвой. Трудно, в свою очередь, вообразить себе худший подарок антизападным — а тем самым фактически пророссийским — политическим партиям, действующим также и в деревне, чем закрытие российского рынка для польского продовольствия. Своей нынешней политикой Россия сама уничтожает своих потенциальных геополитических сторонников, а давних и по-прежнему верных товарищей заставляет умолкнуть.

Россия сама себе вредит

С другой стороны, Польша — единственное крупное государство среди членов НАТО и Евросоюза, которое понимает сложность восточноевропейских стран, специфику коммунистического наследия, масштаб экономических, социальных и психологических разрушений. Она настолько велика и целостна, чтобы без опасений и неофитского националистического ослепления сочетать отрицательный опыт двух последних веков с восприимчивостью к русской культуре и простой человеческой симпатией к славянским побратимам.

Польша — слишком большая и сложная страна, чтобы политику по отношению к ней можно было вести, опираясь на предубеждения и на вчерашнее невежество. Она слишком важный член ЕС и НАТО, чтобы ею можно было пренебречь или изолировать ее, проводя «отдельную дипломатию» с крупнейшими государствами Евросоюза.

Польша без России справится: польские производители найдут другие, более надежные и более требовательные рынки сбыта, польские нефтеочистительные заводы — более надежных, хотя и более дорогих поставщиков, в конце концов будут построены альтернативные газопроводы. Вопрос только в том, действительно ли в долгосрочных интересах России иметь неприязненную ей Польшу. Пока что российские власти как будто утвердительно отвечают на этот вопрос.

gazeta

Антоний Подольский *— директор программы в Центре международных отношений, бывший замминистра внутренних дел и администрации.*

Александр Черкасов

ОБЩАЯ СУДЬБА

Россия передаст материалы по расследованию «катынского дела» официальным властям Польши — об этом 16 декабря на встрече со своим польским коллегой Влодзимежем Цимошевичем заявил министр иностранных дел России Сергей Лавров*.

Уничтожение в 1940 году более двадцати тысяч человек — офицеров, государственных служащих, интеллигенции — стало едва ли не самым больным вопросом в польско-российских взаимоотношениях. Вообще-то массовые расстрелы поляков шли не только в Катыни, на Смоленщине, но также и в Медном под Тверью, и в Старобельске Харьковской области. Но Катынь превзошла все. Катынские захоронения были обнаружены нацистами только в 1943-м, однако уже в 1941-м, когда генерал Андерс начал формировать в СССР свою армию, куда по договоренности с советским правительством должны были влиться освобожденные из советских лагерей польские военнопленные, всех поразило отсутствие офицеров. Недобрые подозрения заставили армию генерала Андерса покинуть СССР — поляки воевали в Западной Европе. Эмигрантское же правительство в изгнании и партизаны Армии Крайовой в самой Польше прониклись к Советскому Союзу, мягко говоря, недоверием. После освобождения Смоленской области от гитлеровцев были проведены повторные эксгумации и сфабрикованы доказательства убийства поляков нацистами — не помогло. «Катынское дело» оставалось скелетом в шкафу до 1989 года, когда Михаил Горбачев наконец признал то, что и так было известно всему миру. Теперь Лавров обещает, что Польша получит ответы на все вопросы.

Но почему вопросы — польские? Ведь в той же Катыни в годы «большого террора» исправно расстреливали своих же советских граждан (другая находка из тех мест — захваченный и вывезенный немцами из обкома ВКП(б) «смоленский архив» — могла об этом немало порассказать). Россияне заинтересованы в правде о «великой эпохе» не менее поляков — если, конечно, не желают этот опыт повторить. Можно вспомнить по случаю даты — когда, к примеру, СССР вступил во Вторую мировую войну? Скажете, 22 июня 1941-го? Ан нет — 17 сентября 1939-го, на стороне нацистской Германии. Но теперь, в год 60-летия Победы, об этом как-то даже и неудобно вспоминать. А ведь кроме подписанного 23 августа пакта «Молотова—Риббентропа» был и совместный с вермахтом военный парад в Бресте 22 сентября, и договор «О дружбе и границе» от 28 сентября...

Список вопросов этим не исчерпывается. 1 августа 1944 года, в разгар советского наступления, поляки подняли восстание в Варшаве, надеясь на поддержку русской армии. Но фронт был остановлен: повстанцы были «неправильные», поскольку поддерживали лондонское правительство, — и нацисты их перемололи. Было и уничтожение «освободителями» во второй половине 1940-х партизан Армии Крайовой — по той же причине; репрессии, Сибирь — в общем, нормальное построение советской власти...

Прошло немало времени, но вопросы остаются. Казалось бы, теперь должно быть легче — ведь Россия с Польшей не граничит. И проблемы у Польши должны быть уже с Украиной, чьи нынешние западные области были «добровольно присоединены», иначе говоря, отрезаны от Польши согласно пакту в том самом 1939-м. К тому же еще до Второй мировой Украинская повстанческая армия вырезáла на этих территориях поляков, те тоже себя не очень сдерживали.

Однако украинский политический кризис последних недель показал, что эти вопросы уже не тяготеют над отношениями братьев-славян — президент Польши Александр Квасневский успешно выступил в Киеве в качестве посредника на переговорах. А от России рядом — петушком, петушком — бежал спикер Госдумы Борис Грызлов, хотя по статусу и по всему там пристало быть Владимиру Путину. Но российский президент исключил себя из числа возможных посредников, поскольку выступил в роли «доверенного лица» Виктора Януковича. Да и вообще не совсем приличное поведение старшего брата не способствовало дружбе и доверию — уж слишком напоминало старые времена. Другое дело поляки, у них с украинцами много общего. Была Катынь — но были и массовые расстрелы заключенных в малороссийских тюрьмах в июне 1941-го при отступлении Красной армии. Жестокая контрпартизанская борьба — что против Украинской повстанческой армии, что против Армии Крайовой — тоже часть общей истории этих народов.

Проблема в том, что современная Россия не определилась, кому она наследует — той России, что, по выражению Ахматовой, сажала, или той, которая сидела? Тем, кто вместе с польскими офицерами полег в катынских расстрельных ямах, — или тем, кто с пистолетом стоял на краю?

Наша будущая дружба с соседями во многом зависит от ответа на этот внутренний «русский вопрос».

Сетевой «Еженедельный журнал» (www.ej.ru), 17 дек. 2004

Автор — член правления общества «Мемориал».

* 3 марта с.г. представитель посольства РФ в Польше сообщил, что Польше будут переданы не все материалы «катынского дела», т.к. многие из них секретны. — *Ред.*

КАТЫНЬ В РУССКОМ ИНТЕРНЕТЕ

Первый подступ к теме

Катынский лес стал символом мученичества и равной обреченности народов перед чудовищной властью геноцида.

Эти слова, взятые с официального сайта мемориального комплекса «Катынь» (admin.smolensk.ru/history/katyn), вполне можно поставить эпиграфом к теме. Вопреки распространенному мнению о том, что в России все только и жаждут опровергнуть подлинную историю катынского убийства, высказывания с «опровержениями», встречаются в русском Интернете вполне (я бы даже сказала: крайне) редко, в основном на маргинальных нацболовских сайтах, а уж книги и даже статьи такого рода можно пересчитать на пальцах одной руки. Это в основном все тот же «гнуснопрославленный» Мухин, на которого и ссылаются несколько последователей.

В этом номере мы представляем читателям сайт, целиком посвященный Катыни, существующий и обновляющийся с 1999 года. В нем много ссылок на другие сайты, о которых мы в связи с этим писать не будем. Но и за пределами того, что отражено на сайте Юрия Красильникова, страницы о катынской трагедии в целом или об отдельных ее аспектах, исторически обоснованные, серьезные, — в русском Интернете не редкость. Вот, например, сайт Кирилла Арефьева из Вологды со страницей «Военные преступления XX века» с разделами «Пол Пот — путь к коммунизму», «Аргентинская хунта», «Конвейер смерти» (о гитлеровском геноциде евреев), «Хусейн — арабский дьявол», «Братская могила — Катынь», «Орадур», «Злодеяние в Арденнах», «Американские герои — Сонгми» (как нам удалось установить, материал взят из также размещенной в Интернете книги «Энциклопедия мировых сенсаций XX века»). К.Арефьев пишет: «Данный сайт создавался с одной-единственной благородной целью — помочь людям понять, что мирное население страдает от диктатуры и войны!»

А вот автор, имени которого нам установить не удалось, хотя написанный им добросовестный и обширный реферат встречается на нескольких сайтах, поставляющих рефераты студентам и вообще всем, кому это интересно. Автор реферата пишет:

«Я решил написать реферат именно на эту тему, т.к. мне хотелось подробнее узнать о совершенном в ту страшную весну преступлении (скорее катастрофе), его мотиве и расследовании. Я полагаю, что мне это удалось. Я нашел большое количество литературы, документов, фотографий и других материалов на эту тему. Подробно изучив все эти материалы, я понял, что еще много неизвестного и нераскрытого происходило во время многолетнего позорного периода нашей истории на протяжении почти всего XX века. К сожалению, большого количества людей, погибших во времена тиранского правления Сталина (а также Ленина и его последователей) и его репрессий, не вернуть, поэтому надо хотя бы уметь признавать свои ошибки и чтить память ушедших. В связи с этим радует тот факт, что в настоящее время происходит восстановление старых и создание новых памятников и мемориалов, посвященных таким событиям, а также обнародование всей правды об этом и многочисленных ему подобных преступлениях».

На сайте «Милитера» — посвященная Катыни, тоже обширная и подробная, глава из научного труда: М.И.Семиряга, «Тайны сталинской дипломатии».

На сайте Сахаровского центра мы находим книгу воспоминаний Бориса Георгиевича Меньшагина, при немцах бургомистра Смоленска, а затем отсидевшего 25 лет — от Сталина до Брежнева: боялись, что он мог бы рассказывать о катынском деле, потому и держали его не в лагере, а во Владимирской тюрьме. Сам он пишет о Катыни немного, но в книге есть приложение: «Значение дела С.Караванского 1969-1970 гг. для выяснения обстоятельств катынского дела». Я это новое дело Святослава Караванского, украинского националиста и тоже 25-летника, получившего дополнительный срок за то, что пытался во Владимирской тюрьме добраться до Меньшагина и доведаться о Катыни, хорошо помню (а в 1980 г. Караванский вместе с нами, русскими — Буковским, Максимовым и другими, подписал заявление «Оглянись в раскаяньи» к сорокалетию катынского преступления). Караванский получил новый срок «за Катынь», и написавший о деле Караванского Габриэль Суперфин тоже получил срок, и тоже, в частности, «за Катынь». На протяжении всех десятилетий после того, как советская Специальная комиссия «опровергла» «геббельсовскую пропаганду», это обвинение было одним из самых страшных: правды советская власть, как мы знаем, боялась, но этой — особенно.

На сайте Красноярского «Мемориала» мы находим давнюю, но, увы, не устаревшую статью Владимира Сиротинина «Правда о Катыни», которую мы перепечатываем целиком, тем более что в постскриптуме автор сообщает, что статью не взяла ни одна из красноярских газет.

Разумеется, есть катынские материалы на рязанском правозащитном сайте hro.org. Здесь, в Рязани, выходит отличный правозащитный и исторический журнал «Карта», младший брат польской «Карты», — в бумажном виде и в Интернете. На сайте мы находим статьи и материалы из 10-го номера журнала: Виктор Лозинский, «Мозаика нашего дома» (хронологический обзор катынской проблемы); Сергей Глушко, «Странные тайны захоронений под Медным»; Наталья Лебедева, «Четвертый раздел Польши и катынская трагедия» (фрагменты исторического очерка); «История в документах (документальные свидетельства катынского преступления)».

В совершенно неожиданном месте, в фотобанке агентства «Russian Czech press», на сайте со смешным названием «фото-кнедлик.ру», — тоже Катынь. Подпись к фотографии:

«Капсула с землей из Катыни в крипте кафедрального собора Кракова на холме Вавель. Местечко Катынь на территории нынешней Белоруссии (видно, опять известная путаница с Хатынью, но в другую сторону. — *НГ*) стало печально знаменито, после того как советские карательные органы расстреляли там несколько сот (тысяч, конечно. — *НГ*) польских военных, арестованных после оккупации части Польши по пакту Молотова— Риббентропа в 1939 году. Фото: Вова Поморцев».

Может быть, на этот раз я тут и закончу. Но к теме обещаю вернуться.

Наталья Горбаневская

КАТЫНСКИЙ САЙТ

Сайт Юрия Красильникова — katyn.codis.ru

Сайт основан 3 марта 1999 года.

Включен в ссылки на многих сайтах руского Интернета.

Из авторского вступления

На этих страницах я буду собирать материалы, имеющие отношение к гибели тысяч польских военнопленных в СССР в 1940 году.

Уважаемые читатели! Я буду очень признателен за присланные вами материалы (тексты, документы, фотографии, ссылки и т.д.), которые я смог бы разместить на этих страничках, а также за ваши замечания, комментарии и пожелания.

Книгу Ю.Мухина мне рекомендовать не надо хотя бы потому, что я ее внимательно читал. Основной вывод о ней можно выразить цитатой из нее самой: «Гитлер и Геббельс, кажется, считали, что и к брехне придурков подпускать не стоит, и брехать должны люди поумнее». Возможно, в будущем я напишу более подробное обоснование этого тезиса. Кстати, несколько отзывов о творчестве г-на Мухина и ему подобных можно найти здесь.

(Да — я удостоился чести получить письмо лично от Ю.И.Мухина. Со временем расскажу подробнее.)

Недавно появился доскональный разбор одной из глав книги Мухина — той, где он «доказывает» подложность опубликованных в 90-х годах XX века документов о катынском убийстве. Написал его Сергей Романов, с его согласия я помещаю его труд на сайте. Читайте статью С.Романова «Ю.И.Мухин и катынские документы».

Краткое содержание сайта

Часто задаваемые вопросы о катынском убийстве.
Катынь в энциклопедиях и словарях.
Статьи и выдержки из книг о Катыни.
Свидетельства очевидцев.
Советско-германские договоры 1939 и 1941 годов.
Советские документы 1940-1991 гг.
Документы 1943-1944 гг. Отчеты об исследовании захоронений.
Карты и фотографии 1943-1944 годов.
Фотографии бывших лагерей.
Фотографии последних лет.
Нюрнбергский процесс.
Ссылки.

Составление (с) Ю.Красильников (katyn@chat.ru) 1999-2003

Юрий Красильников

ЧАСТО ЗАДАВАЕМЫЕ ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ ОТНОСИТЕЛЬНО УБИЙСТВА В КАТЫНИ

— Что такое катынское убийство?

— Массовое уничтожение тысяч польских военнопленных на территории СССР во время второй мировой войны. Название произошло от небольшого поселка Катынь под Смоленском, вблизи которого впервые были обнаружены массовые захоронения военнопленных.

— Откуда взялись в СССР польские военнопленные?

— В результате польской кампании Красной армии в сентябре 1939 года. В советской историографии эту кампанию было принято называть «освобождением Западной Украины и Белоруссии».

— Что такое — «Западная Украина и Белоруссия»?

— Это территории, которые были отданы Польше после поражения Красной армии под Варшавой по Рижскому мирному договору между советской Россией и Польшей от 18 марта 1921 года. Согласно секретному дополнительному протоколу к советско-германскому договору о ненападении 1939 года (пакту Молотова—Риббентропа) эти территории попадали в сферу советского влияния.

— Сколько было польских военнопленных?

— Разные источники дают разные цифры — от 130 до 250 тысяч человек. Цифра около 130 тысяч дана в трудах историка Н.С.Лебедевой и представляется сильно заниженной. Во всяком случае, 31 октября 1939 г. на сессии Верховного Совета Молотовым была названа цифра в 250 тысяч человек, в отчетах Главного управления конвойных войск говорится о 226 391 пленном, а газета «Красная Звезда» от 17 сентября 1940 г. в посвященной годовщине «освободительного похода» статье писала, что «одной только Н-ской группой войск Украинского фронта» было захвачено в боях и при окружении 190 584 человека.

— Где содержались польские военнопленные?

— Естественно, в тюрьмах и лагерях. Наиболее известны три лагеря — Козельский, Старобельский и Осташковский. Почти все заключенные этих лагерей были истреблены.

— Где находились эти лагеря, и сколько в них было заключенных?

— Козельский лагерь находился в бывшем монастыре Оптина пустынь вблизи Козельска Калужской области. В нем содержалось около 4500 пленных (цифры в разных источниках несколько расходятся, здесь и далее будут даны округленные цифры). Осташковский лагерь размещался в Калининской области, в бывшем монастыре Нилова пустынь на озере Селигер, в 10 километрах от Осташкова. Там было около 6500 человек — в основном полицейских, жандармов и пограничников. Старобельский лагерь находился в Харьковской области, также на территории бывшего монастыря. В нем содержалось около 4000 человек.

— В какой период времени в этих лагерях находились убитые впоследствии заключенные?

— Лагеря были основаны в конце сентября 1939 года. В апреле-мае 1940 г. заключенных из этих лагерей стали вывозить небольшими партиями. Небольшое количество пленных (всего около 400 человек) из трех лагерей было тогда переведено в Юхновский лагерь (как и Козельский, в Калужской области). О судьбе остальных в течение нескольких лет не было известно ничего. Их родственники в Польше перестали получать письма от них, а адресованная им корреспонденция возвращалась обратно с пометкой «Адресат выбыл».

— Когда впервые стало известно про исчезновение военнопленных?

— Первые указания на исчезновение примерно 15 тысяч польских военнопленных появились в начале осени 1941 года. В СССР началось формирование польской армии, основной состав которой набирался из бывших военнопленных: после установления дипломатических отношений СССР с польским эмигрантским правительством в Лондоне им была объявлена амнистия. При этом обнаружилось, что среди прибывающих новобранцев отсутствуют бывшие заключенные Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей. Командование польской армии неоднократно обращалось к советским властям с запросами об их судьбе, никаких определенных ответов на эти запросы дано не было.

— Когда стало широко известно об убийстве?

— 13 апреля 1943 года. В этот день германское радио заявило, что в Катынском лесу под Смоленском найдено 12 тысяч трупов польских военнослужащих — офицеров, захваченных в советский плен в сентябре 1939 г. и убитых НКВД. Надо сразу сказать, что дальнейшие исследования эту цифру не подтвердили — фактически трупов в Катыни было обнаружено почти втрое меньше. Видимо, авторы первого сообщения исходили из примерного общего количества польских военнопленных, пропавших в заключении в СССР.

— Какова была реакция СССР на это заявление?

— 15 апреля московское радио передало заявление ТАСС, в котором вина возлагалась на немцев. 17 апреля этот же текст был опубликован в «Правде» с добавлени-

ем о наличии в тех местах древних захоронений: «В своей неуклюжей и наспех состряпанной брехне о многочисленных могилах, якобы открытых немцами около Смоленска, геббельсовские лжецы упоминают деревню Гнездовую, но они умалчивают о том, что именно близ деревни Гнездовой находятся археологические раскопки исторического „Гнездовского могильника"».

— Кстати, что представляет из себя Катынский лес?

— То, что подразумевается под «Катынским лесом» в связи с убийством польских пленных, представляет собой густо заросшую часть большого леса между шоссе Смоленск—Витебск (с севера) и рекой Днепр (с юга), примерно в 15 км к западу от Смоленска. Растительность — типичный сосновый бор с брусничником. Через середину этого участка от шоссе на юг проходила извилистая грунтовая дорога длиной около километра. Она шла к даче НКВД вблизи Днепра. Могилы были найдены вблизи этой дороги, примерно на полпути от шоссе к даче. Ближайшее жилье (не считая дачи НКВД) находилось в полутора-двух километрах от могил. Дача НКВД — двухэтажный коттедж с гаражом и сауной (в 40-х годах!).

— Правда ли, что Катынский лес перед войной был любимым местом отдыха жителей Смоленска и там находился пионерский лагерь?

— Скорее всего — ложь. Судя по описанию дачи НКВД, там отдыхали не уборщицы и шоферы, а руководство и начальство из центра — вряд ли подобная публика потерпела бы постоянное соседство праздношатающихся горожан и ежеутренние горны с барабанами. Гораздо больше похожи на правду утверждения, что с 1934 г. весь этот участок леса был огорожен и посторонним был запрещен туда доступ.

— Кто и когда исследовал катынские могилы?

— Впервые их вскрыл и исследовал немецкий врач Герхард Бутц, возглавлявший судебно-медицинскую лабораторию группы армий «Центр». Он работал в Катыни с февраля или марта 1943 года. Весной 1943 г. в Катыни работала техническая комиссия Польского Красного Креста. 28-30 апреля в Катыни находилась международная комиссия в составе 12 экспертов из ряда европейских государств. После освобождения Смоленска и его окрестностей в Катыни в январе 1944 г. работала советская «Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров», которую возглавлял Н.Н.Бурденко.

— Каковы выводы этих исследований?

— Выводы доктора Бутца и международной комиссии прямо обвиняли СССР. Польская комиссия Красного Креста была более осторожна в выводах, но из зафиксированных в ее отчете фактов также вытекала вина СССР. Комиссия Бурденко, естественно, во всем обвиняла немцев.

— Правда ли, что ни один из 12 экспертов в составе международной комиссии впоследствии не подтвердил своих выводов?

— Неправда. От своих выводов, сделанных в 1943 г., впоследствии отказались двое экспертов — Франтишек Хаек, представлявший протекторат Богемии и Моравии, и болгарин Марко Марков. Оба они после войны оказались в зоне досягаемости советских или просоветских властей. Марков даже выступал как свидетель обвинения на Нюрнбергском процессе, но это, кажется, его не спасло — вскоре после него он исчез. Остальные эксперты никогда не отказывались от своих выводов, некоторые их явно подтвердили впоследствии. В частности, профессор Франсуа Навиль из Женевы, глава комиссии, в 1946 г. был готов выступить в Нюрнберге как свидетель защиты, а уже после заседания по Катыни заявил, что он и его коллеги — участники международной комиссии в Катыни не получали ни от кого «золота, денег, подарков, наград, ценностей либо же каких бы то ни было посулов» и все выводы были сделаны ими объективно и без какого-либо давления на них.

— На каких фактах базировался вывод о виновности СССР?

— Всего во время немецкой оккупации было исследовано 4143 трупа, из них идентифицировано 2185. (В последней из катынских могил к моменту прекращения работ осталось неисследованными всего около 200 тел). Практически все идентифицированные были узниками Козельского лагеря. Местные жители показали, что в апреле-мае 1940 г. на железнодорожную станцию Гнездово рядом с Катынским лесом ежедневно привозили небольшие партии польских заключенных, которых сажали в машины и увозили в лес. На трупах было найдено 3184 документа (письма, открытки, обрывки советских газет), самый поздний из которых датирован 6 мая 1940 года. Один из найденных документов — дневник майора Адама Сольского, в котором описано, как его вместе с другими заключенными пересадили из вагонов в машины и привезли в какую-то местность, напоминающую дачную, — на этом дневник обрывался. У ряда убитых остались золотые вещи (кольца, зубы) — немцы же никогда не оставляли золота у расстрелянных. Большинство поляков было убито пистолетным выстрелом в затылок, однако на некоторых трупах были также четырехгранные раны от советских штыков. По степени разложения трупов международная комиссия сделала вывод, что погребение их состоялось не позже лета 1940 года. У значительной части трупов руки были связаны веревками советского производства.

— А утверждают, что руки у убитых в Катыни были связаны бумажным шпагатом, который в СССР до войны не производился...

— Это утверждение — еще один пример довольно-таки бессовестного вранья вокруг Катынского де-

ла. В отчете комиссии Бурденко четко сказано: руки у казненных были связаны витыми веревками. На фотографиях трупов из Катынского леса также видны довольно толстые веревки.

— А какие пистолеты и боеприпасы использовались в Катыни?

— В основном пистолеты калибра 7.65 мм, скорее всего — пистолеты Вальтер ПП или ППК. В катынских могилах были обнаружены гильзы немецкого производства с маркировкой GECO, т.е. изготовленные оружейной фирмой Gustaw Genschow Co. под Карлсруэ. Члены польской комиссии Красного Креста утверждают, что они обнаружили в могилах и гильзы советского производства.

— Если расстреливало НКВД — почему использовались немецкие пистолеты? И как эти пистолеты попали в СССР?

— У немецких пистолетов были два важных преимущества для применения в случаях типа катынского расстрела. Они были небольшого размера (Вальтер ППК разрабатывался для полицейских агентов в штатском и помещался в кармане) и имели небольшую энергию пули. При выстреле в упор в затылок из, скажем, пистолета ТТ жертве разнесло бы череп. У убитых же в Катыни, как правило, имеется аккуратное входное отверстие в затылке, а выходное иногда вообще отсутствует — т.е. энергии пули не всегда хватало для ранения головы навылет. Утверждается, что в 20-х годах СССР импортировал пистолеты Вальтер и боеприпасы к ним. Кроме того, некоторое количество пистолетов и боеприпасов могло быть захвачено на оружейных складах в Польше в 1939 году.

— К каким выводам пришла комиссия Бурденко?

— Как уже сказано, комиссия возложила вину на немцев. В ее отчете утверждалось, что польские военнопленные использовались на дорожных работах в Смоленской области и содержались в «лагерях 1-ОН, 2-ОН и 3-ОН в 25-45 км к западу от Смоленска». Летом 1941 г. лагеря не успели эвакуировать, и пленные попали в руки немцев. В августе-сентябре 1941 г. немцы якобы ежедневно расстреливали в Катынском лесу небольшие группы польских военнопленных. Расстрелы производила карательная команда, размещавшаяся на бывшей даче НКВД в Катынском лесу и для маскировки носившая название «537-й строительный батальон». Позже немцы тщательно подготовили провокацию — вскрыли катынские могилы и извлекли трупы и, кроме того, привезли в Катынский лес тела убитых ими поляков из других мест. Затем они изъяли документы с датами позже мая 1940 г. и перезахоронили тела в нескольких больших могилах. Одновременно с этим немцы искали «свидетелей» катынского расстрела и угрозами и побоями добивались от них показаний в виновности СССР. После этого могилы были демонстративно вскрыты еще раз и о находке польских военнопленных, якобы убитых Советами, было объявлено по немецкому радио. Немцы в пропагандистских целях показывали вскрытые могилы местному населению и военнопленным. После того как эти мероприятия не достигли цели, так как осматривавшие могилы якобы ясно видели, что все это грубо сработанная провокация, немцы вообще перестали распространяться о катынском убийстве и приказали свидетелям молчать.

— На чем основывались эти выводы?

— В основном — на свидетельских показаниях. Из них наиболее важными были показания трех женщин, работавших во время оккупации на кухне бывшей дачи НКВД в Катынском лесу — Алексеевой, Михайловой и Конаховской. Именно они рассказали следователям, что «537-й строительный батальон», расквартированный на бывшей даче НКВД, не вел строительных работ, а производил в августе-сентябре ежедневные расстрелы небольших групп польских военнопленных. Комиссия также допросила некоторых свидетелей, которые показали немцам, что расстрелы проводились весной 1940 года. Они заявили, что эти показания немцы вырвали у них угрозами и побоями. Кроме того, в отчет комиссии входит акт судебно-медицинской экспертизы катынских захоронений. В нем утверждается, что состояние тел позволяет датировать время их погребения не ранее чем осенью 1941 года и что метод казни — выстрел в затылок — идентичен применявшемуся немцами в других оккупированных районах СССР. В отчете также приведен перечень девяти документов, обнаруженных комиссией на трупах из катынских могил и датированных осенью 1940 года и позднее.

— Насколько убедительна версия, изложенная в докладе комиссии Бурденко?

— Она достаточно неубедительна. Начнем с «лагерей 1-ОН, 2-ОН и 3-ОН». Эти лагеря упоминаются только в докладе комиссии Бурденко. Никаких других упоминаний об этих лагерях исследователями не обнаружено, в том числе и в архивах конвойных войск НКВД. И если эти лагеря находились «в 25-45 километрах западнее Смоленска», зачем было выгружать заключенных поляков из вагонов на станции Гнездово, всего лишь в 13 километрах от Смоленска? Так что эти три лагеря «особого назначения» — скорее всего мифические.

— А говорят, что эти лагеря были строго секретными и содержащиеся в них заключенные были лишены права переписки, чтобы скрыть факт, что они использовались на принудительных работах в нарушение конвенции о военнопленных...

— Во-первых, СССР Женевскую конвенцию о военнопленных не подписывал и ее положениями не был связан. Во-вторых, если нужно было хранить дело в секрете, то использование военнопленных на дорожных работах — самый неудачный выбор для этого.

Дорога — это не стройка, ее не обнесешь забором, и местные жители могли бы видеть пленных, а то и общаться с ними и даже передать что-нибудь их родным. В отчете комиссии Бурденко говорится, что несколько свидетелей из местных жителей заявили, что они неоднократно видели работавшие на дорогах группы из 15-20 польских пленных, — еще одно противоречие в советской версии: либо пленные содержались в тайне и тогда их не могли свободно видеть местные жители, либо никаких лагерей не было, а эти «свидетельские показания» — лишь одни из многих сфабрикованных показаний в отчете комиссии Бурденко. Совершенно невероятно и то, что из всех заключенных и персонала трех «лагерей особого назначения» при немецком наступлении спасся лишь один человек — «начальник лагеря 1-ОН», как утверждает советская версия. Так что это высказывание лучше всего оставить на совести его авторов — если таковая имеется.

— Какие еще положения в материалах комиссии Бурденко заставляют с сомнением отнестись к ее выводам?

— Некоторые из них бросились в глаза уже зимой 1944 года иностранным корреспондентам, которых советские власти привезли на осмотр катынских могил. Свидетели показали, что расстрелы происходили в августе и первой половине сентября. Но трупы были одеты в зимние шинели, на их шеях были шарфы. Утверждалось, что пленные более года выполняли дорожные работы — но подошвы обуви у казненных не были стерты. Далее, в акте судебно-медицинской экспертизы говорится, что пятеро экспертов за 8 дней (с 16 по 23 января 1944 г.) произвели вскрытие и исследование 925 трупов — т.е. каждый исследовал более 20 трупов в день. Вряд ли такое расследование могло быть сколько-нибудь тщательным — тем более, что дело было в январе, и не очень понятно, как можно было извлечь тела из промерзшей земли, не повредив их. Малоубедительны и якобы найденные комиссией документы на телах убитых. Их всего 9. Два из них — это открытки из Польши, датированные сентябрем 1940 года. Пять документов — это квитанции о приеме золотых часов и денег, причем три из них были выданы в «лагере 1-ОН», само существование которого крайне сомнительно, так что эти расписки скорее всего сфабрикованы. Еще один документ — это бумажная иконка с датой «14 апреля 1941 года» на обороте. Остающийся документ — это неотправленная открытка в Польшу от Станислава Кучинского с датой «20 июня 1941 года» — позже было установлено, что ротмистр Кучинский содержался в Старобельском лагере. Впрочем, вряд ли комиссия вообще смогла найти какие-либо документы в катынских могилах — немцы осмотрели тела в семи больших могилах очень тщательно, недаром даже в отчете комиссии утверждается, что у подавляющего большинства убитых карманы были вывернуты или вспороты и их содержимое изъято. (Около 200 тел в восьмой могиле осталось неосмотренными немцами, но восьмая могила находилась на довольно большом расстоянии от остальных семи). Так что скорее всего все документы, «обнаруженные» комиссией Бурденко, были найдены не в могилах, а где-то в других местах или вообще сфабрикованы (как расписки из «лагеря 1-ОН»). Еще ряд противоречий вскрылся на Нюрнбергском процессе — но это отдельный разговор.

— А что случилось на Нюрнбергском процессе?

— В список преступлений, в которых обвинялась фашистская Германия, советской стороной обвинения было включено и катынское убийство. В качестве основного документа, доказывающего вину немцев, был представлен несколько подредактированный отчет комиссии Бурденко. Перед судебным заседанием, на котором должно было рассматриваться катынское дело, советская сторона внезапно увеличила число убитых в Катыни с 925 человек (столько трупов было освидетельствовано комиссией Бурденко) до 11 тысяч. Сделано это было достаточно неловко и вызвало подозрения у судей. Кроме того, отчет комиссии Бурденко, как большинство «сделанного в СССР», с горем пополам годился для внутреннего употребления (за неимением иного), но не нашел спроса за границей. В отчете утверждалось, что расстрелы в Катыни происходили в августе-сентябре 1941 г. и проводились подразделением «537-й строительный батальон» под командованием полковника Арнеса, расквартированном на бывшей даче НКВД в Катынском лесу. На заседаниях по Катынскому убийству в Нюрнберге было установлено, что на бывшей даче НКВД находился не «537-й строительный батальон», а штаб 537-го полка связи. Полковник Аренс (а не Арнес) прибыл под Смоленск лишь в ноябре 1941 г. и не мог командовать расстрелами, которые, по утверждению обвинения, происходили в августе-сентябре. Эти и ряд других нестыковок, видимо, убедили судей в том, что советские обвинительные документы по меньшей мере неточны. Поэтому полковник Аренс выступал не суде не как обвиняемый, а как свидетель защиты. В ходе двухдневных слушаний 1-2 июля 1946 г. он и двое других свидетелей показали, что в Катынском лесу был расквартирован штаб 537-го полка связи, который не проводил карательных акций, тем более в массовом масштабе. Таким образом, первоначальная формула обвинения была поставлена под сильное сомнение. Обвинение также представило трех свидетелей — Прозоровского, возглавлявшего судебно-медицинскую экспертизу в комиссии Бурденко, Маркова — болгарского эксперта в составе международной комиссии, и Базилевского —

заместителя смоленского бургомистра в период немецкой оккупации. Их показания подтверждали советскую версию. Как защита, так и обвинение предложили вызвать дополнительных свидетелей (защита мотивировала это тем, что первоначально обвинялся полковник Аренс, но после того, как выяснилось, что он непосредственно непричастен к расстрелам, формула обвинения, очевидно, поменялась, в то время как защита готовилась к первоначальной версии). Но трибунал, который перед заседаниями решил ограничиться тремя свидетелями с каждой стороны, не стал менять первоначального решения и не включил катынское дело в окончательное обвинение в связи с недостаточной доказанностью вины немцев.

— И какова же современная сложившаяся точка зрения на катынское дело?

— Пленные были убиты НКВД по приказу советских властей весной 1940 года. В апреле-мае их небольшими партиями вывозили из лагерей. Пленных из Козельского лагеря доставляли на станцию Гнездово, где их пересаживали в «черные вороны», привозили в Катынский лес и расстреливали рядом с будущими могилами. Заключенных из Старобельского лагеря привозили в Харьков и расстреливали во внутренней тюрьме НКВД, а потом хоронили в лесу под Харьковом. Узников Осташковского лагеря по железной дороге привозили в Калинин, там расстреливали в подвале здания, где находилось облуправление НКВД и внутренняя тюрьма, а потом хоронили вблизи поселка Медное (на полпути между Калининым и Торжком).

— Какие подтверждения этой точки зрения появились в последние годы?

— В 90-е годы были вскрыты и исследованы захоронения в Медном и Пятихатках под Харьковом. Там были обнаружены тысячи останков польских военнопленных. Кстати, место, где захоронены убитые в Калинине заключенные Осташковского лагеря, немцами оккупировано не было, поэтому в данном случае их виновность в убийстве, очевидно, полностью отпадает. На местах погребений, а также на воротах Осташковского лагеря и на бывшем здании Калининского управления НКВД (ныне мединститут) установлены мемориальные доски, говорящие о расстреле польских военнопленных в 1940 году. В Пятихатках и под Медным возводятся мемориалы убитым военнопленным. Были также опубликованы документы, явно указывающие на виновность СССР.

— Какие это документы?

— В первую очередь — три документа: письмо Берии Сталину с предложением расстрелять подавляющее большинство поляков из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, выписка из протокола заседания Политбюро от 5 марта 1940 г. с постановлением о расстреле и докладная записка Шелепина Хрущеву от 3 марта 1959 г. с предложением уничтожить документы по расстрелу поляков, произведенному в 1940 году.

— Правда ли, что есть сомнения в подлинности этих документов?

— Эти «сомнения» изложены в книге Мухина «Катынский детектив». Эта книга, по мнению группы польских парламентариев, изложенному в письме к спикеру Государственной Думы РФ, «полна лжи и ненависти к Польше и полякам». Вкратце говоря, книга эта рассчитана на людей, которые не в курсе подробностей катынского дела, и практически все приведенные в ней «доказательства» виновности немцев держатся либо на умолчании фактов, либо на не очень умелом вранье. С четырьмя примерами мы уже встречались выше — это утверждение о том, что руки убитых в Катыни были якобы связаны немецким бумажным шпагатом (на самом деле — витой веревкой советского производства); рассказ о месте убийства (по Мухину, это что-то вроде парка Горького, а не огороженный участок леса вблизи дачи НКВД); история про сверхсекретные лагеря для польских военнопленных, где они содержались без права переписки и попали в немецкий плен летом 1941 г.; а также утверждение о том, что ни один эксперт из международной комиссии 1943 года в Катыни впоследствии не подтвердил своих выводов. «Доказательства» поддельности документов, вкратце говоря, основаны на том, что они-де практически нигде не публиковались из боязни того, что фальшивость их будет обнаружена (это вовсе не так, они публиковались несколько раз, в частности, в журнале «Вопросы истории»), и на том, что Мухин для своего «анализа» выбрал очень неаккуратную публикацию в сборнике «Военные архивы России» и большинство его доводов основаны на ошибках в этой публикации. Вообще же книгу Мухина интересно читать параллельно с каким-либо серьезным исследованием катынской проблемы — сразу становятся заметными все недоговоренности и передергивания в ней, и книжечка эта в итоге может годиться лишь на что-то типа самоучителя на тему «Как не надо лгать».

РАССТРЕЛ В КАТЫНИ

Польские войска почти не сражались в 1939 г. против Красной армии. Тем не менее в советском плену оказались около 130 тыс. польских солдат и офицеров. Часть из них отпустили домой, часть — передали Германии.

Остальных, в основном офицеров, разместили в лагерях НКВД для военнопленных. Офицеры требовали освобождения, ссылаясь на то, что Советский Союз Польше войну не объявлял. Не скрывали они и своей враждебности к Германии. Весной 1940 г., чтобы «закрыть вопрос», решено было ликвидировать большинство пленных польских офицеров.

В апреле-мае 1940 г. они были расстреляны, причем значительная часть — в Катынском лесу под Смоленском. Всего были казнены 21 857 офицеров.

Семьи всех расстрелянных (почти 60 тыс. человек) тогда же сослали в Сибирь и Казахстан. О судьбе своих мужей и отцов они пока ничего не знали. Лишь в 1943 г., когда немцы обнаружили их могилы в Катынском лесу, слухи об этом стали доходить до родных. Вплоть до 1989 г. советское правительство утверждало, что в расстреле поляков виновны германские власти. Затем оно признало, что расстрел произвели сотрудники НКВД по приказу высшего руководства.

Офицер З.Пешковский, бывший в советском плену и уцелевший, написал о Катынском расстреле стихотворение «Молитва»:

Матерь Божья, страждущая и побеждающая,
Ты, что стояла на Голгофе у креста Иисусова,
Я знаю, Ты побывала и в лесу Катынском...
Ты видела, как ряд за рядом падали они в землю,
Словно зёрна пшеницы,
Из которых взойдут хлеба силы народной,
Ты баюкала их тишиною леса,
Что и поныне стоит онемелый.
А довелось ли Тебе увидеть и тех, кто стрелял,
Кто выполнял нечеловеческий этот приказ?
Ты их хорошо разглядела?
И простила их всех?
Да, поступить иначе Ты не могла.
Ты помнила слова, сказанные Сыном Твоим:
«Прости им, Отец, ибо не ведают, что творят».
Так помоги же и нам их простить.
Аминь.

(Перевод С.Ларина.)

Энциклопедия для детей, т.5, ч.3, «История России — XX век», Москва, «Аванта+», 1996.
С сайта katyn.codis.ru

Владимир Сиротинин

ПРАВДА О КАТЫНИ

Ложь всегда составляла основу коммунистической пропаганды. Эту бесславную традицию последовательно продолжает «Красноярская газета». В выпуске от 21 декабря 1993 г. газета сдержанно, но с достоинством отметила очередную годовщину со дня рождения своего незабвенного пахана Иосифа Сталина. А в подарок вождю опубликовала «Миф о Катыни» некоего Мухина. Вот как рекомендует его «Красноярская газета» — «яркое явление российской оппозиционной культуры. Крепко стоящий на ногах хозяйственник, современный технократ, профессионал высокого класса, он же — лауреат „Дня", автор страстной публицистики, в которой органично сходятся самобытность суждений, практический ум и способность к философским обобщениям». Используя всю силу своего практического ума и необыкновенную способность к философским обобщениям, Мухин при рассмотрении материалов о расстреле поляков в Катынском лесу приходит к однозначному выводу: поляков убили немцы осенью 1941 года. Таким образом, ни коммунисты, ни Иосиф Сталин к убийству поляков никакого отношения не имеют.

Так все-таки кто и когда убил поляков в Катынском лесу?

Обратимся к документам, до которых не добрался пытливый ум лауреата газеты «День». В начале марта 1940 года нарком внутренних дел СССР Берия пишет письмо в ЦК ВКП(б) на имя Сталина №794/Б с просьбой разрешить НКВД СССР расстрелять поляков, содержащихся в лагерях для военнопленных и тюрьмах в западных областях Украины и Белоруссии. На письме подписи Сталина, Ворошилова и Молотова, ниже пометки: «Калинин — за», «Каганович — за». Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1940 г. рассмотрело письмо Берии и приняло следующее решение (протокол №13, п.144):

«I. Предложить НКВД СССР:

1. Дела о находящихся в лагере для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

Братья по оружию на параде победы в Бресте

Открытие могил польских офицеров в катынском лесу

2. А также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) лиц, находящихся в лагерях военнопленных, — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц, арестованных, — по справкам из дел, представляемых НКВД СССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. Меркулова, Кабулова и Баштакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР)».

Руководителем тройки был назначен Кабулов, который вскоре созвал совещание с участием высококлассных палачей из центрального аппарата НКВД и представителей управлений НКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей. На совещании был утвержден план расстрела поляков. Палачи разъехались по объектам. Расстрелы начались 1 апреля. В своем «Мифе о Катыни» Мухин рассчитывает время, за которое можно убить человека. У него получается 30 минут. Видимо, Мухин прикидывал на свои способности, забывая, что убивали профессиональные убийцы, имеющие хорошую практику убийств в предыдущие годы. В показаниях Токарева, на которые ссылается Мухин, говорится, что 300 человек расстреляли только в первую ночь. Убить 300 человек за ночь было трудно даже для палачей из НКВД, и норму снизили до 250 человек в ночь. Дело было сделано. 26 октября 1940 г. нарком ВД Берия издал приказ о награждении работников НКВД СССР, УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей за успешное выполнение специальных заданий. Всего награждено 124 чекиста, из них 44 месячными окладами, остальным досталось по 800 рублей.

В общем, по Галичу:

— Был порядок! — говорят палачи.
— Был достаток! — говорят палачи.
— Дело сделал, — говорят палачи,
— И пожалуйста — сполна получи!

После смерти Сталина предпринимаются попытки узнать правду о Катыни. В связи с этим тогдашний председатель КГБ Шелепин 3 марта 1959 г. докладывает первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву: «В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1944 г. хранятся учетные дела и др. материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21 857 человек, из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова — 3820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) — 6321 человек и 7305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии. Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5 марта 1940 года. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам, заведенным на них как военнопленных и интернированных в 1939 году».

Такова правда о Катыни, а миф о непричастности коммунистического руководства и лично Сталина к убийству поляков в 1940 году так и останется мифом в изданиях типа «День» и «Красноярская газета». И пусть редакция «Красноярской газеты» и ее поклонники отмечают юбилеи своих палачей.

Мне же хотелось бы помянуть наших земляков, расстрелянных коммунистами, в том числе и по личной телеграмме Сталина: «Дать дополнительно Красноярскому краю 6600 человек лимита по первой категории. И.Сталин», что в переводе с преступно-коммунистического на общедоступный означает: «Разрешаю убить еще 6600 красноярцев. И.Сталин». И убили.

О «катынском деле» см. также беседу с директором Института национальной памяти Леоном Кересом на стр. 78. -Ред.

Олег Закиров

ЕГО ГЛАВНАЯ КНИГА

Наконец-то издана книга, заполняющая пробел, связанный с почти полным отсутствием исследований катынского преступления в свете права, в частности международного права. Книгу «Катынское преступление в свете права» (Варшава—Пелплин, «Бернардинум», 2004) написал польский католический священник, профессор (не юрист) Здислав Пешковский — сам бывший узник Козельского лагеря, чудом избежавший (вместе с горсткой офицеров) гибели в Катыни, — в соавторстве с Гжегожем Ендрееком — правоведом, но... специалистом по римскому и гражданскому праву. Зато читается книга с интересом, без академической скуки. В одном из своих интервью о. Здислав назвал эту работу своей главной книгой (из числа научных).

О нем самом можно писать книги, друзья называют его «кричащей совестью» польского народа. Жизненные пути, пережитые трагедии (в т.ч. гибель от пуль энкавэдистов в 1940 г. сослуживцев и товарищей по плену) привели его к служению Богу, людям, правде и родине. Общение с кардиналами Стефаном Вышинским и Каролем Войтылой сделало его служение еще более плодотворным. Он — автор более ста научных статей и десятка с лишним книг, воспитатель молодежи, капеллан объединения «Катынские семьи» и т.д. — всего не перечислишь. «Пепел Катыни» стучит в его сердце. Став священником, он первую свою литургию посвятил памяти погибших в Катыни польских офицеров, а значительную часть своей жизни посвятил выяснению правды об этом чудовищном преступлении сталинизма.

Своевременность и значение этого исследования особенно выявились в связи с печально известным (я бы сказал постыдным) заявлением Главной военной прокуратуры России, которое еще больше увеличивает нагромождения лжи, скопившиеся со сталинских и более новых времен. Напомню, что ГВП России после 14 (!) лет волокиты со следствием отрапортовала: катынское преступление* — это обыкновенные убийства, а не военное преступление и не преступление против человечества, а значит, следствие подлежит прекращению за давностью. Вот до чего дорасследовались. Любой грамотный юрист скажет, что это дело ГВП шила белыми нитками. Говорят «гора родила мышь», но в этом случае она родила ложь. Хотя чему тут удивляться, если сам генеральный прокурор России В.Устинов недавно предложил брать заложников и внес соответствующую законодательную инициативу...

Работая над этой книгой, свящ. Пешковский как бы предвидел такой поворот событий, когда политика опять разойдется с совестью и правдой. Поэтому он и его соавтор подробно разбирают международные правовые нормы, которые позволяют назвать уничтожение польских офицеров в 1940 г. военным преступлением и преступлением против человечества (геноцидом), не подлежащим прекращению за давностью.

Нет в этом труде ничего антирусского — более того, авторы решительно отметают какую-либо общую ответственность русского народа, который вместе с другими народами СССР стал первой жертвой преступной сталинской диктатуры. О недопустимости коллективной ответственности постоянно напоминает в своих статьях известный деятель польской культуры — писатель и публицист проф. Ежи Помяновский; более того, он предлагает создать такие правовые условия, которые позволили бы искоренить это проклятие нашего времени и один из главных источников и ложных обоснований терроризма.

Во вступительном слове к книге «Катынское преступление в свете права» бывший президент Польши в изгнании Рышард Качоровский напоминает: еще в 1952 г. Конгресс США создал специальную комиссию по расследованию массового убийства польских офицеров в Катынском лесу под Смоленском. В предложениях этой комиссии было и следующее: создать специальный международный трибунал при ООН, так как расследование катынской расправы указывает наличие преступления против человечества (такова оценка американских юристов, сделанная еще в 1952 г.). «К сожалению, — пишет Р.Качоровский, — приходится признать, что до сей поры не создан международный трибунал, который бы осудил преступления против человечества, совершенные большевистским тоталитаризмом».

Авторы не без основания видят в таком положении дел опасность для нашего с вами будущего: неосужденные преступления — это мины замедленного действия. Немало известных историков считают, что массовое истребление мирного населения и другие кровавые ужасы II Мировой войны стали возможны, потому что не были должным образом осуждены военные преступления и преступления против человечества, совершенные в I Мировую войну.

* Под катынским преступлением я подразумеваю и Осташков, и Старобельск, Киев, Минск и другие места расстрелов.

Авторы методично, шаг за шагом развенчивают аргументы противников разрешения катынского дела на основе права. Например, прекращение следствия за истечением срока давности здесь вообще недопустимо — согласно ст.1 Конвенции ООН 1968 года о неприменении срока давности к преступлениям военным и против человечества, несмотря на дату их совершения. Поэтому всякие ссылки на правило «Lex retro non agit» в этом случае необоснованны и незаконны. Кроме того, соответствующие статьи, касающиеся неприменения срока давности к подобного рода преступлениям, есть как в российском, так и в польском уголовных законодательствах.

Утверждение авторов, на первый взгляд парадоксальное, о том, что Нюрнбергский трибунал в 1946 г. обладал должной юрисдикцией, чтобы осудить виновных в катынском преступлении, отнюдь не фантастично, если внимательно прочитать положение о статусе этого трибунала. Так, в ст.6 указано, что трибунал будет судить и карать тех, кто, «действуя в интересах государств Оси в Европе», лично или как члены организации совершили преступления против мира, военные или против человечества. Нет сомнения, что и нападение СССР на воевавшую с Германией Польшу, совершенное 17 сентября 1939 г., и уничтожение более 10% офицерского состава польской армии в Катыни и других местах (офицеров, которые могли бы войти в костяк Сопротивления) — лежали в интересах гитлеровской Германии (даже если Сталин при этом преследовал свои интересы, явные и тайные). Если вспомнить неоднократные совещания Гестапо и НКВД в Закопане (1939-1940), то и в вопросе катынских расстрелов не исключена координация действий. (Напомню, что в это же время немцы проводили уничтожение польской научной элиты — например, профессоров краковского Ягеллонского университета). Сейчас в России не любят вспоминать период заигрываний Сталина с Гитлером, который длился до 22 июня 1941 года, когда на мирно спящий советский народ и его вооруженные силы посыпались бомбы и снаряды «искреннего друга» и союзника Сталина. Не любят вспоминать миллионы жертв «неожиданного» нападения, которых можно было избежать...

Интересно и то, что нюрнбергское право действует независимо от времени и места совершения преступления. Словом, была бы только воля высоких сторон (идеи такие были) — можно было бы созвать и Нюрнберг-II.

Вполне реально и актуально было бы изучение этой проблемы комиссией международного права при ООН. Глубокое и всестороннее освещение авторами книги объективной и субъективной сторон катынского преступления помогло бы работе такой комиссии и следствию.

Читая о субъективной стороне этого преступления, нельзя не согласиться с тем, что основная причина расстрела польских офицеров лежит в самой сути марксистско-ленинской (добавим: и сталинской) концепции государства и права. Согласно этой преступной теории, буржуазный аппарат принуждения (армия, полиция, бюрократия) должен быть уничтожен. Думаю, что даже если Сталиным и руководило чувство личной мести (за 1920 год), то прикрыл он его марксистско-ленинской теорией, как он это делал во многих других своих преступлениях. Даже грабя банки на Кавказе до революции, он прикрывался этой теорией и ленинским лозунгом «грабь награбленное».

Вышеизложенное подтверждается показаниями бывшего начальника Калининского НКВД, который из уст сталинского палача Кабулова слышал буквально следующее: «Есть решение высокой инстанции в отношении представителей карательных органов бывшей Польской Республики». Говоря о польских пленных офицерах, нельзя забывать, что среди них было много ученых, учителей, врачей (цвет польской интеллигенции), призванных из запаса в армию. Всех подвели под одну черту. Это по-коммунистически...

Целая глава книги посвящена теме компенсаций за нанесенный ущерб и за рабский труд высланных в Сибирь и другие районы СССР поляков (в том числе и членов семей убитых польских офицеров). Правовой основой для компенсаций могла бы стать IV Гаагская конвенция 1907 года. В пример приводится здесь решение вопроса о компенсациях, добровольно принятое ФРГ. Это было бы лучшим вариантом решения и лучшим фундаментом примирения на будущее. В вопросах компенсаций важную роль может сыграть Европейский суд по правам человека в Страсбурге.

Не рассчитавшись с прошлым, продолжаешь оставаться его рабом. Может быть, поэтому, как пишет российский политолог Ирина Кобринская, «Россия топчется на месте, сопротивляясь неизбежному будущему и неустанно жалея о прошлом... завидуя устраивающейся новой жизни соседей. Ненавидит их и любит одновременно. Так, как любит и ненавидит сама себя» («Жечпосполита», 2005, 28 янв.). Такое положение на руку демагогам типа Тулеева, которые вместе с некоторыми высокопоставленными чиновниками призывают россиян не испытывать чувства вины перед поляками. Хорошо сказал Лешек Колаковский о том, что осознание народом чувства вины говорит о состоянии его духовного здоровья. Сейчас Тулеев обещает подсчитать, сколько погибло русских в 1920 году. Я бы ему еще посоветовал подсчитать, сколько вернувшихся из польского плена было расстреляно во время сталинского террора с обвинением «польский шпион» и сколько отправлено в ГУЛАГ. Работая в комиссии по реабилитации в 1989 г., я сам пересматривал такие дела. Помню, некоторые из подследственных заявляли, что в польском плену им жилось лучше, чем в родной стране. Это до какого состояния нужно довести человека, чтобы он такое сказал! Советую А.Тулееву поглубже заняться историей — впрочем, он прекрасно помнит слова Сталина, что у нас пленных нет, а есть изменники Родине. Такова правда с пленными, товарищ Тулеев.

В заключение напомню, чего добивается бывший пленный Козельского лагеря свящ. Здислав Пешковский: правды о Катыни; памяти, законности, прощения. Вот тот краеугольный камень, на котором можно строить примирение и дружбу.

Томаш Ружицкий **Перевод Андрея Базилевского**

СТИХОТВОРЕНИЯ

Бесы

И вот кончается лето; за вечер паутиной
зарастают тропинки и над рекой поляны.
Стираю все это с лица. А ведь недавно думал —
приходить каждый вечер, рассказывать обо всем

в деталях — что происходит между миром и нами,
в воду бросать бумажки, хлебные шарики, крошки
со стола и постели, ничего не скрывая,
пусть хапает, пусть нажрется, но больше пусть не приходит.

А ведь думал: потом, не открывая глаз, удалиться,
не кланяясь, не оглядываясь, оставить все и уйти,
и наконец остаться одному в этом мраке,
наедине с этим миром, стирая со щек паутину

и осень. Закрыв глаза, спать на ходу, не канючить,
не выть и не звать никого сквозь сон.

сентябрь 1997

Paulina Zielona

Праздник

Дождь, дождь, дождь. Ноябрь приминает листья.
Этой ночью я слышала, впервые за много лет,
как ты напевала песню, расхаживая по скрипучим
доскам на чердаке. А я ведь была внизу

и знала: что-то случится. Постелила свежую скатерть
и принесла тарелки, словно дети вот-вот придут
из школы, словно уже где-то вдали слышен поезд.
Тут кто-то меня позвал, и я вышла в сад,

чтоб хоть яблок набрать, а уж потом — на станцию,
но кинулась бегом, ждать было невмоготу.
Плакать я буду после, только когда все кончится,
когда я встану, когда меня обольстит рассвет,

иней, сорока в саду, смерть.

ноябрь 1997

Провинция

Уже пять тридцать, точно в это время
дымятся на дворе помятые соседи,
ржавеют тихо пальцы пассажиров,
на пригородной станции уснувших.

Та, из квартиры семь, опять встает,
подходит к темной двери близко-близко,
почти касается ее сосками.
А дверь холодная лоснится краской,

но если приглядеться, видно ясно:
цветы из грязи, острова из жира...
Ей чудится: сейчас вернется тот,
кто прошлым летом утонул (за стенкой

хрипит приемник, там заваривают кофе,
там надевают тяжкие мундиры,
там воют чайники). Она прижалась к двери —
все чайники заткнулись как один.

сентябрь 1999

Затмение

Эх, мокрый понедельник, холодный понедельник.
Чуть в горку, по тропинке, на поиски квартиры
куда-то все уносит внезапное затменье —
небрежное движенье руки над чашкой чайной.

Мы празднуем прощанье с ненужными вещами,
они отяжелели, они вот-вот утонут,
и молят о спасенье все девять телефонов
во всех семи конторах на этажах над нами,

а дальше остается — на дно тихонько падать,
пока на тротуарчик не ляжет сизый иней
и не покроют тени трухлявых стен громаду,
пока стальные шторы не спустят в магазине.

За пазухой девицы, что бродит онемев,
ноябрь проиграет язвительной зиме.

ноябрь 1999

Литературэкспресс

Ты-дын, ты-дын, бумажка с номером в кармане,
с вокзала позвоню. Еще я взял книжонку,
которой не читаю, в ней глава,
отравленная, о грибах, взял две кассеты —

ведь музыка дарует нам спасенье.
Пока не сели батарейки, буду жив. Вчера приснилось:
я в комнату вошел, и вдруг она пустилась
в путь, как по рельсам, вся пришла в движенье,

оторвалась от мира... Как сойти?..
Нам не до плясок, мы всегда в пути,
покуда есть нужда. Нам музыка — как соль,
как сахар. И пока в мельканье станций быстром

сбиваюсь я со счета, я живу. Когда-то я любил
сидеть, не веря очевидным цифрам.

апрель 2001

Белые ночи, *черная смородина*

Достаточно отвернуться, чтоб комнату постепенно
всю затянуло салом — окна не пропускают
больше ни капли света, сейчас три часа утра,
привычный уличный смрад уже сочится сквозь стену,

сквозь рубашку и кожу. Свет всюду выключен,
блокаду ужесточили — с этажа на этаж — и вот,
с тех пор как я тут, по ночам я обеззараживаю
водкой узкий диванчик, с которого вынужден

руководить революцией в разных партиях тела,
пока еще не осознавших своей классовой роли,
когда я их оставляю, будто детей на воле,
чтобы попасть в страну, где когда-то слушалось дело

против тех, кто напичкал душу дурными снами.
На площади Диктатуры Пролетариев, того-этого,
жду и даже не знаю, правда ль вернулось лето
или белые ночи глумятся над черными днями.

июль 2000

Конец эпохи

Трубы слева и справа, кругом колокольные звоны.
Подпольное государство переходит к католикам,
и травой зарастают немецкие бункера
со стороны огородов. Дерьмовые дворики,

где выжили комары, превращаются в рай.
Оказывается, легендарные женщины сняли кожу
и покоряют улицы, одно кафе за другим,
сдаются им рюмки, стаканы, ножи и ложки —

все, что было — его. В лавочках мелют кофе —
запах на весь город. Так пусть же мир приподнимет
краешек юбки, пускай покажет, что нам готовит:
иордановы садики и духовые оркестры,

блещет медь, катера шныряют по Одре. А в доме
жар, трубы справа и слева и барабаны всю ночь.

июль 2000

Лешек Шаруга

СКРЫТАЯ ИСТОРИЯ

Томаш Ружицкий (1970 г.р.) издал пять стихотворных книг, из которых последняя, «Двенадцать станций» (2004), — это большая поэма, за которую автор получил премию Костельских, присуждаемую писателям, не достигшим сорока лет. Повествование поражает смелостью, размахом предприятия, ибо это и вправду смело — писать сегодня многочастную, полную лирических отступлений, эпическую поэму или скорее носящий ироикомические черты семейный эпос. Его действие происходит в «оставшемся от немцев» доходном доме в Ополе, который становится аналогом дворянского именьица на «кресах»: в этом доме осела семья, перебравшаяся сюда с былых, утраченных после войны восточных окраин Речи Посполитой. Не случайно Тетка героя планирует встречу президентов Польши и Украины, которым, по ее замыслу, предстоит

...увидеть примиренье и, как символ
двух братских стран, увы, в такие впавших страшные раздоры
и разведенных третьими, нашептыванием бесовским,
московским и иным, сойтись опять и снова повенчаться

(Здесь и далее перевод Н.Горбаневской)

Эта поэтическая шутка по сути крайне серьезна, но интереснее всего то, что автор, принадлежащий к самому молодому сегодня литературному поколению, берется за исторические сюжеты, обращается к испытаниям II Мировой войны. То, что он способен делать это с чувством юмора, что образец «национального эпоса» трактует насмешнически — ибо нет никакого сомнения, что перед нами также обращение к «Пану Тадеушу», — не значит, что история перестала играть в его жизни важную роль. Наоборот, еще в дебютантском сборнике стихов «Vaterland» появляется драматический вопрос, касающийся прошлого и боли утраты:

Вопрос, почему они Львов не сожгли, почему
не обратили в пепел, в летучий дым,

никому не пришлось бы такую тяжесть тащить
всю жизнь и даже во сне стократ валиться

(«Энтропия»)

Ружицкий перенимает здесь мотив, вписанный в поэзию Збигнева Херберта, но встречающийся также у Адама Загаевского (1945 г.р.), который назвал один из своих сборников «Ехать во Львов». Эта скрытая история требует рассказа, она по-прежнему не высказана до конца, по-прежнему следует читать ее знаки, непонятные шифры, как в сборнике Ружицкого «Мир и Антимир» (2003), где война идет повсюду:

И мы не погибнем,

хотя Польша подвоняла, удавил сыночек,
разрубил на части тело, пенсию в конверте
под подушкой обнаружил да еще колечко,
привезенное из Львова в тайнике-подметке.

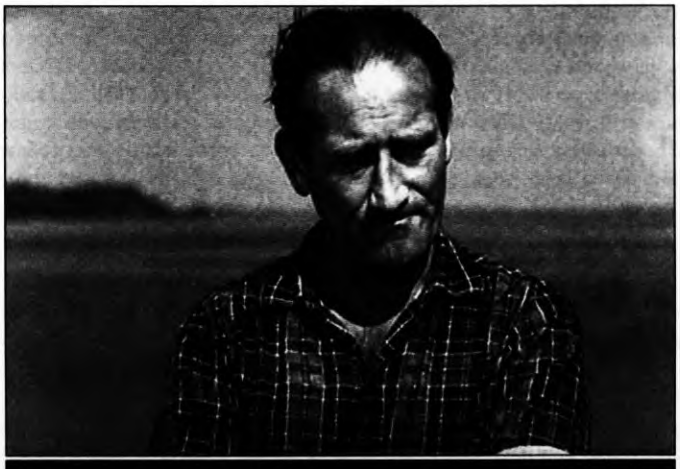
(«Песнь восьмая»)

Стихотворение извлекает, выявляет то, что скрыто, но в то же время начинает жить собственной жизнью, и поэт узнаёт — как в цикле стихов, недавно опубликованных в «Зешитах литерацких», — что «постепенно стихи / заменят мне отчизну, мать, отца, и первую / любовь, и молодость вторую». Реальные пространства преображаются в слове, а оно, слово, «черным языком / однажды ночью чьей-то крови отопьет». Творится «другая жизнь», предчувствовавшаяся еще в первом его сборнике стихов:

Тогда они станут звать, и на чистые листья полей выйдет из мрака
новый деспот, немой шут, черный дух поэзии.

Ян Химильсбах **Перевод Ксении Старосельской**

ЗИМА СТОЛЕТЬЯ



Ян Химильсбах

На работе мы играли в карты. С утра и до упора, а когда рабочий день кончался, кто выигрывал — ставил проигравшим бутылку, а то и две, с закуской, а потом все топали гуськом по колено в снегу на промерзший склад переодеваться в выходные костюмы — и вперед, в город. И так каждый день целый месяц. Мы играли, и никто не имел права нам слова сказать. Играли под навесом, где гулял ветер, а мы сидели возле раскаленных железных печурок и знай себе шпилили. Снег завалил всю Европу. Прибавьте к этому ветер и лютый мороз, у нас доходивший до тридцати градусов ниже нуля, а по радио сообщали, что в солнечной Италии на улицах замерзло несколько десятков человек.

Мы играли, потому что делать больше было нечего, даже начальнику стройки нечего было делать. Он стоял около печурки с красным от жара лицом, грел руки, топал ногами и молча — сам-то он участия не принимал — смотрел, кому идет карта. Не как начальник стоял, а как посторонний. У нас не было работы, у него не было работы, и еще у пары мастеров, и никто никого не попрекал. Ни он нас за то, что сидим и играем, ни мы его за то, что он не сидит в своей конторе и не делает того, что должен делать. Мастера сидели у других печурок и рассказывали о былых временах, кто где и у кого обучался ремеслу, а потом работал, и как долго. Вспоминали тех, кто погиб на войне, и тех, что прямо после армии женились на долговязых англичанках и остались на Темзе, и тех, что, вернувшись из концлагерей, потрудились немного в Польше и померли, потому как подхватили разные болезни. Было нас больше сотни, и у каждого всегда находилось что рассказать. У каждого была биография, которая и на воловьей шкуре бы не поместилась, не говоря уж об одном анкетном листке. Люди и листок этот не до конца заполняли, умещали автобиографию на полстраничке: мол, были там-то и там-то. О работе речи не шло, в Польше тогда еще никто толком не начал работать, не успел перейти из одной фирмы в другую, с одного предприятия на другое. Мы свою биографию только начинали, а каждому было уже хорошо за тридцать. Это была первая после

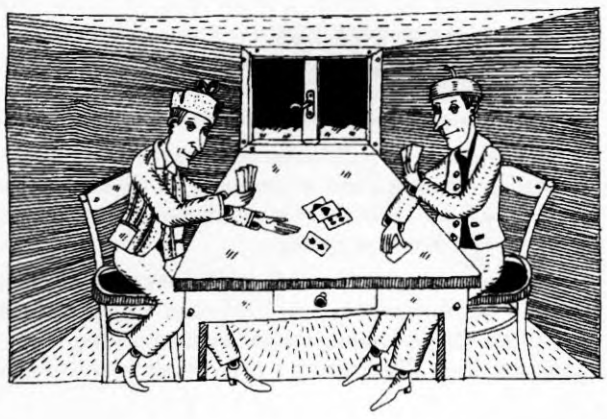
IGNACY CZWARTOS

войны работа. Никто из нас лучшей не искал, не ездил по городам за куском хлеба, потому как необходимости не было, везде одно и то же. Работы — завались, только людей не хватало. Мне еще здорово повезло, что немцы научили ремеслу — таких специалистов по обработке камня после войны осталось мало. Может, по всей стране человек триста. А что здесь, под навесом, нас собралась целая сотня — это чудо Господне, такое могло и не случиться. На стройку эту, чего уж тут скрывать, чуть ли не силком сгоняли народ со всей страны. Разделяли семьи, у жены забирали мужа, у детей отца, обещали хорошие заработки и, не буду врать, обещание сдержали. Приезжих селили в общежитии, у каждого на железной походной койке были два серых вытертых одеяла и подголовник, набитый соломой. В комнатах стояли двухэтажные кровати, а между ними — оставшиеся от немцев тумбочки, где держали под ключом одежду, обувь и продукты. Все вместе. Не было субботы, чтоб к кому-нибудь не приехала на побывку жена. Приезжали обычно измордованные дорогой, некоторые ехали до полутора суток. Приезжали, когда мы были на работе. Вахтерша обязана была выдать женщине ключ от комнаты мужа. Там стояло иногда и по десять коек, ну и кофе — пей не хочу. Взгромоздится такая бабища кое-как на второй этаж мужнина ложа, поглядит с опаскою вниз, а потом с горя уляжется на постель в одежде и башмаках и терпеливо ждет своего избавителя. Но не всегда успевала дождаться, как ее одолевал сон. Иной раз вместо мужа в комнату вваливался с руганью кто-то незнакомый. Заметив на «шестке», как мы называли вторые этажи, женщину, долго и путано извинялся и обещал, что немедля приведет ее мужика. Опрометью выбегал из барака, несся знакомым путем на работу, на полдороге встречал счастливца, с трудом переведя дух, объявлял тому радостную весть, и происходил обмен эстафетой. Теперь муж сломя голову мчался в барак. Постепенно комната заполнялась людьми, и муж представлял им жену. Потом все вместе усаживались за один стол ужинать. Нелегкими были ночи с субботы на воскресенье. Железное ложе на верхотуре скрипело, мужики ворочались с боку на бок, напрасно пытаясь заснуть, но что тут скажешь, дело житейское. Иногда разом приезжали две или три бабы, вот тогда в комнате и впрямь становилось горячо. В воскресенье под вечер мужья провожали жен на вокзал, отдавали им заработанные деньги, самую малость только оставляя себе на жратву до следующей получки. Супруги долго прощались на перроне, напоминали друг дружке, чтобы берегли себя, муж передавал привет детям, велел следить, чтоб не прогуливали и делали уроки, наконец сажал заплаканную жену в поезд, а сам с тяжелым сердцем возвращался в общежитие.

Так бывало летом, но сейчас, зимой, добраться до нас было труднее. Сейчас, несмотря на сильные морозы, легче было б мужику доехать до дома, пусть и на другой конец Польши, но ни один из нас не мог покинуть стройку. Дисциплина здесь была строгая. Хоть мы били баклуши и резались в карты, но утром каждый должен был явиться на работу, и мы являлись. И расписывались в табеле.

Каждый день около семи мы входили в высокие деревянные ворота, где стоял вооруженный охранник в длинном, до пят, тяжелом тулупе и валенках, поверх которых он на немецкий манер еще пристраивал соломенные щитки. Этому охраннику мы показывали пропуск. Потом, по колено в снегу, тащились на склад переодеваться, а оттуда — под навес, разжигали печурки, ну и тогда только усаживались за карты.

К нам частенько заглядывали всякие-разные — с беседами. Просвещали нас как умели, каждый талдычил свое; и они были правы, и мы были правы. Одни уходили, другие приходили, пудрили мозги, летом ради этой болтовни прерывали работу. Теперь, в мороз, когда мы сидели без дела, ни один и носу не казал, не осмеливался. Зарабатывали мы на стройке неплохо, и сейчас нам платили из расчета средней зарплаты за последних три месяца.



Ignacy Czwartos

А получилась такая петрушка потому, что не было досок и толя, иначе работы было б невпроворот. Не было досок, и точка, вот и весь секрет. Доски и брусья пошли на леса и подмости. То, что мы сделали летом и осенью, надо было закрепить на стенах. Плит и каменных блоков нам навалили достаточно. Пока не подвела погода, все было в порядке, но осенью зарядили дожди. Дерево пило во-

ду вволю, сколько хотело. И плиты пили, и блоки. И вдруг, неожиданно, как из-за угла, нагрянула зима. Сперва материал весь как есть занесло снегом, а потом ударил мороз, и камень наш в момент растрескался. Мороз ударил, а скопившаяся в камне вода довершила начатое. Все поразрывало. В мгновение ока десятки тонн нормального стройматериала превратились в кучу мусора.

О доставке нового материала и речи не могло идти. Машины застревали в снегу на трассах. Теперь никто не был в состоянии нам помочь. Оставалось ждать милости небес.

Однажды, невесть кто и откуда, прислал нам председателя профкома. Черт его знает, зачем. Немолодой человек, беспомощный, ни в чем не разбирающийся, ничегошеньки не мог сделать, даже по «профсоюзной линии», не говоря уж о чисто профессиональных вещах. Целыми днями мотался по стройке с видавшим виды портфелем под мышкой, где у него была вся его канцелярия. Еще до того, как мы узнали его настоящую фамилию, кто-то придумал ему кликуху «Гонсалес», и так оно и осталось.

Гонсалес зацеплял людей, где только мог, и под разными предлогами норовил выудить профсоюзные взносы. Ему объясняли, что временно деньгами не располагают, потому как не работают, говорили, чтобы подождал до весны, до тех пор, пока не начнут работать, тогда и расплатятся по всем задолженностям. Как-то раз Гонсалес вдруг влетел под навес и увидел на кону деньги: они лежали на камне и были придавлены камнем поменьше. Игроки числились в неплательщиках. Гонсалес подскочил, как лесной кот, и сгреб все деньги в карман. Ошарашенные мужики только переглядывались, разинув рты. Один Рогальский, довоенный специалист, прозванный Кудрявым, потому что был лыс, как колено, не растерялся. Тяжело поднялся со своего места, крепко взял Гонсалеса за руку повыше локтя, подвел к опорной балке, на которой висели стальные винкели, снял один и спокойным голосом, от которого у нормального человека застыла бы кровь в жилах, сказал:

— Положи, ворюга, деньги, откуда взял. Советую по-хорошему, не то съезжу по башке этой железякой — родная мать не узнает.

Гонсалес понял, что шутки плохи. Положил деньги обратно и прижал тем же самым камнем, чтоб ветер не унес.

— Молодец, — похвалил Кудрявый, а потом подтолкнул Гонсалеса и добавил: — Катись отсюда!

Гонсалес ушел как побитый пес. Потерял у народа авторитет и выставил себя на посмешище. Другой бы уволился, но Гонсалес не мог, хотя бы потому, что за спиной у него кто-то стоял, кто-то, кто его в этот профком сунул. После того случая он совсем раскис. Через пару дней, желая хоть частично вернуть утерянный авторитет, принес под навес портфель, набитый бутылками и домашними бутербродами. Водку Гонсалесову выпили. С тех пор все стали говорить ему «ты», но в остальном ничего не изменилось. Дошло до того, что он у нас сделался мальчиком на побегушках: гонял на улицу в киоск за сигаретами, в магазин за хлебом и колбасой. Частенько его еще и обкладывали за то, что недостаточно быстро обернулся.

— Тебя, Гонсалес, только за смертью посылать: можно будет часок-другой лишний прожить, — приговаривали.

Гонсалес оправдывался, мол, в магазине большая очередь была, ну и чертовы беременные бабы да инвалиды, этим всегда и всюду зеленый свет.

Несколько лет спустя я встретил Гонсалеса. Он сильно изменился. Не знаю почему, но мне его стало жаль. Гонсалес с горечью говорил о тех, кто за ним стоял. Если б не они, он нашел бы себе приличную работу, и все было бы хорошо, он тогда еще был не старый и мог чему-нибудь научиться, а теперь уже поздно. Жаловался, что растратил жизнь на глупости, на то, что забивал глупостями голову людям умнее себя. Потом он уехал по приглашению сына в Канаду и там остался.

Был у нас на стройке еще один затейник. Командир этот с трудом говорил по-польски. За какие-то темные делишки его выдворили из Франции. Нам заливал, будто за коммунизм. Когда стройка закончилась, он самостоятельно устроился кладовщиком в Общество польско-советской дружбы. Спился, бедолага, и вскоре помер.

И еще один чудак у нас был. Небольшого росточка, со сморщенным лицом новорожденного младенца. Участник революции 1905 года. Сидел и при царизме, и после Первой мировой войны. Мы его звали Лен. Он уже давно вышел на пенсию, но такой был бойкий, что не мог усидеть дома, вечно его куда-то тянуло. Постоянно у него были какие-то дела.

Несмотря на преклонный возраст, а может именно поэтому, Лен добывал все, что требовалось нашему предприятию, где он когда-то работал и откуда ушел на пенсию. Знал нас всех и еще кучу людей, которых мы не знали. У него сохранились довоенные знакомства, люди эти в ту зиму столетья занимали высокие посты. Он имел к ним доступ и использовал старые связи во благо предприятия. В нашей дирекции с его мнением считались и на него рассчитывали. Где сам черт ничего не мог поделать, Лен управлялся шутя. Ему даже доверяли какую-никакую руководящую работу. Однажды он позвал меня выпить. Мы устроились на груде кирпичей. Он принес четвертинку и соленые огурцы на закуску. Я вытащил свои пол-литра. Отхлебывая из бутылки, я раздумывал, почему это Лен именно меня пригласил. Он был старше раза в три, наверно, и на стройке у него было полно дружков его возраста. Мог ведь с ними пить, так нет же, выбрал меня. Потом я решил, что мне это даже на руку, с его помощью, когда мороз спадет, я подыщу себе работу получше. То есть более легкую, но чтоб лучше платили. Да, это приглашение мне было на руку, тем более что, пока мы сюда шли, нас видели несколько ребят и мастер.

Лен, жуя заледеневший огурец беззубыми деснами, ни с того, ни с сего спросил:

— Ты где живешь?

— В общежитии.

— Сколько зарабатываешь?

— Сейчас нисколько, а летом по-разному.

— А с деньгами что делаешь?

— А чего с ними делать? То же, что все.

— Ты должен откладывать на черный день.

— Я еще молодой, успею.

— Девушка у тебя есть?

— А на что мне девушка, куда я ее приведу, в общежитие?

— У меня есть племянница, твоих лет.

Я сразу понял, что «черный день» — это и есть его племянница, которую я ни до того, ни после в глаза не видел.

На том наш разговор закончился. Я вернулся под навес к ребятам, а он потопал в контору.

В ту же ночь мороз ослаб, а на следующий день из-за туч выглянуло солнце, но я на работу уже не пошел. Собрал свои манатки. Я прекрасно понимал, что раз не клюнул на племянницу Лена, на стройке мне делать нечего.

Лешек Шаруга

КОЕ-ЧТО ИЗ ЖИЗНИ

Ян Химильсбах (1931-1988) был одной из самых ярких фигур варшавской литературной сцены. Потеряв родителей во время немецкой оккупации, он некоторое время бродяжничал по малым городкам, был отправлен работать в каменоломню. После войны брался за самые разные занятия — работал на шахте, был кочегаром на рыбачьих судах, в конце концов стал камнетесом. В 1951 году Химильсбах впервые напечатал стихи, но прославился как прозаик, автор рассказов, первый сборник которых — «Монидло» — вышел в 1967 г., получив признание критики и одновременно став основой сценария кинофильма Анджея Краузе. Позднее Химильсбаху предстояло познакомиться с кинематографией ближе, когда он сыграл бравурную роль в «Рейсе» Марека Пивовского

Характерный, слегка хриплый голос Химильсбаха можно было узнать сразу. Этот-то голос я и услышал в мае 1982 г. в кафе тогдашнего Союза польских писателей. Это было в первые месяцы после объявления военного положения, через два дня после мощных демонстраций 3 мая в Варшаве. Химильсбах, слегка в подпитии, стал в дверях и возвестил:

— Коммуна кончается.

— А что произошло, Ясь? — начали все допытываться.

— Представьте себе, иду это я позавчера по Краковскому Предместью. Людей куча, менты вооруженные как на войну, какая-то механика, Бог весть что. Ну и слышу, кто-то кричит: «Огонь!» А они, — тут Химильсбах внушительно понизил голос, — а они, бля, воду льют!

Подобных анекдотов наверняка можно собрать десятки, их хватило бы на вполне неплохую и не маленькую новеллу. И на самом деле стоило бы эти рассказики записать, потому что из них могла бы составиться панорама послевоенной варшавской жизни. Быстрые ответы Химильсбаха, его остроты, реплики, но и резкие суждения тоже — все это, нередко выявляя абсурд обстоятельств и раскрывая гротескность поступков, поражало меткостью и своеобразным, неподражаемым чувством юмора. И жаль, что они останутся только в легенде.

Остались рассказы. Это проза, написанная почти всегда от первого лица, несомненно построенная на собственном жизненном опыте. Так обстоит дело в «Монидле», где преобладают рассказы о временах оккупации, описывающие жизнь маленького городка, где люди, стремясь выжить, не брезгуют доносами на укрывающихся евреев, а женщины, в том числе совсем девочки, зарабатывают на жизнь, продаваясь. Поражает подлинность рассказа и одновременно дистанция рассказчика по отношению к описываемым событиям, уходящего от дешевой моралистики. Добросовестность описания уберегает эту прозу и от сентиментализма. Вот она, жизнь в ее реалиях, без всякой ретуши.

Так же происходит и с рассказами из следующих сборников — «Заваруха» (1974) и «Слезы солтыса» (1982), где Химильсбах исследует пространство варшавского дна, особенно сосредотачиваясь на среде могильщиков, каменотесов и воров: здесь мы, в отличие от законов или, точнее, беззакония, царящего в официальной жизни общества, находим ясные принципы и правила сосуществования, глубокие рефлексы солидарности, снисходительность к слабости, ответственность за других — наконец, и сострадание. Этот мир тоже погружен в водку, но пьянство здесь дело само собой разумеющееся, как в замечательном рассказе «Прием на десять персон плюс три», начинающийся своеобразной пьянчужной апострофой:

«У пьянства есть свои дурные и хорошие стороны. Через горилку можно влезть в дерьмо по самые уши, если у кого голова слабая, но за рюмкой можно и приятно провести время с женщиной, поболтать с корешами о том о сем, устроить себе работу получше, где человек не наработается, а заработает. Мне лично горилка повредила несколько раз в жизни, и каждый раз я себе обещал, что последний раз взял ее в рот, а через несколько дней ломался, словно мужицкая бритва. Последний раз горилка повредила мне в прошлом году, весною».

Когда читаешь такое вступление, очевидно, что дальше обязательно будет интересно. И это так и есть. Как всегда у Химильсбаха: кое-что из жизни.

Алексей Хетагуров

ОДИН ПОЛЯК

Посвящается памяти Сергея Сосинского

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна,
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!...
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой.
Николай Языков. 1829.

Шел 1957 год. В Москве с помпой и ажиотажем проходил VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Новые поколения уже не ведают, что это за действо такое, оно сгинуло вместе с коммунистической системой. А тогда, в атмосфере глухой изоляции от внешнего мира и незыблемого «железного занавеса», оно было лучом света во мгле. Москвичи могли свободно общаться с людьми всех рас и национальностей. Многие, особенно дети, впервые увидели чернокожих, с восторгом таращили на них глаза, что-то кричали и тыкали пальцами. Особым успехом пользовались представители Чада и Камеруна: они были совершенно черны, выделялись только белки глаз и белозубые улыбки.

Незабываемо была обставлена встреча неведомых пришельцев. Сотни тысяч москвичей с утра заняли все свободные места вдоль Садового кольца. Заранее объявили, что делегации поедут на машинах и проезжая часть должна быть свободной. Наконец под восторженные крики встречающих показались обыкновенные грузовики, плотно набитые людьми, и автобусы, из которых выглядывали радостные юные лица гостей — все махали руками, платками и косынками.

Особенно контрастно выглядели грубые кузова машин и стоявшие на них девушки-японки, густо напудренные, в нарядных кимоно и с замысловатыми прическами — живые фарфоровые куколки, удивительно изящные и миниатюрные. Они быстро обмахивались цветными веерами и ладошками приветствовали встречающих. Из окон автобусов улыбались очаровательные белокурые голландки в остроконечных чепчиках. Привлекали внимание многокрасочные индийцы, шикарные латиноамериканцы в огромных шляпах и расшитых куртках. Рослые красавцы-шотландцы в клетчатых юбках стройно маршировали, дули в экзотические волынки и, размахивая помпонами на длинных веревках, с грохотом били ими в огромные барабаны — зрелище впечатляющее.

Большинство делегаций было в национальных костюмах, которые у всех народов нарядны и праздничны. На этом пестром фоне выделялась черная униформа и экзотические головные уборы с черными перьями — как оказалось, представителей польских шахтеров.

Диссонансом празднику был автобус с молодыми людьми в военной форме, они прятались за шторками и вяло отвечали на приветствия. Это были бывшие солдаты госбезопасности, чудом выжившие после расстрела во время венгерской революции 1956 года. Снимки казни облетели весь мир: они закрывались от пуль ладонями. Фотографии меня тогда потрясли, ужасно жалко было перепуганных мальчишек-солдат, и я рад был увидеть уцелевших. Пережитое не изгладилось с их лиц — они грустно смотрели на ликующую толпу.

Но этот автобус был исключением. Не передать той радостной атмосферы сотен тысяч людей, собравшихся вдруг со всей планеты на небольшом отрезке старой Москвы — на Садовом кольце. Ни до того, ни после не приходилось мне видеть сразу столько счастливых лиц — только почти через тридцать лет, в 1991 году, когда ликующий народ снес символ тоталитаризма: несуразно длинный, похожий на шуруп шляпкой вниз, памятник Дзержинскому, уродовавший Лубянскую площадь. И опять парадокс истории: «железного Феликса», поляка, демонтировал народный депу-

Dymitr Kismiełow

тат Станкевич — тоже поляк. Он организовал технику, чтобы махина не подавила людей и не пробила туннель метро, так как памятник хотели просто сбросить. Но это уже совсем другая история, хотя тоже не без участия поляков.

Тогда гостеприимные, наивные и неизбалованные москвичи после трудных лет послевоенной жизни увидели, как красочна и прекрасна семья народов, как все нужны друг другу, — если тут и была замешана политика, то кто о ней тогда думал! Ведь фестиваль призывал к миру, а что может быть дороже него. Как бы сейчас мы ни относились к рухнувшей системе, но тот фестиваль остался в памяти и на многое открыл глаза так называемым советским людям.

Я, например, увидел идеал женской красоты. Девушка-кореянка в национальном костюме медленно пересекала площадь. Ее лицо было совершенством линий и пропорций: персиковый цвет лица, большие раскосые глаза, рот и нос будто выточены искуснейшим мастером, в пышных волосах — цветок. Она проплыла мимо меня, а я долго ошалело смотрел ей вслед, стоя столбом. Говорят, что самые красивые женщины встречаются в Корее. Может, и правда. Но как подумаю, что едят они моих любимых собак, так лучше и не надо той красоты!

В Москве проходили конкурсы, встречи, концерты, выставки и другие официальные мероприятия, контролируемые и направляемые коммунистической партией. Но появилась и своя теневая сфера общения без посредников: обмены значками, медалями, монетами, марками и сувенирами. Понавезли их в огромных количествах. Чего там только ни было! Например, автору этих строк итальянец пытался «впарить» массивную медаль с изображением тупорылого господина с бульдожьей челюстью — как оказалось, Муссолини. Какое отношение покойный дуче имел к коммунистическому фестивалю — загадка итальянской души.

Менялись московские мальчишки с иностранцами и друг с другом по несколько раз, полностью обновляя свои коллекции. Так, у меня были собраны интересные медали, которые пошли в обмен на значки, потом сгинули и значки — все это активно перепродавалось, и торговые операции проходили в течение нескольких дней. Самые деловые «молодые дарования» занимались фарцовкой, то есть скупкой одежды и обуви у «студентов», которые прихватили это добро чемоданами в бедную и плохо одетую Москву. То, что предлагали они, разительно отличалось от выставленного в витринах магазинов, и предложение нашло спрос.

Однажды, увлеченный друзьями, я участвовал в такой сделке на каком-то чердаке около Театра оперетты. Сюжет был вполне опереточный: немолодой толстый «студент», озираясь, ворошил чемодан, тряс тряпками, стучал туфлями и очень боялся «жандармов» (которые прекратили свое существование еще в 1917 году). На вырученные за значки деньги я был решительно настроен что-нибудь купить в подарок собственной матери, ибо свеж был в памяти ее рассказ о том, как в молодые годы она сшила себе платье из бумазейного мешка, который был получен ею на работе по распределению в эпоху славного военного коммунизма. Платье из мешка ей шила столбовая дворянка, бывшая выпускница Смольного института и, естественно, «лишенка» — то есть

лишенная права работать на государственной службе. Вот и приходилось ей подрабатывать шитьем, которому, видимо, хорошо обучали в институте благородных девиц. Портниха-искусница «голубых кровей» сшила платье на диво. И моя с черными кудрями и синими глазами юная прекрасная мама гордо пошла в нем на работу, вызывая зависть сослуживцев, ибо подобный вид туалета трудно было приобрести в то время: в ходу были куртки, юбки и красные косынки, прекрасно сочетавшиеся с гневно вскинутой рукой и победным воплем «Даешь!». Мама от рождения была стройной и хрупкой, поэтому «мешок-платье» оказался ей даже просторным.

В результате недолгих торгов я купил шелковую с кружевами комбинацию — просто роскошь по тем временам! Довольный, я принес ее матери, за что сразу получил основательный нагоняй и требование дать клятву никогда в подобных сделках не участвовать. Комбинация была принята. На этом и закончились мои коммерческие способности, потом они как-то совсем потускнели.

Все эти обменно-торговые дела проходили на «плешках», коих было две: одна, полуугловая, находилась на лестничной площадке перед Центральным телеграфом, другая — в сквере у Большого театра. На первой, фарцовочной «плешке» крутились какие-то темные личности и ярко накрашенные девицы. Там набиралась опыта та молодая поросль, потомки которой стали теперь героями осточертевших сериалов и хозяевами жизни. Другая «плешка», значково-сувенирная, была веселее, да и товар весь на виду: прикреплен к пиджакам и рубашкам — смотри, выбирай, меняйся. Если не хватало своей фактуры, то в руках держали тряпицы с прикрепленными значками и брелками. Контингент в основном тут был мальчишеский, но попадались и взрослые, даже пожилые люди. Все уже более или менее знали друг друга в лицо и ходили туда, как на работу.

Я ежедневно дефилировал от одной «плешки» к другой, благо времени было много: шли летние каникулы. Везде имел знакомых, все было ново, особенно у телеграфа, где вершились дела нешуточные. Многие мои друзья, добрые и хорошие ребята, начав там свои нехитрые финансовые операции, втянулись в них, стали фарцовщиками, валютчиками, спекулянтами и быстро куда-то пропали.

Интереснее было у Большого театра: сквер был всегда забит до отказа, товар переходил из рук в руки, и народ был интернациональный. Иностранцы со своими значками и сувенирами приходили именно сюда. Мое внимание часто привлекал высокий худой сутулый мужчина средних лет в сером потертом пиджаке и такого же цвета кепке «блином». Он каждый день что-то искал, выспрашивал, выменивал и толкался среди нас, мальчишек.

Однажды приятель подозвал меня к кучке ребят, которые о чем-то совещались: «Хочешь повеселиться? Тут есть один поляк, он все время рассказывает про Польшу и говорит, что скоро туда поедет. Спроси его, посмеемся!» Всей компанией мы двинулись к скамейке, на которой сидел, как оказалось, тот самый усталый и плохо одетый человек. Он был один и о чем-то размышлял. Мы подошли к нему и завели разговор о значках. У него было невыразительное лицо, серые глубоко посаженные глаза, утиный нос, высокие выпирающие скулы; светлые жидкие волосы выбивались из-под кепки. Держался он скромно, речь была интеллигентная и с нами, довольно нахальными мальчишками, вежливая и доброжелательная.

Наконец я не удержался и снисходительно спросил: «А говорят, вы поляк? Собираетесь уехать в Польшу?» И вместе со всей компанией приготовился к веселому представлению. Он тут же оживился и, то ли не видя, то ли не желая замечать насмешки, стал говорить, что он действительно поляк и собирается в Польшу, обязательно туда поедет, а сейчас готовит документы, бумаги и так далее. Вот кончится фестиваль, и он вплотную этим займется. Уже недолго осталось ждать.

Я смотрел на него, и мне стало совсем не смешно. Это некрасивое лицо преобразилось, глаза наполнились внутренним светом. Ни нас, ни Большого театра не было перед ним — в глазах его стоял Эдем, Земля Обетованная, он видел родную, зовущую и неведомую для нас Польшу! Он стал рассказывать, что давно уже хочет уехать туда и скоро, скоро это произойдет. Какая это прекрасная страна, какие там замечательные люди, и как там все хорошо!

Его рассказ по тем временам действительно мог показаться смешным: как можно было обычному человеку уехать в другую страну, когда и по своей-то передвигались с оглядкой? Надо было прописываться; сельскому населению не выдавались

паспорта — чтобы сидели на месте и работали в колхозах. Писать письма за границу (и ждать ответа) было бесполезно — они не доходили. А Польша еще со времен Российской империи считалась мятежной и неблагонадежной, оттуда веял ветер свободы. Даже в школе учителя многозначительно подчеркивали, что там сохранен частный сектор и нет колхозов!

Тогда же, на уроках истории, меня восхитила храбрость повстанцев Тадеуша Костюшко — «косинеров», — которые с косами в руках шли на пушки фельдмаршала Суворова. Потом их правнуки повторили подвиг атакой польской кавалерии на немецкие танки. Там — косы, а тут — сабли против пушек. Эта польская удаль дорого стоит! Кто-то скажет: безрассудство! Но такими «безрассудствами» мужает нация. Такие «безрассудства» остаются в веках — как битва при Фермопилах. Надо отдать должное: в то время советская историография всегда брала сторону революционеров, потому и запомнились мне «косинеры».

Поездка в Польшу приравнивалась к поездке в капиталистическую страну. И как этот тихий скромный человек собирался уехать туда? На что рассчитывал? Ребята притихли, кто-то пытался посмеяться, но не был поддержан, остальные, видимо, слушали это не в первый раз и потихоньку разошлись. Я остался с ним один и не мог надивиться перемене, слушал не отрываясь. Как и каким образом он попал в Россию? Родился здесь или был привезен в детстве? Мне было неловко спрашивать его об этом. Речь его была чистая, без акцента, говор московский. Как я понял, жил он раньше в Сибири, а в Москву попал «по лимиту» и работал на заводе. «Лимитчики» — это была особая категория граждан: из-за нехватки рабочей силы их набирали в провинции на стройки, заводы и фабрики, давали им временное жилье и прописку, которая спустя десятилетия становилась постоянной. Жили они в общежитиях или в комнатах коммуналок, выделенных предприятиями, на которых работали.

Такое же жилье было и у моего незнакомца. Свою комнату он превратил в маленькую Польшу. Там были собраны книги, открытки, значки, марки, медали, сувениры и все, что было связано с недосягаемой родиной. Была даже большая карта, по которой он совершал походы и путешествия. Жил он один — родители то ли умерли, то ли остались в Сибири. Семьи и друзей у него не было. Все свободное время он отдавал своей единственной и всепоглощающей любви — Польше.

Его обмены с иностранцами шли очень успешно, так как он приносил внушительные и красочные значки разных ударников труда. Эмалевые, из толстого металла, они смотрелись, как ордена. На них были изображены силуэты рабочих в касках, лопаты, отбойные молотки и другие атрибуты ударного труда советского человека. У иностранцев они шли нарасхват, а нам он отдавал их даром. Но эти изображения смотрели на нас со всех плакатов и стендов наглядной агитации и порядком надоели. Некоторые брали их только для обмена.

На заводе ему поручили значки уничтожить: пустить под пресс, как устаревшие, но часть самых красочных он пожалел и оставил. Теперь они пригодились для обмена. Не обернулось ли это впоследствии для него большой бедой? Однажды шпик, который каждый день сновал среди нас, выхватил у парня такой значок и стал допытываться, откуда тот его взял. На оборотной стороне был выбит номер, и такой значок приравнивался к правительственной награде. Никто поляка не выдал, но шпик значок отобрал и сказал, что разберется.

Мы сидели с поляком одни на скамейке, вечерняя мгла съела сквер и немногочисленных менял. Спешить было некуда. Перед нами весело плескался фонтан, а сверху грозно нависала квадрига с фасада Большого театра. Я невольно увлекся его рассказами о Польше, об этой неведомой и необыкновенной стране. В те времена она была так же далека от меня, как какой-нибудь Мадагаскар, и ничто не предвещало мне когда-либо увидеть ее.

Коснулся он и злободневной для нас, мальчишек, «женской» темы. Но, в отличие от потрепанных мужиков-похабников, отиравшихся среди нас и терроризировавших наши уши нахрапистой сексуальной вонью, не говорил ничего скабрезного. Просто он был холост и мечтал жениться на польке. «Вы не знаете, какие это женщины! Таких здесь нет!» — он смотрел куда-то вдаль,

усмехался и кивал головой. Он-то их, конечно, увидит, а вы? Ну, что тут поделаешь! Они прекрасные хозяйки и необыкновенно хороши собой. Это действительно было похоже на правду: девушки в польской делегации были как на подбор.

Но особенно меня восхитил рассказ о возрождении уничтоженной во время войны Варшавы: как поляки восстанавливают ее древний облик, строят заново разрушенные дворцы, замки, костелы; целые улицы и площади появляются из небытия! Разоренная, понесшая огромные жертвы страна заново создает свою историю, свое прошлое. Наверное, единственный пример в мировой истории, когда на пустырях строятся не новые кварталы, а возрождаются старые. Слушать это было тем более удивительно, что в родной вполне благополучной Москве **сносились** ценнейшие, прекрасно сохранившиеся памятники архитектуры, тысячи их были уничтожены безвозвратно.

Эти «подвиги» власть снимала на кинопленку в назидание потомству. Сейчас мы можем видеть эти жуткие кадры кинохроники 30-х годов. Скрупулезно, не без гордости зафиксированы взрывы и разрушения церквей, соборов, снос старинных кварталов столицы. Сцены, достойные продолжить серию офортов Франсиско Гойи — «Капричос»: кощунники роются в мощах святых, а комсомольцы, ряженые в чертей с рогами, лупят крестами по голове ряженого же попа! А чего стоит фильм, где толстомордые мужики в буденовках и долгополых шинелях, взявшись за руки, кружат медленный хоровод вокруг огромного костра, а в нем — иконы! Сквозь бушующее пламя смотрят на нас Спаситель, Богородица, святой Николай...

Сотни тысяч бесценных творений ума и рук человеческих сгорели в таких кострах, были изрублены в щепки. Этот вандализм страшнее сжигания книг. Тираж можно восстановить. Иконы же не вернуть никогда. Святая икона — душа народа, а душа **праведная** ни в каком огне не горит. Сколько еще страна будет расплачиваться за эти святотатства, одному Богу известно. Покаяния не было.

А Первопрестольной и сегодня не повезло. Теперь без огласки и всяких «генеральных планов» ее сносят нувориши. Взамен домов-памятников, как грибы, растут новоделы-муляжи или уродливые стекляшки, которые можно встретить в любой китайской или американской дыре.

Той душной летней ночью мы долго еще сидели в опустевшем сквере, а он все рассказывал и рассказывал. Помню, меня удивило, что в социалистической Польше можно свободно ходить в церковь, слушать и смотреть религиозные передачи. Время было хрущевское, и власть снова с остервенением набросилась на верующих. «Кукурузник» даже прилюдно пообещал «похоронить последнего попа». Опять начали закрывать и рушить церкви (но будем справедливы: делал он и добрые дела: так, этот фестиваль проводился по его инициативе).

Мой незнакомец говорил уже как бы сам для себя, переживая что-то личное. Пора было уходить, транспорт заканчивал свою работу. Поляк встрепенулся словно ото сна и заторопился домой, так как жил где-то далеко на окраине. Мы распрощались, и каждый заспешил в свою сторону. Я так и не узнал его имени.

Фестиваль необратимо подходил к концу. Наступил день его закрытия, который не обошелся для меня без приключений. Церемония закрытия должна была проходить на стадионе в Лужниках, сопровождаться карнавалом и театрализованным представлением. Через центральные улицы на стадион шла кавалькада грузовиков с огромными фигурами разных литературных героев. Они были вырезаны из фанеры и закреплены на специальных платформах. Я стоял на Тверской, и мне приглянулся Дон-Кихот. Когда грузовик оказался рядом, я быстро уцепился за платформу и, взобравшись по конструкции, оседлал кабальеро, надеясь таким образом «зайцем» попасть на стадион.

Известно, что дурной пример — заразителен, и я это почувствовал довольно быстро. За платформу стали цепляться новые люди. Мне приходилось забираться все выше и выше. Вскоре идальго облепили со всех сторон. Какой-то парень просто повис на моих ногах. Машины, миновав Манежную площадь, наддали ходу — и тут неожиданно конструкция со страшным треском развалилась! Мистика? Но «рыцарю печального образа» и здесь не повезло. Он рассыпался на части — единственный литературный герой из всей кавалькады.

Машины остановились. Как говорится, дуракам везет: мой добрый ангел-хранитель с высоты двухэтажного дома благополучно посадил меня «на пятую точку», так что я ничего не почувствовал и не сразу понял, что же произошло. Вокруг лежали люди, многие без сознания. Поднялась суета, приехали машины «скорой помощи», появились санитары с носилками. Я же в полном недо-

умении наблюдал за происходящим: на мне не было ни ссадины, ни царапины, ни ушиба.

Окончание фестиваля получилось грустным. Настроение было не праздничным, перед глазами так и стоял тот чистенький красивый — с пышной шапкой каштановых волос — паренек в нарядном костюмчике, что висел у меня на ногах. Спустя мгновение он лежал на асфальте с разбитой головой... Какая уж тут церемония закрытия. Человек предполагает — Бог располагает. Телевизора у нас не было, и как проходило закрытие, я так и не увидел.

«Плешка» у Большого театра доживала последние дни. Среди редеющей толпы я еще видел порой худую сутулую фигуру своего незнакомца. Но все было уже не то: обмен был хилый, да и милиция стала разгонять эти незаконные сборища. Загребли в отделение и меня, вызвали отца. Отчитали, правда, вполне беззлобно: «Фестиваль закончился, и нечего шляться без дела!» Отпустили с миром. Все снова погрузилось в серую скуку с хвастливой трескотней и бесконечными угрозами странам империализма, чьи дети еще несколько дней назад так радовали москвичей своими юными, открытыми лицами. Плохо верилось теперь в их реакционность и милитаризм. Приподнятый было «железный занавес» опустился. На этот раз надолго.

Поляка я больше не видел.

Прошли десятилетия. Все поменялось в нашей жизни. Когда-то неведомая для меня Польша стала почти своей. Появились близкие друзья в Варшаве. Среди них — личность вполне легендарная: польский Гаврош, мальчишкой участвовавший в Варшавском восстании (в отличие от прототипа, он собирал не патроны, а гранаты).

Любимая крестница стала полонисткой, говорит по-польски так же, как по-русски, и даже написала книгу о польском поэте Казимеже Бродзинском — наверное, и в самой Польше мало кому известном! Моя теща, добрая и простая русская женщина, так любила полонез Огинского «Прощание с родиной», что завещала похоронить себя под эту мелодию, что и было выполнено. Светлая ей память! Сейчас этот полонез часто можно слышать почему-то в московском метро от уличных музыкантов, и каждый раз набегают слезы от проникновенных аккордов.

Любовь к Польше и всему польскому доходила порой до абсурда: один мой приятель так свихнулся на прекрасных полячках, что выучил польский язык и по несколько раз в год ездил в Польшу, заведя там огромное количество знакомств. После каждой поездки восторгам не было конца. Но, как говорила мудрая Анна Ахматова, «нет ничего скучнее, чем слушать рассказ о чужом романе». Приятель-таки женился на польке, но — к счастью для нее — брак оказался недолгим.

Однако любовь приятеля к Польше объяснялась не только романтическими чувствами, но и вполне практическими причинами: вопреки пословице «курица не птица, Польша не заграница», Польша была для нас вожделенной заграницей, и польские товары прельщали своим несоветским видом и качеством. Польская косметика, одежда, бижутерия — все это привозилось в Москву и распродавалось по знакомым. Сами поляки не гнушались подобным промыслом: все тот же приятель ехал однажды в лифте столичной гостиницы со знаменитым польским актером, известным героем сериала-боевика, любимцем московских домохозяек и мальчишек. Наш друг смотрел на «звезду» с благоговением, как вдруг «герой» на ломаном русском языке предложил ему купить зонтик! Приятель струсил.

Сам я неоднократно проезжал по этой стране, утопающей в яблоневых и вишневых садах, которые пышно цветут в мае. Около каждой деревни меня встречал крест, украшенный цветами, или образ Девы Марии с

мерцающей в ночи лампадой — маленьким маяком добра и света бесчисленным путникам. Вдоль дорог на столбах я видел большие косматые гнезда с аистами. Однажды издали с удивлением наблюдал солидного господина в черном костюме и белой рубашке. Он важно и неспешно обходил по краю небольшое поле с какими-то посадками, вокруг был лес. Ходил долго. «Какой аккуратный и культурный народ, — думал я, — даже на сельские работы надевают костюмы. Вот она, Европа!» «Наверное, агроном!» — осенило меня. Когда джентльмен приблизился, я разглядел аиста!

Поляки оказались приветливыми и хлебосольными людьми. На первой же автозаправке или в мотеле радушные хозяйки до отвала накормят вас домашней едой. Варшавянки запомнились своими веселыми быстрыми глазами и необыкновенной женственностью.

Увидел я и возрожденную Варшаву, ее дворцы, замки, костелы, «Старе място» с добродушными извозчиками и сонными лошадьми. За прошедшие десятилетия отстроенные фасады домов обтерлись, облупились, потускнели, и только глаз очень вредного туриста уличит варшавян в «новоделе». Церкви, переполненные верующими, ухоженные кладбища и парки — все, о чем я когда-то слышал от моего незнакомца, довелось мне увидеть собственными глазами.

В Варшаве было мне «одно виденье, непостижное уму»: проезжая город — уже на выезде — и глядя в окно автобуса, я встретился взглядом с девушкой-подростком, сидящей в инвалидной коляске, которую толкала, видимо, ее мама. Девушка весело смеялась и приветливо махала рукой. Вокруг никого не было. Через минуту скрылся город и исчезла широкая улыбка девушки, которую я помню и сейчас.

Спустя две недели я возвращался обратно и опять ехал через Варшаву. Провел в ней день и к вечеру покидал полюбившийся город. На окраине, выезжая из него, последнее, что я видел, опять была девушка в инвалидной коляске, которую быстро везла пожилая женщина. Девушка была хороша собой, с тонкими благородными чертами лица; ее «долгие» темные волосы развевались волнами по ветру. Вся она была устремлена куда-то вперед, смотрела печально и напряженно. Вокруг опять не было ни души. Сцена повторилась с точностью до мелочей. Что это было? Простое совпадение? Вряд ли. Я в них не верю. Символ Варшавы, Сирена, — странная девушка без ног, с рыбьим хвостом и мечом в руке. Мне кажется, это она приветливо поздоровалась и грустно попрощалась со мной.

Каждой стране, в которой пришлось побывать, я мысленно давал определение: Германия — ладно скроенная и крепко сшитая; Франция — прекрасная; Италия — чудная; Чехия — ласковая и добрая. А Польша? Милая — другого слова не подберешь. Много там нашего несуразного славянского, а потому понятного и близкого. С Польши начинаем мы прикасаться к «священным камням Европы». И потому каждый раз, переезжая по мосту Вислу, я радуюсь встрече. А первое доброе чувство к этой стране заронил в те далекие 50-е годы один поляк.

...Плоская затертая кепка, утиный нос, худое скуластое лицо, а в глазах — Эдем, Земля Обетованная, Блаженная страна — Польша. Увидел ли он ее?

***Москва**, 2004*

***Алексей Хетагуров** родился в Москве в 1940 году. В 1968-м окончил истфак МГУ. Последние 30 лет работает в Государственном Историческом музее реставратором икон. Занимается исследованием иконописи, публикует статьи. Художник-пейзажист, участник персональных и коллективных художественных выставок. Многие работы находятся в частных коллекциях в разных странах мира, в том числе и в Польше. Подробности см. на сайте: www.khetagurov.narod.ru*

Адам Ротфельд

ТО, ЧТО ПОМНЮ

Отрывки из воспоминаний

До войны Ротфельдов в Польше было много. Сегодня — и уже много лет — я, пожалуй, единственный в Польше с этой фамилией.

Из самого раннего детства помню мало: дом в Перемышлянах, в Подолье, — с верандой, куда вела дверь, застекленная толстым шлифованным стеклом (это я помню, потому что однажды летом сумел самостоятельно зажечь бумагу, долго держа ее в том месте, где сходились солнечные лучи, пропущенные через это стекло...). Дом был просторный — с улицы выше, а со стороны двора и сада — ниже (это я помню, так как однажды меня в наказание выгнали из дому и я ударил кулаком в окно со стороны двора — значит, оно было очень низким, так как мне тогда едва исполнилось два года).

Во дворе был погребок с маленькой крышей до земли, вглубь вела лестница — там хранили овощи, главным образом картошку, капусту, свеклу (это я помню, потому что, разбив окно, в наказание попал в этот погреб — ненадолго, ибо орал изо всей мочи). В глубине, в саду, был дом деда и бабушки — трехэтажный с фасада и двухэтажный сзади, построенный с использованием сильного перепада уровней (это я помню, потому что во время первой облавы — мне тогда было немногим больше трех лет — рано утром, еще до восхода солнца, бежал со всей большой семьей, чтобы укрыться у них в доме; вход в тайник был под большим железным листом, лежавшим возле большой кухонной печи: железо защищало пол от выпадавших углей).

Тогда, в холодном предутреннем сумраке — еще только начало светать, — у меня на глазах впервые убили человека. Это была наша старая тетка, которая шла прямо за мной и не успела свернуть на лестницу, куда я и остальная семья уже вошли. Поэтому нас не было видно с улицы, откуда немецкие и украинские полицейские стреляли по людям, как по уткам на охоте. Дом, где мы спрятались, был от улицы не дальше полутораста метров. Но никто из полицейских не потрудился подойти ближе к нашей убегавшей группе. Выстрелили, убили и пошли дальше. В этот день я повзрослел.

Через несколько часов «охотники» вернулись. Обыскивали все дома. Вошли и в кухню. Простукивали пол большими металлическими прутьями. Помню, все мы затаили дыхание. Я слышал их шаги, отзвуки стука, разговоры. Видно, тайник был хорошо подготовлен. Мы вышли на следующий день под вечер. Некоторое время — это было поздним летом или осенью 1941-го — наша жизнь шла нормально.

Отец до войны был адвокатом. Фасад здания, где помещалась его канцелярия, был украшен колоннами. Советская власть передала этот псевдодворец музыкальной школе.

Родные у нас были во Львове, Ровно, Брежанах, Глинянах и Варшаве. Один брат отца, Вильгельм, был депутатом Сейма от Ровно; он погиб в Освенциме; Адольф был директором гимназии в Варшаве — тоже погиб; а Юзеф, врач в Брежанах, по счастью умер до начала войны.

Я впервые увидел копию своей метрики в 1970 г., когда перед женитьбой собирал документы, требуемые в загсе. И не только оказалось, что в Архиве забужских актов в Варшаве находятся книги записей актов гражданского состояния из-за Буга, но и нужный мне документ я получил в течение нескольких минут. Кому-то это может показаться удивительным, но я был и вправду взволнован. Впервые в жизни я узнал девичью фамилию матери. Получил и достоверное подтверждение всех других личных данных: места и даты рождения, имен родителей.

Отличалась только моя фамилия, точнее ее орфография. Это был результат предшествующего перевода документов — которые я по необходимости получал при многочисленных сменах места жительства — с украинского или русского языка. В этих языках, как известно, нет немого «h», фамилии транскрибируются фонетически. В результате обратного перевода оригинальное польское написание фамилии моего отца — Rothfeld — превратилось в Rotfeld. В январе 1970 г. все мои основные документы (удостоверение личности, аттестат зрелости, диплом и кандидатское свидетельство) были выданы на фамилию без «h». Так уже и осталось.

Это было поздней осенью, вероятнее всего в начале декабря 1941 года. Власти ордена студитов — это греко-католическая часть ордена василиан, адвокатом которого был мой отец до войны, — предложили ради спасения жизни перевезти детей школьного возраста из нашей семьи в монастырь в Униове. Это прикарпатская деревня, расположенная в прекрасном месте, в семи километрах от Перемышлян. Нескольких мальчиков постарше меня отправили в Униов, откуда они вернулись через неделю. Сегодня я думаю, что детям из зажиточной семьи было трудно смириться с суровыми условиями монастырской жизни. Монах, который привез мальчиков, перед тем как проститься, уже стоя в дверях, сказал моему отцу (этот момент я помню точно, потому что многократно мыслями возвращался к нему): «Пан доктор, а может, вы отдадите своего сына под нашу опеку?» Мне тогда было три с половиной года. Я обнаружил, что все смотрят на меня выжидающе. Я встал. Вдруг вся семья всполошилась и принялась одевать меня, обнимать, целовать. Меня вывели во двор, где ждала запряженная телега. Это был последний раз, когда я видел своих родителей.

Их судьба была такой же трагической, как и судьба миллионов невинных людей, погибавших в то время от рук немцев и украинцев. Вскоре после моего отъезда в Перемышлянах создали гетто, куда свозили людей со всей округи. По сведениям, которые дошли до меня через много лет, события развивались следующим образом.

Мой отец очень быстро потерял всякие иллюзии, понял, что судьба жителей гетто решена, и принял решение бежать в лес. То же самое он предложил другим, и 150 семей из Перемышлян и окрестностей предприняли попытку выжить в землянках, в лесу. Продукты покупали у крестьян.

Зимой 1942-го, на рождественские святки, директор одной сельской школы предложил моим родителям на время остаться у него в амбаре. Кто-то заметил, что учитель носит в амбар еду, и донес украинской полиции — родителей арестовали и перевезли в Перемышляны. Там их казнили. Моя сестра, на 11 лет старше меня, одна из всей семьи дожила в лесу до конца войны. В качестве единственного платья она носила ночную рубашку. Когда пришла Красная армия, 16-летняя сестра начала работать на спиртозаводе в Перемышлянах. Школу кончала заочно — до войны она кончила только начальную школу. Потом получила профессию химика. Она не была человеком практичным, но мужественно противостояла превратностям судьбы. У нее было теплое, доверчивое отношение к людям и миру. Все, что ей удалось найти из нескольких домов нашей семьи, ограбленных соседями-украинцами, — сувенирный кубок, одну тарелку и альбом со случайной подборкой семейных фотографий одного из наших дядьев. Так ко мне в руки — среди многочисленных снимков неизвестных людей — попали два драгоценных отпечатка: фотографии моих родителей.

Когда я попал в монастырь, меня звали Адась, хотя новорожденному, как свидетельствует запись в метрике, мне дали двойное имя: Адам Даниэль. Родители звали меня Адась. Пробыв год в монастыре, я был крещен. Монаха, который опекал детей в сиротском приюте, звали Даниэль. Думаю, поэтому меня крестили моим вторым именем. С тех пор в школе, дома и с товарищами я пользовался именем Даниэль. По этим причинам, назовем их историческими, у меня формально двойное имя — так я решил, хотя, в общем-то, считаю это претенциозным. Ну хватит об имени. Несколько сложнее было дело с фамилией. В монастыре я скрывался под вымышленной фамилией, в переводе на польский язык связанную с моей настоящей, — Червинский. Я пользовался этой фамилией в школе, пока сестра не сказала мне — через несколько лет после войны — мою настоящую фамилию. Я не колебался долго и решил, что следует к этой фамилии вернуться.

В монастырском сиротском приюте были разные дети — главным образом украинцы, один поляк. Три мальчика были из еврейских семей. Они попали туда по решению митрополита Украинской Греко-Католической Церкви Андрея Шептицкого, который призвал все подчиненные ему монастыри скрывать еврейских детей среди украинских и польских сирот. В результате около 150 девочек и мальчиков были спасены в женских и мужских монастырях. Игуменом, а потом архимандритом ордена студитов был Климентий Шептицкий, брат митрополита. Он был моим духовником. Человек великого сердца и разума. Помню такое событие. Я — ввиду обстоятельств — был не по возрасту серьезным и глубоко верующим. Принимал тогда как очевидность, что ничто не происходит без воли Господа Бога. Из уроков Закона Божия я знал, что без воли Божией и волос у человека с головы не упадет. И не мог смириться, попросту не понимал, как это Бог позволяет твориться тому, что я видел собственными глазами: массовым казням, убийствам, зверству, повсеместному преследованию невинных людей, с которыми обращались хуже, чем со зверями. Я хотел получить прямое знамение от Бога — сигнал, какое-то мне лично адресованное доказательство того, что Бог обо всем знает и вознаградит невинных за их страдания, а виновников покарает. Однажды ночью я выскользнул из общей спальни, когда другие дети уже уснули. Пошел в церковь, стоявшую посреди монастырского двора. В темноте подошел к алтарю, открыл дверцы дарохранительницы и... потерял сознание. В себя я пришел через два дня. Архимандрит Климентий исповедовал меня, когда я еще лежал в постели, и сказал: «Больше такого не делай. Да бережет тебя Бог».

Летом 1944 г. советская армия — после боев с немцами и бандеровцами — заняла территорию нынешней Западной Украины. В ноябре умер митрополит Андрей Шептицкий. Помню всенощное бдение, отпевание и многодневный траур. Вскоре после этого власти арестовали архимандрита Климентия.

Долгое время я раз в две недели носил в тюрьму передачи, которые готовили монахини из монастыря в Якторове. Топленое масло, мед, орехи, сухофрукты. Однажды мне сказали, что архимандрита перевели в другую тюрьму. Все считали, и я тоже, что это вранье, что Климентий Шептицкий был убит или умер в тюрьме. В 90-е гг., когда я был директором Международного института исследований по сохранению мира в Стокгольме (SIPRI), уже после распада Советского Союза, в связи с поисками следов и известий о судьбе Рауля Валленберга, которые вели шведы, я узнал, что Климентий Шептицкий сидел вместе с Валленбергом. Умер в начале 50-х во Владимирской тюрьме.

Через некоторое время я почувствовал себя в монастыре в безопасности. Я знал, что никто не обязан узнавать никакой правды обо мне, особенно от меня самого. Я должен был забыть о своем прошлом — и забыл. Единственным существом, с которым я делился своими мыслями, был конь — точнее, кобыла. Мне ее выделили, так как я стал пастухом. Под моей опекой было 13 коров, 30 овец с колокольчиками на шее и эта самая кобыла, которая относилась ко мне покровительственно.

От пребывания в монастыре у меня осталась одна фотография. Она была сделана летом 1943-го — мне на ней пять лет. На снимке все дети и монах, который нами занимался. Я тут принадлежу уже к «среднему» поколению: на земле сидят совершенные крохи, двух-трехлетние, стоят средние (и я в том числе), а в последнем ряду старшие — мальчики 12-13 лет. К этой группе принадлежал Левко Хаминский. Мы встретились в Ньюпорте (штат Род-Айленд), куда меня пригласил Военно-морской колледж. Это было летом 1994 года. Там-то я встретил видного американского кардиохирурга Леона Хамейдеса, врача из клиники детской кардиохирургии, находящейся в близлежащем Уэст-Хартфорде. Это и был Левко Хаминский из Униова. После войны его разыскала и усыновила женщина, потерявшая во время войны всю свою семью. Она усыновила обоих братьев Хамейдесов, которых вырастила в Великобритании, а оттуда они уехали в США.

Леон подарил мне вышедшую в Канаде книгу о митрополите Андрее Шептицком. Там есть репродукция той моей единственной монастырской фотографии, с описанием меня и объяснением, что фамилия и местопребывание этого мальчика в настоящее время неизвестны.

В 1946 г. монастырь закрыли. Детей из приюта в Униове в 1947 г. на телегах перевезли в детдом в Злочове. Через несколько дней я решил бежать. Мне было тогда девять лет. Уговорил еще двоих ребят. За два дня мы прошли путь длиной около 60 километров — без ботинок, в войлочных тапочках (по две пары мы взяли про запас).

В Униове монахи — уже не в рясах, а в простой крестьянской одежде — продолжали вести хозяйство. Они встретили нас очень сердечно. Через некоторое время советская власть перестала терпеть такие двусмысленные обстоятельства. Монахов убрали, некоторых арестовали, а в монастыре устроили больницу для психически и нервнобольных старух.

В Польшу я приехал поездом в мае 1951 года. По инициативе польского правительства в конце 1940-х были предприняты розыски пропавших польских детей. Это были главным образом сироты времен войны, которые не по своей воле остались на «необъятных просторах» советского государства. В рамках этих розысков в Польшу вернулись больше трех тысяч детей, в том числе и я (может быть, я был даже одним из первых, кому предложили вернуться). По пути у нас были разные сборные пункты, на которых нас готовили, как мы должны рассказывать в «заграничной» Польше о советской «родине».

Последней остановкой перед Польшей было Гродно. Там нас умыли, одели, обули, накормили. Мы получили приданое: типичные советские сундучки, полотенца, белье и, хотя уже был май, тяжелые зимние пальто. Все новое, с иголочки, что меня совершенно поразило. До тех пор — если не говорить о первых трех годах с родителями — я почти никогда не носил ничего нового. В Гродно старыми были только лозунги. Повсюду: в столовых, спальнях и на вокзале — висел транспарант, который я помню по сей день: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

В поезде я оказался в одном купе с представителем польских властей. Это был тогдашний директор отдела опеки над детьми министерства просвещения Францишек Павула. Я забыл бы и эту фамилию, и, тем более, должность, если бы у меня не сохранилось письмо, которое директор Павула посылал всем семьям, ожидающим польских детей, возвращавшихся с Украины, из Средней Азии и Сибири. Люди, которые добивались у польских властей моего возвращения, не были мне родственниками. Они знали моих родителей, предполагали, что я мог пережить войну, и задали себе труд писать письма, заявления и прошения. Это еще один пример той бескорыстной доброты, которая поддерживает мою веру в людей.

Мы ехали через всю Польшу, с востока на запад, пока не доехали до Душник-Здруя. Городок выглядел как из сказки: чистый, аккуратный, весь в цветах, даже цветочные часы на бесчисленных клумбах показывали правильное время. Я был в восторге. У меня не было сомнений, что я правильно решил вернуться.

Туда приходили каждую неделю новые эшелоны с детьми, которых размещали в трех государственных детдомах со звучными, хотя и не слишком оригинальными названиями: «Одра», «Ниса», «Балтика». Родителей или родственников извещали письмом, которое начиналось словами: «Министерство просвещения сообщает вам, что благодаря благожелательному отношению правительства СССР и в результате усилий посольства ПНР в Москве разыскан и репатриирован в Польшу ...» (дальше шли имя и фамилия, дата и место рождения и приглашение приехать и забрать детей). Там происходили душераздирающие сцены. Родители приезжали и не узнавали своих детей, потому что иногда не виделись больше десяти лет.

В конце июля оказалось, что из трех с лишним тысяч репатриированных все дети нашли своих родных, кроме четверых — это были Адам Сейнфельд, спасенный и воспитанный в католической семье в Дрогобыче; брат и сестра Литвины, могучий брат с маленькой сестренкой, и я. Всю нашу четверку снова погрузили в поезд. На этот раз конечной станцией был Краков. С вокзала нас привезли в детдом №2 на Августианской Боковой улице, дом 1. В моей жизни начиналась новая важная глава.

В краковском детдоме было около ста сирот времен войны, часто переживших оккупацию в невероятно тяжелых условиях: некоторые три-четыре года просидели взаперти в шкафу; других держали в тайнике или в хлеву, и наружу они могли выходить только поздно ночью и ненадолго; третьи прожили войну в лесах, в землянках или других укрытиях. Были и дети, вывезенные в 1939-1941 гг. в Среднюю Азию, главным образом в Узбекистан. И потом «благодаря благожелательному отношению правительства СССР» вернулись в Польшу одни: от их родителей, отправленных в лагеря, и следа не осталось — умерли или были расстреляны.

Пробыв в детдоме несколько недель, я решил, что по сравнению с тем, что я испытал до тех пор, здесь неплохо. У меня есть возможность кончить школу, а там посмотрим. Директором детдома была Евгения Гостынская, филолог по образованию, педагог по случайности. С моей точки зрения ее достоинством было то, что она полюбила меня с первого дня. Настолько, что даже хотела усыновить. Кончилось тем, что она стала моим законным опекуном. В 60-е гг. вместе с мужем и двумя детьми она эмигрировала во Францию.

Вскоре решено было соединить два детдома, где держали сирот времен войны. Дети из Сьрудборова под Варшавой и мы оказались в одном доме. Тамошний директор с детьми и целым майданом приехал в Краков. У него были амбиции стать польским Макаренко. Как известно, «Педагогическая поэма» Макаренко была основана на опыте детской колонии НКВД, где отбывали срок малолетние преступники. Наш новый директор не пошел так далеко, но рвался воспитывать трудом, главным образом физическим, в особенности же работой в деревне.

Пятидесятые годы были тяжкими с любой точки зрения. Печать была полна призывов к бдительности, одна кампания травли догоняла другую. Смерть Сталина не изменила грозовой атмосферы. Кто-нибудь может подумать, что все происходило на таком высоком уровне и так далеко от жизни обычных людей, а уж особенно детей в школах и детдомах, что эту кошмарную действительность можно попросту игнорировать. Это не совсем верно.

Я тогда ходил вместе с несколькими товарищами из детдома в V общеобразовательный лицей им. А.Витковского на улице св. Анны (тогда на отрезке, где была школа, она была переименована в улицу генерала Сверчевского — сейчас это Студенческая). Это был лицей с физико-математическим уклоном, что не доставляло мне особого удовольствия и не облегчало жизни. С тем большим пылом занимался я школьным самоуправлением и вскоре стал его председателем. В этом качестве меня послали участвовать в районной конференции Союза польской молодежи, на выборы райкома. Это было, кажется, в марте 1950 года. Конференция продолжалась всю субботу до позднего вечера. Ожидая подсчета голосов, мы рассказывали друг дружке разные анекдоты. Вдруг

наступило какое-то смятение. Всех срочно позвали в зал. Председатель с трибуны сообщил, что среди нас таится враг, которому хватило наглости и смелости, чтобы на нашей конференции сеять враждебные слухи и, хуже того, распространять антисоветскую и антисемитскую пропаганду.

Мне, как и всем, было любопытно, как это выглядит враг. К моему полному изумлению, слышу, что этот чуждый элемент, который «пропагандирует враждебные анекдотики, очерняющие нашу партию и правительство, а также вождей партии в Советском Союзе», — это наш товарищ Даниэль Ротфельд. Я онемел. В полуобморочном состоянии гляжу, как по очереди встают молодые люди с разных предприятий и не только осуждают мое «недостойное» поведение, «чуждые польскому народу» взгляды, но еще хуже — разоблачают меня как главаря хулиганских групп и организатора драк у кинотеатра «Ванда». Я был в чрезвычайном порядке исключен из СПМ и других организаций, вплоть до туристско-краеведческого общества. Сохранилось несколько выцветших листков со свидетельствами моей преступной деятельности в 1954 году.

Но сохранилось и нечто гораздо более важное для меня: свидетельства стихийной солидарности моих одноклассников и директора лицея Станислава Поточека. Мой класс неумело, с ошибками выстукал на пишущей машинке заявление в президиум горкома СПМ с просьбой в срочном порядке «пересмотреть и отменить решение районной конференции». Полтора десятка подписей под этой петицией ценней для меня, чем все позднейшие дипломы и награды. Эти мои одноклассники, с которыми я не слишком тесно общался (у меня был переизбыток общения в детдоме), были попросту порядочными людьми.

В результате объединенных усилий класса и директора мне смягчили наказание — дали строгий выговор с занесением в личное дело (и с полным описанием моих преступлений). Школа, как я сейчас понимаю, не согласилась и с этим решением. В 1955 г. меня единственного выбрали делегатом на V Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Варшаве. При поступлении в институт удостоверение участника фестиваля значило, пожалуй, не меньше, чем хорошо сданные экзамены.

Кончался еще один важный этап моей жизни. К счастью, началась «оттепель». Режим постепенно цивилизовался. Польский Октябрь 56-го привел, в частности, к роспуску СПМ. С тех пор я избегал втягиваться в политическую и идеологическую деятельность. Хотя, как я со временем констатировал, службы, устроившие краковский инцидент, не перестали интересоваться моей особой и на следующем этапе моей жизни.

Сначала я давал выход своей энергии в Союзе польских студентов, а потом в создании и деятельности Студенческого объединения друзей ООН. В этой деятельности я нашел немалое удовлетворение. Однако только я так или иначе «высовывался» за рамки стандартов, установленных теми, кого называли «серыми, но верными», как платил за это высокую цену: это были многократные запреты выезда за границу, продолжавшиеся по 5-7 лет, унизительные придирки, понижение в должности, наконец — увольнение с работы.

И все-таки всегда оказывалось, что вокруг меня невероятно много людей бескорыстно добрых. Зачастую это были случайные знакомые или вовсе незнакомые. И если мне чего-то в жизни удалось достичь, то думаю, что им я обязан куда больше, чем себе самому.

POLITYKA

Адам Даниэль Ротфельд *— министр иностранных дел Польской Республики. Родился 4 марта 1938 г. в Перемышлянах. Окончил консульско-дипломатический факультет Главной школы заграничной службы в Варшаве, кандидатскую диссертацию защитил на юридическом факультете Ягеллонского университета (1969), докторскую — в Польском институте международных вопросов (1990), где работал с 1968 года; звание профессора получил в 2001 году. В 70-80-е — член польской делегации на конференциях и встречах ОБСЕ. В 1991-2001 — директор Международного института исследований по сохранению мира в Стокгольме. С ноября 2001 — в МИДе.*

Витольд Михаловский

НАПРАВЛЕНИЕ — АМУР

Это был, должно быть, небольшой домик возле старого еврейского кладбища в Мендзыжеце-Подлясском. Чуть в стороне от города. Напротив католического кладбища. Прямо у шоссе, ведущего к границе. За массивной деревянной калиткой, устроенной в каменных воротах, сквозь густую стену деревьев и кустов виднеются покосившиеся в разные стороны каменные надгробья. Некоторые из них кто-то привел в порядок и расставил вдоль ограды. Незнакомый экзотический шрифт. Изображения семисвечников, львов. Прямо напротив входа таблица с надписью на двух языках, увековечивающей память каких-то Филькенштейнов из Балтимора. Они финансировали здесь работы по уборке территории.

Сторож о семье М. слышал. Они жили недалеко отсюда. Там, где теперь находится магазин, торгующий венками, лентами и лампадками на могилы. В конце войны в их доме размещался полевой госпиталь. Большинство солдат так и остались здесь. Их похоронили в неглубоких братских могилах. Засыпанных известью. Впоследствии останки выкопали и перезахоронили на рыночной площади под памятником с красной звездой.

Семья М. отличалась патриотизмом. Оба сына ушли в партизаны. Оба носили на груди ладанки. Оба погибли во время одной из первых облав, устроенных «народной властью» на «лесные банды». Жена старшего брата была в положении. Ей боялись сказать, что она стала вдовой. Она ухаживала за ранеными. Особенно за одним, на которого врач уже махнул рукой. У него были прострелены оба легких. Он бредил. Плохо говорил по-русски. Был очень молод. Даже борода еще не росла. По ночам он плакал. Почти как ребенок. Такой, какого она вынашивала. Маленький мальчик с круглым лицом и чуть раскосыми глазами. Он был откуда-то из очень далекого далека. Она лечила его медом и молоком. И он выжил. Когда он уезжал, она отдала ему самое дорогое, что у нее было. Статуэтку Божьей Матери в голубом плаще. Статуэтка была куплена во время храмового праздника. И освящена. Больше они никогда не встретились. Ребенка она потеряла при родах. Солдат вернулся в родные края. Он жил в столице Республики Алтай. Сделал партийную карьеру. Когда уходил на пенсию, то стоящий на письменном столе бюст Ленина оставил преемнику. С собой взял только статуэтку в нежно-голубом плаще. Он никогда с ней не расставался. И не раз повторял, что она всю жизнь ему покровительствовала. Его народ выжил, вынес годы террора и сохранил веру в Бурхана, то есть Будду.

После непродолжительной таможенной процедуры мы пересекаем границу в Тересполе. Опрятные улицы Бреста, кругом порядок. Люди прилично одеты, улыбающиеся лица. Неплохая для блочного строительства архитектура. Белорусы гордятся тем, что в 1941 г. защитники Брестской крепости сражались так долго. Им поставлен памятник. О том, что преобладающее большинство этих защитников составляли выходцы с Северного Кавказа, местные жители не знают, но нашедшие в этом городе убежище чеченские семьи были приняты чрезвычайно гостеприимно. Одна из важнейших городских артерий носит название... 17 сентября 1939 года [день «освобождения Западной Белоруссии», то есть нападения на Польшу].

За день до этой даты Красная Армия заключила перемирие с японцами. На монгольско-китайской границе, на берегу реки Халхин-Гол, открыт музей, увековечивающий память о тех кровавых сражениях.

Ночью мы сворачиваем с шоссе и проезжаем несколько километров в сторону. Сыплет мелкий, замерзающий на лету дождик. Грязная автостоянка с валяющимися на проезжей части пустыми бутылками. В автобусе с польскими номерами спят люди. У одного из них не хватило сил забраться в автобус. Он так и остался на газоне. Заспанный и явно очень уставший мужчина на ломаном польском языке что-то невнятно толкует о необходимости заплатить некий гонорар, ибо он, дескать, как бывший полковник работает здесь на общественных началах. Он готов, несмотря на глубокую ночь, включить освещение и открыть шлагбаум. Засыпанная щебенкой дорожка бежит вниз. Невидимая каменная ступенька чуть не лишает равновесия. Проходим еще десяток-другой метров, идем вдоль длинной стены, покрытой каменными таблицами, частично уже не поддающимися прочтению, небрежно выполненными, буквы на них почти стерлись.

Вот это колокол! Какой большой, и подвешен очень низко. Кто-то, вероятно, собирался его откопать или закопать. Все это вместе производит впечатление «левой» работы какого-нибудь провинциального специалиста, мастерящего праздничные декорации к 1 Мая. Ведь когда-то отмечали такой праздник. Этот подземный колокол! Может, с его помощью отпугивают кротов? А ведь это должно было быть святое место, увековечение памяти о национальном мученичестве.

Да, как разительно это отличается от работы тех лауреатов Ленинской премии, чей монумент увековечил память о жителях глухой деревушки Хатынь, уничтоженных во время войны. Над лесной поляной возвышается там величественно-суровая, натуралистически выполненная фигура босого старика, который держит на вытянутых руках тело мертвого ребенка. Вокруг — пепелища крестьянских изб. Одиноко торчащие печные трубы устремлены в небо и увенчаны маленькими звонницами. Колокола приводит в движение механизм, одновременно включающий жутковатую фиолетовую подсветку. Можно, конечно, рассуждать о целесообразности художественного образа. Но одна цель здесь наверняка достигнута. В области политической пропаганды. Посещение Хатыни забыть невозможно. Ежегодно туда приезжают десятки тысяч экскурсионных групп. А о Катыни в России мало кто слышал. Во многих публикациях вину за это преступление до сих пор возлагают на немцев.

Московская кольцевая дорога — прекрасное изобретение. И поражает даже не количество проезжающих по ней автомобилей, а скорее тот бросающийся в глаза факт, что невероятно большую долю среди них составляют машины самых дорогих марок. Ценой от нескольких десятков тысяч долларов и выше. Превосходное широкое шоссе, ведущее на восток, города обходит стороной. Впечатляет, с каким почтением относятся водители к представителям дорожной милиции. Подъезжая к очередному посту — а они расположены километрах в 40-50 друг от друга, — все водители сбрасывают скорость и с напряженным вниманием следят за жезлом дежурного гаишника. Его малейшее, почти незаметное движение означает, что надо остановиться. Проверяют документы на машину, на груз, документы водителя и пассажиров.

Монголы, внедряя свою цивилизацию на Руси, принесли на эти земли не только военное ноухау, свод законов, целостную административную и налоговую систему, при которой налоги собирались даже с количества кур и за ношение шелкового белья, — они же ввели почту. Станции этой почты располагались на таком расстоянии, которое конь может преодолеть полевым галопом. Гонцов пересаживали на свежего рысака на скаку. Вести о событиях, происходивших на европейских полях сражений, доходили до главного штаба Чингисхана, расположенного в степях над рекой Керулен, в течение недели. Традиция постов ГАИ уходит вглубь истории на семь с лишним веков.

Добраться до казанского Кремля нелегко. Прежде приходится пробираться через центр некрасивого и мрачного города, еще не до конца сбросившего с себя печать советской эпохи. Иностранные номерные знаки вызывают любопытство. Лишь бы только не изъявили желания сопровождать нас в дальнейшем пути. А такие случаи бывали.

Обращают на себя внимание многочисленные мечети, недавно отреставрированные, а также роскошный, как из восточной сказки, двухэтажный дом купца Ибрагима Апакова на улице Тукая — пода-

рок к свадьбе дочери, которая вышла замуж за сына легендарного имама Шамиля. Того самого, которого чеченцы считают образцом патриотизма. Одну из мечетей построили в 1924-1926 гг. к 1000-летию принятия ислама на Среднем Поволжье. Большевики, уничтожая православное духовенство и превращая христианские святыни в лучшем случае в музеи атеизма, долгое время совершенно иначе относились к исламу.

Мусульманское население, насчитывающее почти 30 миллионов человек, отличается невероятной демографической динамичностью. Чеченский политик Яндарбиев считал, что империя может избежать развала, если зеленое знамя Пророка будет реять над Москвой, а ведь византийская империя почти на тысячелетие продлила свое существование, приняв христианство. Яндарбиева ликвидировали в Катаре. Покушение было делом рук российских спецслужб. Верность предсказания проверяется ходом событий.

Кремль в Казани начали возводить еще в XVI веке на месте прежней древней крепости хана Кучума. Если смотреть с противоположного берега Волги, то над его панорамой в последнее время доминируют четыре минарета и покрытый сверкающей ляпис-лазурью купол мечети имама Кул Шарифа. Архитекторов «Татинвестгражданпроекта» явно вдохновил Тадж-Махал. Строительство мечети началось в 1996 году. Завершилось оно совсем недавно. Слова распеваемой хором Александрова песни «Волга, Волга, мать родная, Волга, русская река» [здесь и далее курсивом — по-русски в тексте] в Казани воспринимаются не самым лучшим образом. Бассейн этой великой, впадающей в Каспийское море реки был колыбелью многих народов. Восточные славяне составляют среди них явное меньшинство. Я сомневаюсь, что мы испытывали бы восторг, если бы кто-нибудь в нашем присутствии пел об исконно немецких Одере и Варте.

Среди многочисленных врагов России двоим цари воздали честь совершенно особым образом. В 1560 г. по приказу Ивана Грозного на Красной площади был возведен храм Василия Блаженного. Десять его сверкающих всеми цветами куполов должны были напоминать о десяти сторожевых башнях резиденции хана в Казани. Взятие этих башен в 1552 г. и победа над ханом, называвшим себя потомком великого Чингисхана, окончательно подвели черту под господством татаро-монголов над Русью. Перед храмом стоит самый старый московский памятник. Изображены купец Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский, возглавившие ополчение против засевших в Кремле войск гетмана Госевского в 1612 году. Дата, которой отмечается окончательное избавление от поляков, недавно утверждена постановлением Думы в качестве государственного праздника.

Граница между Европой и Азией всегда была условной. Она проходит вдоль уральского водораздела до Кумо-Манычской впадины, далее по западному берегу Каспийского моря до долины реки Куры в Закавказье и по ее течению поворачивает на запад или несколько ранее проходит по главному хребту Кавказа. На обочине шоссе рядом со старым невысоким обелиском стоит невзрачное, довольно скверное кафе с паршивым котом, путающимся под ногами. Здесь начинается Азия и заканчивается Европа.

Гостиница «Россия» в Уфе гарантирует полное обслуживание с возможностью пользоваться бассейном и сауной всего за 1400 рублей в сутки (меньше 50 долларов). Можно также без проблем снять двухкомнатную квартиру в красивом, современной постройки квартале за половину этой суммы. В центре квартала — храм мормонов, построенный на деньги единоверцев из-за океана. Они помогают верующим финансами. Город красиво раскинулся на холмах. В старом районе Сипайлово сохранилось немало все еще заселенных деревянных домов, чье великолепие миновало уже много десятилетий тому назад. На мраморной доске, укрепленной на старом кирпичном доме, — фамилии Георгия Димитрова, Клемента Готвальда, Отто Куусинена, Вильгельма Пика, Пальмиро Тольятти и Мориса Тореза, деятелей Коминтерна, заседавших в этом доме в годы II Мировой войны. Вдали от фронта, на Урале, они были в безопасности.

Современные торговые павильоны окружают стенды выставки сварочного оборудования. В этом городе находится крупнейшая и самая знаменитая на всей территории прежнего Советского Союза школа сварщиков. Недавно она отмечала 50-летие своего существования. Школа подготовила почти 60 тысяч сварщиков. Ежегодно они использовали до 1000 тонн труб и 300 тонн электродов. Выпускники этой школы работали на всех «великих стройках коммунизма». Они сварили в целом более двухсот тысяч километров трубопроводов. Акционерному обществу «Свартекс», созданному на базе

этой школы, предстоит справиться с новой задачей. Его сварщики будут работать на строительстве планируемой магистрали для транзита нефти к нефтяному пирсу в Мурманске. Там море не замерзает. Этот нефтепровод составит серьезную конкуренцию проходящему через Польшу трубопроводу «Дружба». Зампреда правления АО зовут Виктор Александрович Зайонц. Наш язык он понимает. Работал вместе с поляками на сооружении Оренбургского газопровода.

К сожалению, не удалось встретиться с Эрнстом Мулдашевым. Он уехал куда-то за рубеж представлять свою новую книгу «От кого мы произошли». Тираж первого тома составил 100 тысяч экземпляров. Остальные также бьют рекорды по популярности. Автор — известный во всем мире профессор-офтальмолог, обладающий значительным научным багажом. Он провел большое количество операций, возвратив людям зрение. Вместе с несколькими ближайшими друзьями, в числе которых, что любопытно, есть военные редких специальностей, Мулдашев совершил паломничество вокруг оси мира — священной горы Кайлас в Тибете. Его книга об этом снабжена большим количеством фотографий и рисунков. Главная идея состоит в том, что 108 пирамидальных объектов, которые он идентифицировал (таково же количество священных книг Канджура), созданы якобы какой-то древней цивилизацией, а для их возведения были использованы гигантские лазеры. Несмотря на то, что Мулдашев не отличается литературным талантом, подобным таланту Антония Оссендовского, читателей у него становится все больше.

За Курганом следовало взять несколько севернее, в сторону Тюмени и Ишима, чтобы миновать Петропавловск, ибо это уже территория Казахстана. Транзитники должны дважды пройти таможню. А, как известно, у казахстанских таможенников зарплата чрезвычайно маленькая.

Перед Омском — краткая остановка в элегантной, недавно построенной из клинкерного кирпича небольшой придорожной гостинице. Симпатично и уютно. Кухня предлагает бессмертные пельмени, впрочем, изумительные по вкусу, и не менее вкусную солянку. На боковой стенке зала фаянсовый умывальник с горячей водой. Туалет в европейском стиле. С дезодорантом. Возле здания, в клетке, — два маленьких медвежонка, рядом свалка какого-то металлолома. Несколько дальше яма для отбросов. Здесь царствуют крысы. Ленивые, упитанные. Маленькой собачке они отгрызли переднюю лапу. Теперь она бегает на трех.

Автофургон с польскими номерами заправляется бензином. Привез мебель в Новосибирск. Водитель родом из Отвоцка. Оказалось, у нас есть общие знакомые.

Среди ночи пересекаем Обь. Между этой рекой и Енисеем лежит прародина кельтов — кетов. В истории Европы их называли также галлами, в Малой Азии — галатами. С галатами вел переписку апостол Павел.

Главным кельтским божеством был Эзус. На открытом археологами под собором Парижской Богоматери алтаре времен пребывания здесь римлян он представлен в виде дровосека, рубящего дерево. Его имя означало «Добрый». Войны с галлами описывал Юлий Цезарь, упоминая, что они предавались ритуальному людоедству.

Кеты — это енисейские и поволжские остяки. Они считаются последними палеоазиатами. В период спровоцированного коммунистами великого голодомора, который должен был окончательно завершить расправу с кулачеством и привести к решительной победе коллективного хозяйства, в тех районах, которые населяли остяки, было зафиксировано и документально подтверждено вызывающими ужас фотографиями наибольшее число случаев людоедства.

Инженер Кацпер Ян Михайловский занимал должность начальника строительства западносибирского участка Транссибирской железнодорожной магистрали (Великого Сибирского пути), начинавшегося от Челябинска и включавшего мост через Обь. Указ о железнодорожном сообщении между Уралом и Тихим океаном царь Александр III подписал 17 марта 1891 года. На строительстве этой магистрали трудились тысячи инженеров и техников польского происхождения. Даже в далеком Харбине их работало очень много. Не только Станислав Кербедзь получил славу и заработал состояние. Реформы Столыпина привели к тому, что еще до начала I Мировой войны за Урал отправилась почти трехмиллионная армия крестьян-поселенцев. Вскоре производимое ими масло приносило в казну государства больше денег, чем добыча золота.

Железнодорожный вокзал в Новосибирске производит весьма приятное впечатление размерами, мраморной отделкой и чистотой. Это прекрасная визитная карточка для города, насчитывающего бо-

лее полутора миллионов жителей. Милиция следит, чтобы на территории вокзала находились исключительно те, у кого есть действительные билеты. Пьяниц, оборванцев и иного сброда тут не встретишь.

В музее Николая и Елены Рерихов на Красном проспекте представлено несколько десятков полотен. Подобным многочисленным собранием произведений художника располагают только музеи этого мастера в Москве и Нью-Йорке. Вокруг них собираются приверженцы то ли секты, то ли культурного объединения. Они чтут память и философское наследие художника среднего — как утверждают знатоки — уровня, который в конце жизни, поселившись в Даржилинге у подножия Гималаев, считал себя XIV-м Далай-ламой и изучал секреты Шамбалы.

Он был агентом большевиков. Красные власти позаимствовали у царей идею дать казацким полкам возможность купать своих коней в теплом океане. Глядишь, еще немного, и Индия тоже стала бы коммунистической. На писателя Олега Шишкина, который, изучив архивы ЧК, осмелился написать правду, рериховцы подали в суд.

Прямое, как стрела, шоссе М52 ведет на юг, через Барнаул, Бийск, Кош-Агач до Ташанты у самой границы с Монголией. Там оно уже носит название Чуйского тракта. Еще совсем недавно по нему разъезжали монгольские автомобили, под завязку набитые разного рода китайским барахлом, которое монголы везли на самый большой базар Европы — варшавский стадион им. Десятилетия. За многие века до них по этому же маршруту отправлялись верхом их предки. Правда, цель их была не столь мирной.

По степи, раскинувшейся подобно океану от Хуанхэ до Дуная, гонимые голодом, когда солнце выжигало траву, и надеждой найти зеленые пастбища, теснимые более сильными соседями, двигались на Европу от подножий Алтая и тибетских плоскогорий гунны, готы, авары, булгары, печенеги, половцы, татары и наши предки сарматы. В большинстве своем это были тюркские народы. Веровавшие в Единого Всемогущего Бога Небес Тенгри (Танры). Его символом был равносторонний крест. Он представлял собой солнце с четырьмя исходящими из него лучами. Нашейные обручи-згарды с такими именно крестиками надевают еще и сегодня в праздничные дни в некоторых деревнях на Гуцульщине. Среди турецких ученых нередко встречается мнение, что символику креста христиане позаимствовали у их предков.

Стоило бы ознакомиться с содержанием доклада Анны Пажимес, с которым она выступила на юбилейной сессии к 25-летию варшавского Музея Азии и Тихого океана. Само по себе название доклада «Алтаизмы в польском языке» мало что скажет. Проникнуть в смысл выступления профессора, в котором полно непонятных для непосвященного определений, весьма сложно. Важен вывод. Термин «поляне»... китайского происхождения. В алтайских языках, к которым мы относим, в частности, монгольский, маньчжурский и турецкий, он обозначал — исходя из определенной фонетической транскрипции китайских иероглифов — людей подневольных, не занимающихся сельским хозяйством и выращиванием шелковицы. Но в иной транскрипции этот же самый иероглифический знак можно прочесть и так: «дикари, не любящие платить налоги». Это у нас, пожалуй, и осталось.

В Кызыле, столице Тувинской АССР (с 1991 г. Республика Тыва), давнего Урянхайского края, в нескольких сотнях метров от стелы в виде призмы, которая обозначает центр Азии, стоят каменные идолы, их откопали в абаканской степи. Они представляют собой фигуры с круглыми головами и лихо, «по-польски» закрученными усами. Их торсы покрыты руническими письменами, почти тождественными тем, что использовались древними жителями Скандинавии. В музейном каталоге они описаны как надгробные памятники гуннов и сарматов. По всей вероятности, это ошибка. Каменные фигуры фаллической формы обозначали место, откуда род вместе со своими стадами отправлялся кочевать на запад, к Черному морю. Чтобы знать, откуда был начат путь, когда через несколько поколений ему доведется вернуться на это же место.

Возможно, в поддержку тезиса о центральноазиатском происхождении сарматов стоит также сказать, что конфедератка, повсеместно считающаяся сугубо польским головным убором, имеет тибетское происхождение, а изображение «пястовского» орла без короны было знаком аристократического рода одного из племен, вышедших с Алтая. Орла-беркута по сей день чтят жители Саяно-Алтайского нагорья. Чрезвычайно характерно, что наряды, кулинарные предпочтения и оружие потомки сарматов, к которым наша шляхта в свое время имела обыкновение себя причислять, перенимали, главным образом сле-

дуя модам, господствовавшим в Исфагане. И где же тогда эти признаки исключительно греко-римской цивилизации, за внесение которых в преамбулу европейской конституции так сражались наши политики? «Цивилизация» же, по формулировке профессора Конечного, означает стиль жизни. Вот эти кунтуши, кривые сабли и мясные блюда под сладким соусом.

Кстати, не всегда под сладким. Следует понимать, что чамбулы (отряды) степных кочевников, которые отправлялись по широкой бескрайней степи в путь на запад и которым предстояло преодолеть по меньшей мере 5-6 тысяч километров, должны были везти с собой провиант. Монгольские воины, готовясь к рейду от берегов Селенги и Орхона к берегам Вислы и Сана, везли высушенную на морозе и растертую в ступке в порошок говядину, засыпанную в соответственно выделанный воловий желудок, приторочив его к конским вьюкам. В пропорции, которую легко запомнить. Мясо одного вола на одного воина. Индо-иранские сарматы кочевали несколько ближе. Столь развитого, как у монголов, на том же высоком уровне снабженческого ноу-хау у них не было. Они гнали с собой стада баранов. И каждый вечер одного резали. На семерых воинов. Не хватало ни времени, ни достаточного количества хвороста, чтобы как следует прожарить мясо. Жир быстро застывал на руках, на физиономиях и... на усах. У сарматов, в отличие от монголов, были довольно густые усы и бороды. Продолжать участие в трапезе можно было, лишь убрав волосы ото рта. Так это и осталось.

Изданным в XIX веке царским указом запрещалось носить торчащие, как беличьи хвосты, по обе стороны лица «ляшские» усы. Это считалось политической демонстрацией. На сохранившихся фотографиях их еще носили оба моих деда.

В 1813 году пленников из полка князя Юзефа Понятовского сослали в Бийск. Они должны были пополнить тамошний гарнизон. Венчаться им было разрешено только в православной церкви. Детей воспитывать в православной вере. В то время это была окраина империи. В местном музее сохранились не только вериги — тяжелые цепи весом в десятки килограммов, которые носили под рубахой православные сектанты для умерщвления плоти, — но и фотографии найденных археологами в степи каменных «баб» с усами. Есть также сделанные в Варшаве у Твардицкого фотографии бийских купцов.

На покрытом обтрепанным зеленым сукном столе разложены книги со списками жертв политических репрессий 1931-1937 гг. Над ними в тени едва заметная карта. Лагеря отмечены точками. Их много. Особенно густо размещены они вдоль Чуйского тракта. Автомашины впервые проехали по нему в 1934 году. Фамилия одного из водителей была Вишневский. Семья похоронила его на кладбище за городом. Могила окружена проржавевшей скособоченной металлической оградой, внутри ограды вкопан торчащий кусок рельса, к которому приварен большой прямоугольный кусок жести. Он выполняет роль столика, на котором ставят бутылку, поминая умершего. Использованные стаканы так и оставлены. Панихида — обычай старый. Здесь же руль. Самый настоящий. Тоже приваренный к стальному шесту. В нескольких десятках метров дальше отделенный невысокой чугунной оградой от остального кладбища каменный обелиск с надписью: «Памяти поляков — ссыльных и жертв сталинских репрессий, прах которых покоится на Алтае». И чуть ниже: «Где их могилы, Польша, где их только нет! Ты знаешь лучше всех, и Бог на небе знает»; и то же самое по-русски. Рядом другой обелиск с надписью тоже на двух языках: «Владислав Ярузельский 1888-1942». 1 ноября у их подножия кто-то положил венки.

Люба Саадакович, владелица кафе «Исток», что расположилось у шоссе, ведущего из Горно-Алтайска к Телецкому озеру, считается настоящей бизнесменшей. Она ездит в Токио за подержанными автомашинами. В Китай — за одеждой. Мужа-врача держит в строгости. Ее род хорошо известен на Алтае уже на протяжении многих веков. Для младшей дочери она добилась стипендии, предоставляемой полякам, проживающим за рубежом, и уже один раз навестила ее в Люблине.

В ее семье поляков не было. Ей не нравится их двуличие и скупость. У нас идет откровенный разговор. Хозяйка угощает роскошным ужином. Главенствует на столе водка «Давай за жизнь». На этикетке два солдата десантных войск в полосатых тельняшках поднимают тост за спецназ и за Кавказ. Вступать в эти формирования призывают объявления в газетах.

Мы едим салат из свежего папоротника. Очищенные от цветков стебли замораживают, мелко режут и заливают растительным маслом. Этот са-

Каменные сарматские «бабы» соотнесенные с фотопортретом деда Автора

лат обожают корейцы и японцы. Он действует как афродизиак.

Сестра Любы — врач-педиатр. Получает мизерную зарплату. Она тяжело переживает, что из года в год практически удваивается число детей, у которых наблюдаются выраженные генетические дефекты уже в материнской утробе. В 50-е годы было решено, что ракеты, запускаемые с полигона на Байконуре, будут завершать свой полет над Алтайским краем, Тувой и Хакасией. Регион, отравленный цезием-137 и токсичным гептилом, ракетным топливом, вызывающим рак кожи и изменения в генетическим коде, а также разрушающим озоновый слой, занимает почти треть республики. На военных картах он обозначается ПИТ-326. Радиоактивные обломки и емкости с ракетным топливом, разбросанные в бассейне кристально чистой Катуни и по территории Телецкого природного заповедника, собирать было некому.

Появилась также новая мутация медведей. Судя по всему, они страдают каким-то заболеванием. Местный проводник Сергей Бодров прошлой зимой нашел в горах останки одного из них в снегу. Разодранного волками. Снимок его лапы, а может быть, руки облетел все газеты. Йети? Эксперты еще не высказались окончательно.

Владимир Николаевич Тюленькин, председатель совхоза «Абайский», ездит на японском внедорожнике. Большом, с тонированными стеклами. Такой стоит несколько десятков тысяч долларов. Тюленькин — совладелец маральника. Тысячи гектаров территории огорожены сеткой, за которой ходят стада оленей-маралов. Рога самцов, панты, спиливают весной. Китайцы покупают их в любом количестве. Они хорошо платят — и с каждым разом все больше.

Распоряжения Тюленькин отдает тихим голосом. И никогда их не повторяет. Незачем. Он единственный работодатель и человек, принимающий решения, на протяжении сотен квадратных километров гористой тайги Республики Алтай. Его власть простирается далеко, до самой границы с Казахстаном. С ним считаются даже в столице. Круглое, как полная луна, лицо. Явно азиатские черты. При первой встрече его лицо озаряет радостная улыбка: «Фамилия моей бабушки была Ядвижак».

Меня размещают в охотничьем домике, расположенном недалеко от деревни Амур, административного центра района. Домик приведен в порядок после предыдущих гостей, останавливавшихся здесь. Проехав почти 7000 км, свой автопробег через полмира я завершаю в бане. Завтра начинаю охоту на медведя. Его зимняя берлога обнаружена недалеко от базы Карагай.

Лешек Волосюк

ПАПА ЧИТАЕТ «ТЫГОДНИК ПОВШЕХНЫЙ»

TYGODNIK POWSZECHNY

«Тыгодник повшехный», краковский «католический общественно-культурный» еженедельник, на протяжении 60 лет провозглашает, что Церковь должна быть открытой, страна — современной, а польские католики — разбираться в собственной и всемирной культуре. Эти три аспекта: религия, политика и культура — постоянно присутствуют на страницах «Тыгодника повшехного», а редакция прилагает старания, чтобы они звучали в унисон.

1. «Когда в марте 1945 года начал выходить „Тыгодник повшехный", это произошло, можно сказать, под покровительством кардинала Адама Стефана Сапеги, митрополита Краковского. Шаг был смелый, а решение — провиденциальное», — писал Иоанн Павел II главному редактору Ежи Туровичу полвека спустя, 5 апреля 1995 года. А так как в прошлом, будучи еще священником Каролем Войтылой, он печатался на страницах еженедельника, то цитаты из папского письма будут основой этого текста.

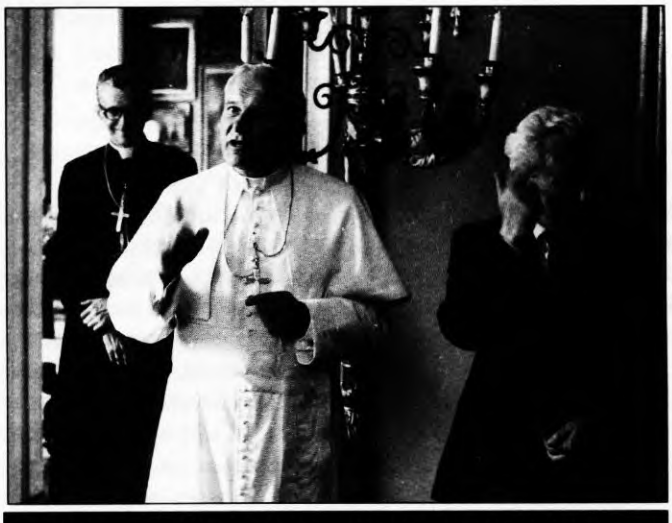
«Шаг был смелый», так как первый номер вышел 24 марта 1945 г., когда радость, вызванную освобождением страны от немецкой оккупации и близким концом военного кошмара, подавляли опасения за будущее страны и страх перед новой оккупацией — советской, размах которой было трудно предвидеть. «Провиденциальное решение» принял выдающийся человек, трижды князь — по крови (из рода Сапег), по духу («Свет в ночи оккупации» — гласит надпись под его памятником в Кракове), а вскоре и князь Церкви (кардинал с 1946-го), — поселив редакцию в здании резиденции архиепископов, хотя со входом с другой улицы (Висльная, 12), где она находится и по сей день. Задачу взяли на себя люди, которым в ближайшие годы тоже надо было оказаться незаурядными, чтобы ее выполнить. Состояла она в том, чтобы при новом строе сохранить христианские, национальные и культурные ценности, сохранить поляков, католиков и деятелей культуры, но в то же время содействовать тому, чтобы Церковь открывалась к миру, страна не позволила отрезать себя от европейской цивилизации, а культура — от всего мира.

Первым главным редактором был свящ. Ян Пивоварчик, но вскоре редакцию возглавил Ежи Турович. Еженедельник редактировали миряне, в том числе писатели Ханна Малевская, Зофья Старовейская-Морстин и Антоний Голубев, публицисты Станислав Стомма, Павел Ясеница и Стефан Киселевский, а также ученые из Люблинского католического университета — Ирена Славинская, Чеслав Згожельский, Яцек Возняковский и Стефан Свежавский. В послевоенные времена они создали интеллектуальное движение, вдохновлявшееся христианской мыслью. До войны многие из них были активистами объединения католической молодежи «Одродзене» («Возрождение»), вдохновлявшегося католическим персонализмом, в первую очередь открытым персонализмом Эммануэля Мунье (1905-1950) и тем, что он писал в журнале «Эспри». В межвоенной Польше они так же, как Э.Мунье, Жак Маритен и Этьен Жильсон во Франции, искали, как примирить социальную революцию с нравственной, социализм с христианством. Это было нелегко, ибо им были чужды как откровенно левые, антиклерикальные и тоталитарные группы (коммунисты), так и радикально-националистические (национал-демократы). До 1939 г. среди духовенства многие недоверчиво относились к «Возрождению», но после войны, когда СССР навязал Польше новый строй, Церковь оценила их готовность создавать modus vivendi между социалистическим строем государства и христианскими ценностями Церкви.

2. «Говоря, что инициатива создания „Тыгодника повшехного" в тот момент, когда еще продолжалась II Мировая война, было решением провиденциальным, я имею в виду и то, что в нем выразилось богословие мирян».

«Богословие мирян» долго не находило себе выражения, так как социализм в советском издании и под эгидой Сталина даже и не думал с кем-то договариваться, а уж если — то лишь с намерением «распознать врага», чтобы быстро лишить его сил и ликвидировать. Попыткам самоорганизации верующих препятствовали, учреждения брало в свои руки государство либо отправляло их в церковный притвор и резко ограничивало. Препятствовали изданию прессы — например, «Тыгодник варшавский», католический еженедельник, после первых номеров был закрыт приступающими к исполнению власти коммунистами, а редакторов посадили. Была отнята крупнейшая благотворительная организация «Caritas» («Милосердие»), ограничена деятельность Люблинского католического университета, интеллектуального движения свящ. Владислава Корниловича и его журнала «Verbum» («Слово»), ликвидированы богословские факультеты университетов. Все должно было подвергаться контролю государства и цензуре, и этот кошмар сохранялся до 1989 года. Вдобавок в искусстве и литературе провозгласили обязательным образцом социалистический реализм, разумеется, весьма далекий от христианства.

3. «Прошли вы и свое историческое испытание после смерти Сталина. „Тыгодник повшехный" был забран коммунистическими властями и отдан в руки другой редакции, родом из паксовского движения».



Встреча Иоанна Павла II с Ежи Туровичем в 1979 году. На заднем плане архиепископ Краковский Францишек Махарский.

Власти ПНР с самого начала неустанно требовали от редакции все новых актов лояльности (в частности, осуждения деятельности Церкви и ее иерархов), сажали печатавшихся в «ТП» авторов (Павла Ясеницу, лучшего исторического публициста послевоенного времени), добивались ухода из редакции видных авторов, таких, как политический публицист Станислав Стомма и самый непокорный в истории ПНР фельетонист Стефан Киселевский. А когда в марте 1953 г. редакция отказалась поместить апологетический некролог Сталину, ее распустили. Название почти на три года было отдано «Паксу», организации, основанной Болеславом Пясецким (до войны организатором ультранационалистической «Фаланги» и ее штурмовых отрядов, а сразу после войны — и после беседы с генералом НКВД Серовым — «обратившегося в социализм»). «Пакс» был пристройкой к ПОРП и составлял одно из звеньев давления на Церковь; он учредил движение т.н. ксендзов-патриотов, которые должны были представлять внутри Церкви «социалистическое отечество», а вовне доносить о существующих там «угрозах социализму».

Номера журнала за 1953-1956 гг. редакция «ТП» не считает своими.

4. «Так было до октября 1956 года. Тогда редакция вернулась на свое место, а Ежи Турович после нескольких лет перерыва снова начал подписывать номера „Тыгодника". Все это я вспоминаю, так как оно составляло какую-то частицу моей жизни».

Когда в ПНР наступила «оттепель», новое руководство ПОРП во главе с Владиславом Гомулкой позволило редакции Туровича вернуться в «Тыгодник повшехный». С тех пор о еженедельнике все чаще стали говорить как о единственном свободном периодическом издании «между Эльбой и Владивостоком». В церковных вопросах он все шире выражал «богословие мирян», в особенности когда начался II Ватиканский собор (1962-1965), а затем проведение его реформ в Церкви.

С тех пор «Тыгодник» уже мог идти на компромиссы с «народной властью», особенно после январских выборов в Сейм 1957 г., когда несколько связанных с ним людей (в том числе Стомма и Киселевский) стали депутатами, создав в Сейме депутатскую группу «Знак», а в нескольких городах возникли Клубы католической интеллигенции, на которые эти депутаты могли опираться. Однако не на всякие компромиссы и не любой ценой. «Совластвовать или не лгать» — заглавие книги недавно скончавшегося Анджея Мицевского верно передает дилемму католических деятелей после 1956 года. «Совластвовать» продолжал «Пакс», стремясь «национализировать» Церковь, а паксовская пресса изображала католиков тенденциозно и лукаво. Не лгали «Знак» и связанный с ним «Тыгодник повшехный», ежемесячные журналы — краковский «Знак» и варшавская «Вензь» («Связь»), а также возобновленные после войны еженедельники, имевшие до 1989 г. не слишком большой доступ к читателю, — катовицкий «Гость недзельный» («Воскресный гость») и познанский «Пшеводник католицкий» («Католический путеводитель»). Эти издания читали в моей семье. Другого представительства верующих я не помню, кроме маргинального Христианского общественного объединения.

Таким образом, «ТП» был одним из немногих огоньков во мраке ПНР. Это обходилось дорого: вплоть до 1989 г. связаться с ним означало сделать выбор «без обратного билета» — за публикации в нем можно было потерять работу в государственных учреждениях, а государственным было почти всё.

5. «В Польше мы совместно переживали не только сорок лет попыток преодоления народом тоталитарной системы, но и крупные события в жизни Церкви, такие, как Великая новенна и тысячелетие Крещения Польши — и почти в то же самое время — II Ватиканский собор, в котором я участвовал как епископ, а Ежи Турович как журналист».

В 60-е годы уже были возможны «попытки преодоления тоталитарной системы» и «выражения богословия мирян». В обоих случаях большую роль играла Церковь, вынужденная защищать не только христианские, но и патриотические и культурные принципы страны.

В 1966 г. отмечалось тысячелетие Крещения Польши. Примас и председатель епископата кардинал Вышинский, еще будучи интернирован в 1953-1956 гг., обдумал, как подготовить верующих к этому юбилею. Одним из таких актов стала девятилетняя (отсюда ее название) новенна, во время которой копия «черной Мадонны» — чудотворной иконы Божией Матери Ченстоховской — передвигалась по всей Польше от прихода к приходу, собирая верующих в храмах. Это был случай как пробудить религиозность, так и напомнить о важных государственных делах и национальной культуре. Юбилейные торжества, выходившие за строго религиозные рамки, не могли нравиться команде Гомулки, желавшей ограничить их юбилеем тысячелетия государства и обвинявшей Примаса в том, что он самовольно берет на себя роль «интеррекса» (в Первой Речи Посполитой между смертью одного короля и избранием нового Примас стоял во главе государства, созывал выборы и короновал нового монарха). Власти вассального края раздражало, что какую-то часть памяти поляков о прошлом и их чаяния на будущее представляет Церковь, учреждение, пользовавшееся в обществе доверием, так как в эпоху разделов Польши, во время гитлеровской, а затем советской оккупации Церковь делила несчастья народа.

«ТП» также поддерживал тесные связи с эмигрантскими организациями и печатью, в особенности с редакцией парижской «Культуры». Ежи Гедройц, главный редактор «Культуры», стал отцом современной политической мысли, учитывающей неразрывные связи Польши с западными демократическими державами, и — вместе с Юлиушем Мерошевским — вдохновителем нового подхода к восточной политике. Круг авторов «ТП» представлял эту политическую мысль в Польше и старался — откровенно или между строк — распространять ее, в частности, много лет прилагая старания к примирению с Германией, чтобы в будущем позволить Польше вернуться в круг западноевропейской культуры и цивилизации. Необычайно важным шагом стало в 1965 г. письмо польских епископов немецким, содержавшее знаменитые слова «Прощаем и просим прощения» и по сей день приносящее благословенные плоды. В восточных же делах «ТП» осваивал поляков с тем фактом, что земли к востоку от Сана, Буга и по берегам Немана (восточные окраины Второй Речи Посполитой) принадлежат украинцам, литовцам и белорусам, коренному населению этих земель, недавно либо имевшему свое государство (Литва в 1918-1940 гг.), либо пред-

принявшему попытки создать его (УНР Симона Петлюры в 1919-1921 гг. и Белоруссия после I Мировой войны). В концепции Мерошевского, известной как УЛБ (буквенное сокращение названий трех стран), лежат истоки независимой восточной политики после 1989 года. По этой концепции, Украина и Белоруссия станут независимыми и как таковые должны быть стратегическими партнерами Польши. Польша первой признала независимую Украину после референдума, прошедшего там в декабре 1991 г., а недавно, как известно, польские (и литовские) политики вместе с Хавьером Соланой из Евросоюза были посредниками на переговорах во время «оранжевой революции» как достойные доверия обеих сторон украинского конфликта. Эта политика начинает приносить новые плоды, так как мы уже вступили в ЕС, где польские депутаты объяснили в Страсбурге и Брюсселе суть последних событий на Украине и позволили Евросоюзу принять недвусмысленные заявления по поводу украинских выборов.

6. «В это время мы часто встречались с редакциями „Тыгодника" и „Знака" на Францисканской, 3 [резиденция архиепископов Краковских]. *Помню, случалось мне писать подробные письма насчет того, каким я вижу соотношение между информацией о соборе и воспитанием в духе собора. „Тыгодник" оказывал тогда Церкви и Польше огромные услуги, но были и моменты некоторого напряжения и трудностей, которые надо было совместными усилиями разъяснять и разрешать».*

II Ватиканский собор был большим событием в римско-католической Церкви, а в ее новейшей истории — самым большим после Тридентского собора (1545-1563). Он открыл католичество навстречу современному миру во многих сферах, начиная с богослужения, в которое, в частности, были введены национальные языки, с учительства в социальных вопросах и вплоть до экуменизма, т.е. диалога с отделенными христианскими вероисповеданиями, с иудаизмом и другими религиями. Кончилась эпоха «Церкви Пиев», тянувшаяся от последней четверти XVIII века до понтификата Иоанна XXIII в середине XX-го, которую так называли по семи носившим это имя из одиннадцати Пап, когда Церковь слишком сильно ставила себя в зависимость от политики, часто за счет благовествования. Несмотря на некоторые попытки, такие, как энциклика «Rerum novarum» Папы Льва XIII (1891), на понтификаты Пия X и Пия XI, только последний собор и последние понтификаты дали Церкви ее подлинный ранг, а наследникам св. Петра — авторитет, значение которого выходит далеко за пределы католического мира.

Круг «Тыгодника повшехного» принял участие в соборе (профессор Стефан Свежавский стал аудитором, т.е. наблюдателем работы собора из числа мирян), проницательно рассказывал о его заседаниях (из Рима посылал корреспонденции Ежи Турович), а потом распространял в польской Церкви сведения о соборных реформах и о том, как они проводятся в жизнь в других странах (это делали религиозные публицисты Стефан Вильканович, Марек Скварницкий и Юзефа Хеннель). Здесь внимательно следили за церковными преобразованиями, происходившими во Франции, Германии и других странах, особенно в Голландии, где они шли быстрее и заходили дальше. Речь шла о новом богословии, проявившемся в новых формах богослужения и молитвы, а также экуменизме; о социальном аспекте новых решений, таких, например, как движение священников-рабочих во Франции, где священники, чтобы быть ближе к своей пастве, нанимались на работу; и, наконец, о коллегиальности в управлении Церковью и доступе к этому мирян. Это был очень важный период в деятельности краковской редакции.

В Польше проведению соборных реформ препятствовали как государство, так и часть духовенства и мирян. Церковь, открывающаяся к миру, в ПНР менялась медленней. Дух Ватиканского собора часто отступал здесь перед страхом вмешательства властей, которые стремились всё контролировать: как прямо, цензурируя даже песенники и молитвенники, так и косвенно — регламентируя деятельность католических организаций как приводных ремней от власти к верующим, ведя неусыпную слежку за духовенством: на лиц этой «профессии», на каждого священника, на каждую монахиню, заводили досье. Люди задавались вопросом, как учреждать приходские советы и в то же время не допускать в них людей из занимавшегося Церковью IV отдела Управления госбезопасности. Были и внутренние опасения: как бы реформы не уменьшили роль Церкви в исповедании веры; подчеркивалось, что новшества в голландской Церкви пошли слишком далеко.

Стефан Вышинский, Примас польской Церкви с 1948 г. и до самой смерти в 1981-м, все это время стоявший во главе епископата Польши, с 1952 г. кардинал, не всегда соглашался с тем, что печаталось на страницах «Тыгодника», побуждавшего к переменам в духе Ватиканского собора. В новогоднем номере 1969 г. Ежи Турович опубликовал статью «Кризис в Церкви», где писал: «Церковь должна и будет меняться на протяжении всей своей истории, чтобы все больше быть самой собою». Публичный ответ кардинала Вышинского был таков: «В Церкви нет никакого кризиса. Самое большее, можно говорить о кризисе одного публициста». Но взгляд на польскую Церковь послевоенных лет определяется не «консерватизмом» кардинала Вышинского и не «прогрессизмом» Ежи Туровича. Пора по заслугам оценить обоих, тем более что в статье «Отец и пастырь», помещенной сразу после смерти Примаса («ТП», 1981, 23-31 мая), редактор признавал: «Все реформы, декретированные II Ватиканским собором, в работе которого он принимал живое и активное участие, так же, как и послесоборные реформы, были — под его руководством — проведены в жизнь Церкви в Польше, постепенно, спокойно и зрело».

7. «После моего отъезда в Рим как Вы [Ежи Турович]*, так и Ваша жена и многие другие члены редакции „Тыгодника» и «Знака» навещали меня в Ватикане, и это продолжается по сей день».*

Избрание кардинала Кароля Войтылы из Кракова на папский престол (16 октября 1978) и его роль в Церкви вскоре стали одной из причин крушения коммунизма в Европе, а «Тыгодник повшехный» вступил в новый важный период. Когда Иоанн Павел II, человек, на которого поляки возлагали огромные надежды, совершил свое первое паломничество в Польшу (июнь 1979), то в силу его давней дружбы с редакцией журналисты «ТП» преобладали среди тех, кто создал пресс-центр паломничества. Встречи Папы с верующими и его учительство пробудили надежду у многих поляков. Эта надежда год спустя, в августе 1980-го, породила независимое профсоюзное объединение «Солидарность», переставшее в гражданское движение.

Когда власти ПНР, желая подавить стремление поляков к независимости, 13 декабря 1981 г. ввели в стране военное положение, одним из огоньков во мраке было сознание того, что есть по-прежнему Церковь в Польше и Папа в Ватикане, которому польские дела известны и близки. Хотя ведущих деятелей «Солидарности» интернировали, приостановили издание периодики и книг, на радио и телевидении не только усилили цензуру, но вручную руководили информацией и пропагандой (спустя годы Ярузельский признался, что каждый день смотрел главное издание телевизионных «Последних известий» и рецензировал его), запретили собрания, контролировали даже телефонные разговоры и переписку — властям не удалось ни угасить дух в народе, ни перестать считаться с мировой общественностью. Вскоре властям ПНР пришлось согласиться на выход изданий, закрытых после 13 декабря, хотя цензура тоже возобновилась. Однако в прессе, независимой от государства — а независимой была тогда одна только церковная периодика, — властям приходилось считаться с тем, что вмешательство цензуры будет отмечено на ее страницах.

Это было грандиозным событием в странах советского блока. В «Тыгоднике» тогда печатались самые видные представители творческой интеллигенции, люди из подпольной оппозиции, известные независимыми суждениями. Они предпочитали увидеть свое имя на страницах «ТП», даже если вместо текста часто лишь указывалась в квадратных скобках статья декрета о военном положении, в силу которой текст не мог появиться.

В 80-е годы краковский еженедельник стал самым крупным и самым уважаемым независимым периодическим изданием в стране и даже во всем советском блоке. Его разыскивали в киосках, распространяли в костелах, передавали из рук в руки, брали почитать у соседей и знакомых. В условиях рыночной экономики это был бы успех, но при экономике централизованного планирования власть выделяла бумагу только на 70 тыс. экземпляров.

Не было бы такой популярности и «ТП» не сыграл бы такой роли на пути к демократии и не сформировал бы сознание гражданских действий, если бы не круг «Тыгодника повшехного», его связи с Церковью, с одной стороны, и с нелегальной оппозицией — с другой.

Коллектив Туровича был открыт к независимой мысли различных авторов. Критерий, верующий ли человек автор, не был важным. Благодаря авторам, сотрудничавшим с «ТП», возникла среда, влияющая на страну и заставляющая прислушаться к себе за границей.

Связи редакции с Церковью существенны. «Католичность» не ограничивается публикацией церковных документов и их истолкованием, ролью молитвенника, справочника для проповедников или агиографической брошюры с обязательным церковным «imprimatur» [«разрешается печатать»]. Слово «католический» Церковь разрешает использовать тем учреждениям, которые опекает, а с «Тыгодником» так было с самого начала. В ПНР это определение свидетельствовало, что издание и церковное учение на его страницах не подвергаются иным влияниям, в том числе влиянию коммунистической идеологии. Связь круга «ТП» с оппозицией режиму ПНР существовала всегда. Вначале она выражалась в неофициальных контактах с политической эмиграцией, главным образом с парижской «Культурой» и ее кругом, а потом и с другими (например, с парижским католическим издательством «Диалог», с нью-йоркской газетой «Новый дзенник»). Когда и в самой Польше развилась оппозиция, люди из «ТП» тоже поддерживали с ней связи — главным образом с созданным в 1976 г. Комитетом защиты рабочих (КОР) и с Товариществом научных курсов. «ТП» естественным образом поддержал мощное общественное движение «Солидарности» в 1980-1981 гг. (профессор и священник Юзеф Тишнер, философ-этик и сотрудник «ТП», стал капелланом «Солидарности»), а потом, когда военное положение положило конец этому массовому движению, поддерживал контакты с теми, кто был интернирован или ушел в подполье.

Встреча Иоанна Павла II с членами редакции «Тыгодника повшехного» в 1979 году.

И многих из этих людей привел потом к заседаниям «круглого стола» (весна 1989), где вели переговоры представители властей ПНР, называемые «партийно-правительственной стороной», и представители все еще нелегальной, но уже не преследуемой оппозиции — «оппозиционно-солидарностная сторона». Многие из круга «ТП» вошли в предвыборный Гражданский комитет при Лехе Валенсе, выдвинувший списки кандидатов в обе палаты парламента, а то и оказались в этих списках, а потом стали депутатами, сенаторами, министрами в Третьей Речи Посполитой. Из редакции «ТП» Юзефа Хеннель стала депутатом, Кшиштоф Козловский — сенатором, а потом министром внутренних дел в первом некоммунистическом правительстве Мазовецкого, а Мечислав Пшон — уполномоченным правительства по контактам с Германией.

8. «Издание, редактируемое мирянами, — это одна из форм апостольства мирян».

В начале 90-х «Тыгодник повшехный» так же, как и вся Церковь, стремился найти свое место в создающейся Третьей Речи Посполитой. При этом случалось и споткнуться. С 1989 г., когда несколько человек из «ТП» включились в гражданское движение, особенно с первых президентских выборов, когда они поддержали Тадеуша Мазовецкого, а потом приняли участие в создании интеллигентской политической группировки, менявшей названия (в конце концов она стала «Унией свободы»), еженедельник неизбежно наталкивался на упреки в выборе дурного пути, в том, что он односторонне политизировался и даже стал антицерковным. Последние обвинения особенно бурно произносили

возрождающиеся националистические круги, громогласно подчеркивавшие свою связь с Церковью. Однако «антицерковность» — это такой упрек из числа тогдашних, который особенно трудно доказать, ибо, к примеру, от пересказа спорных взглядов таких богословов, как Эуген Древерман, Ганс Кюнг или Энтони де Мелло, еще очень далеко до неортодоксальности. Я и по сей день предпочитаю о спорных богословских вопросах узнавать из «ТП», а не отыскивать информацию в изданиях, враждебных Церкви или демонстративно верных католической доктрине. Несмотря на громкие подсказки Церковь не усмотрела в деятельности «ТП» ничего, идущего против нее. Вопрос был намного тоньше. Тут я приведу самое авторитетное мнение — Иоанна Павла II: Церковь «не ощущала, что ее достаточно любят».

9. «1989 год принес Польше глубокие преобразования, связанные с крушением коммунистической системы. Обретение свободы парадоксальным образом совпало с усиленными нападками неверующих левых и либеральных группировок на Церковь, епископат и Папу. В особенности я ощутил это во время моего последнего пребывания в Польше в 1991 году. Ставилась задача изгладить из памяти общества то, чем была Церковь на протяжении минувших лет. Множились обвинения: Церкви приписывали клерикализм, желание править Польшей, препятствование польскому обществу в создании своего политического представительства. Вы простите меня, если я скажу, что отголосок этих влияний отчасти слышался и в „Тыгоднике повшехном". В это нелегкое время Церковь, к сожалению, не нашла в „Тыгоднике" такой поддержки и защиты, какой как будто могла ожидать: „не ощущала себя достаточно любимой", как я когда-то сказал. (...)

Сегодня я пишу об этом с болью, так как судьба и будущее „Тыгодника повшехного" близки моему сердцу. Поскольку „Тыгодник повшехный", а также „Знак" я читал и продолжаю читать довольно регулярно, постольку я мог заметить, что вышеупомянутая ориентация подверглась некоторым изменениям после критических выборов в парламент, прошедших в сентябре 1993 года. Новая тенденция, мне кажется, сохраняется до сих пор, что пробуждает понятные надежды. Можно даже сказать, что увеличилось число публикаций религиозного, богословского и христианского характера. Ценным компонентом „Тыгодника" остается обильная информация о проблемах Церкви и мира».

Письмо было ответом Папы на посланный в Ватикан юбилейный номер (в марте 1995 г. еженедельник отмечал свое пятидесятилетие); адресованное Ежи и Анне Туровичам, оно носило получастный характер. Тем не менее редакция напечатала его целиком («ТП», 1995, №20, 14 мая). Как ни гляди, а это был выговор главы Церкви, завершавшийся, однако, очевидными знаками веры, надежды и любви. Иоанн Павел II опирался на опыт «ТП» и на свой собственный, связанный с еженедельником, что было прекрасным проявлением отношения наместника св. Петра к «католическому общественно-культурному изданию», среди авторов которого он сегодня самый известный. Редко случается, чтобы сам Папа высказывался по таким вопросам.

10. В том же номере Ежи Турович напечатал статью «Добро и зло в Церкви», где писал: «Критика того, что в Церкви дурно, — это не нападки на Церковь. Это служба ей».

Так это остается в «Тыгоднике повшехном» и поныне, хотя среди нас уже нет Анны и Ежи Туровичей. Главный редактор «ТП» — свящ. Адам Бонецкий.

Хотя краковская редакция довольно часто оказывается под натиском различных воззрений — на страну, мир и особенно Церковь — всяческих влиятельных кругов, она на протяжении 60 лет провозглашает, что Церковь должна быть открытой, страна — современной, а польские католики — разбираться в собственной и всемирной культуре. Эти три аспекта: религия, политика и культура — постоянно присутствуют на страницах «Тыгодника повшехного», а редакция прилагает старания, чтобы они звучали в унисон. Те, кто делает еженедельник с давних времен и по сей день, — люди диалога, а не глашатаи какого-то одного дела.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

России у нас, к счастью, все больше, и так сложилось, что периодика дополняет мое текущее чтение. С некоторого времени я зачитываюсь — наряду с Хлебниковым и Малевичем в переводах Адама Поморского — сборником произведений Даниила Хармса «Пейте уксус, господа» в неплохом переводе Ежи Чеха. Это чтение как-то дополняет его же перевод романа Татьяны Толстой «Кысь», местами, пожалуй, растянутого, но все равно увлекательного, в чем я согласен с его рецензентом Яном Гондовичем», который уже давно хвалил роман на страницах журнала **«Нове ксёнжки»** («Новые книги»). Сам же критик недавно перевел и напечатал в варшавской **«Твурчости»** (2005, №1) прозу Сигизмунда Кржижановского «Квадратурит», снабдив перевод интересным комментарием под заглавием «Коллекционер щелей» и называя автора «распятым между агора- и клаустрофобией писателем вывихнутого времени и неевклидовых перспектив». Дальше Гондович пишет:

«Глядя в целом, Кржижановской — воплощенная невозможность. Как писатель, пишущий не совсем на своем языке, о чем свидетельствуют многочисленные полонизмы. Как ум глубоко книжный, извлекатель квинтэссенции и насмешник, заброшенный в мир идеологов, стражей ортодоксальности, примитивных людей, оппортунистов и, наконец, голого террора. Как ум, столь же утонченный, сколь и совершенно неспособный к компромиссу. Как мыслитель, совершенно непроницаемый для в высшей степени ядовитого философского влияния своей эпохи. Как художник, годами действующий в среде, художественно ему глубоко чуждой. И в результате — как автор без книги, почти без публикаций, и человек театра, лишенный театральной практики. Человек глубоко лишний, вне состояния места и времени, беззащитный и в сопротивлении упорный, воплощение внутренней эмиграции (и раздражающее доказательство ее целесообразности), которой удалось сохранить для суда будущих поколений не только независимость его духа, но и, пожалуй, все, что он складывал в ящик стола».

Как будто всего вышеперечисленного еще мало, в последнем номере **«Зешитов литерацких»** (2005, №1) опубликована большая подборка произведений Владислава Ходасевича и посвященные ему тексты Владимира Набокова и Нины Берберовой.

Все больше России, к счастью, в театре и выставочных залах. В варшавской галерее «Захента» толпы стоят в очереди на выставку «Москва—Варшава, Варшава—Москва»: тут видно, как утраченная линия русского искусства начала XX века выплывает в наше время, и жаль только, что все это великолепие (а также доказательства упадка — в конце концов прошел уже век) стиснуты на сравнительно небольшом пространстве, так что невозможно, особенно в толкучке, сосредоточиться на созерцании отдельных картин. Одно как будто несомненно: в последний период Польша наконец открылась навстречу русской культуре.

Но все больше России, к счастью, и в публицистике. В **«Плюс-минусе»**, еженедельном приложение к газете **«Жечпосполита»** (2205, №18) интересную статью о «подавляемой оппозиции» в России напечатала Кристина Курчаб-Редлих. Статья, озаглавленная «Возвращающаяся волна», начинается довольно печальным наблюдением:

«Как же не везет русским! Могучая волна, гонимая ветром перестройки, отдалявшая их — казалось бы, бесповоротно — от ледяных глубин страха морозящей мозг пропагандистской лжи и других проклятий тоталитаризма, оказалась затихающим ураганом. Как при замедленной съемке, волна откатывала и откатывала, захватывая с собой в старую бездну уже мощное здание гласности, стеклянные дома прав человека и других достижений демократии.

Сегодня россияне остаются на месте катастрофы все более отгороженными от мира, который не только не сочувствует им, но еще их презирает по причине якобы общераспространенной у них любви к держимордам у руля власти. Их презирает тот самый мир, который приложил известные старания, чтобы толкнуть их в объятия такой власти».

Рассказав о том, какими методами ограничивают демократические свободы, автор пишет:

«Примеры можно умножать. Примеры, на которые западные СМИ — иногда поверхностно, в несколько секунд упомянув о них в новостных блоках — опускают завесу молчания. Тем, кто хотел бы кричать о причинах и следствиях российских драм, закрывают рот утверждением: это не тема. И не только потому, что информационная политика современного мира питается исключительно самыми свежими драмами, но и потому, что в отношении Путина политкорректные редакторы окутывают правду, вопиющую к небу, в вату полуправд и умолчаний. (...)

Преследование журналистов — это одна сторона уничтожения свободы слова. Другая, исторически более важная, — субъект этой операции: телезритель и читатель, то есть гражданин. Чистка мозгов пропагандой. (...)

Граница, разделяющая сегодняшних россиян, — инстинкт самосохранения. Те, у кого под шкурой жив былой страх, притихли или прилипли к власти. А остальные? Многие ли не боятся? У многих ли еще тлеют грезы о демократии? У многих ли рождается сопротивление? Интернет, это интимное убежище российской отваги, забит письмами о президенте».

Эти письма, как пишет автор, осуждают и иронизируют:

«Хотели бы вы в будущем году видеть Путина президентом? — в электронном голосовании из 10 521 пользователя 9156 ответили: нет. Недоверие, порожденное страхом, — это, по мнению социологов, одна из колод, преграждающих России путь к гражданскому обществу. (...)

Коммунизм террором подавлял в народе остатки понятий о гражданских и политических правах. И все-таки, как показали годы перестройки, до конца не подавил. Махнуть рукой на россиян, не противостоять произволу, как то делают все, от ООН до ЕС и политических верхов всего мира, произволу, который чинит над ними власть, — это не только политический оппортунизм, это преступление неоказания помощи в беде. (...)

Представители оппозиции: выброшенные из Думы (...) партии „Яблоко" и СПС, партия Ирины Хакамады, объединения „Честные выборы-2008", правозащитные организации, а также независимые политики и рядовые граждане в декабре минувшего года собрались в Москве на Гражданский конгресс. Его главным успехом было то, что он состоялся. „Необходимость сопротивления власти созрела намного больше, чем мы предполагали", — говорит Людмила Алексеева, председатель московского отделения Хельсинкского фонда. (...)

Весной 2004 г. президент Путин направил послание Федеральному Собранию, т.е. депутатам парламента и его верхней палаты — Совета Федерации. Наблюдатели этого дежа-вю, нудной, окостенелой помпезности съездов КПСС или пленумов ЦК, выслушали такую — казалось бы, уже давно придушенную — стилистику. О государстве, которому будет возвращено величие; о народе, который всегда был великим и о равнодушных к судьбам народа врагах, которые за иностранные деньги служат подозрительным интересам. Эти „враги" — правозащитники и им подобные. Приговор произнесен. Теперь происходит его плановое исполнение. (...) Таким образом, весьма вероятно, что под громогласные речи о российской демократии исчезнет самая давняя, самая динамичная, самая укорененная в регионах база оппозиции — правозащитные организации и партии. (...)

Пока что мир констатирует, что россияне не оказались бы способными к „оранжевой революции". Весьма легко сказать. Но, как утверждает Гарри Каспаров, придет момент встречи двух сил: новой демократической оппозиции и нарастающего общественного недовольства. И тогда случится нечто, напоминающее начало 1990-х».

Этот эмоциональный текст стоит дополнить наблюдениями из интервью Романа Шпорлюка, историка Восточной Европы, которое он дал Яну Врубелю для еженедельного культурного приложения **«Европа»** к газете **«Факт»** (2005, №1). Интервью озаглавлено «Россия не нашла себя в постимперском пространстве». Вот кое-что из того, что говорит Роман Шпорлюк:

«В России многие мечтают о восстановлении наднациональной империи, желая пятиться назад, вместо того чтобы идти вперед, а будущее требует, чтобы и Россия обладала чувством полноты как национальное государство — как Франция, Италия, Германия... Если бы Германия по-прежнему была на этапе созидания империи, не могла бы войти в Евросоюз. Если Россия намерена создать новое — постимперское, наднациональное пространство, она должна сперва осознать себя как национальное государство. Но этого она боится, ибо наталкивается на трудности с татарами, башкирами, чеченцами: она вовсе не хочет, чтобы на ее территории жили народы, добивающиеся признания своего национального статуса.

Может, России уже слишком поздно становиться национальным государством? Может быть, время, когда и чеченцы, и буряты могли бы принять какую-то модель „российскости", прошло? (...) Если российские мыслители даже сегодня довольно часто настаивают на том, что российскость — это православие, то перед нами модель, которую трудно принять мусульманам, буддистам или греко-католикам. Выходит, пришло время Казани, присоединенной 450 лет назад, отделиться, как отделился в 1991 г. Киев, присоединенный за 350 лет до наших времен.

Если президент Путин воображает, что его реформы не вызовут протеста, то ошибается — как ошибся насчет Украины. Россия, правду сказать, в нелегком положении, но реставрация империи — не выход. Создать национальное государство без чрезмерных лидерских амбиций пока еще, пожалуй, возможно, хотя нельзя это делать по образцам рубежа XIX-XX веков. Следует сказать, что определенные и немалые исторические шансы были прозеваны, растрачены. (...)

С 1991 г. уже прошло некоторое время, и тенденции на ближайшие 5-10 лет можно предвидеть. Самым главным мне кажется то, что Россия, вопреки прогнозам большинства российских экспертов, не пошла в сторону демократии. Главным образом потому, что (как не раз повторял это Збигнев Бжезинский) невозможно быть одновременно демократической страной и империей. В демократической стране должны быть демократические партии, демократическое движение. В России такие партии остались группами, ограниченными узкими интеллигентскими кругами. Демократическая интеллигенция рассчитывала на „доброго царя" и не стала создавать массовое движение — иначе, нежели мы это видели в Польше, Венгрии. Надо создавать кружки, школы, союзы — всего этого господа демократы, которыми мы когда-то восхищались, не сделали. Интеллигенты времен Горбачева не нашли способа общения с обществом. Им импонировало встретиться с Горбачевым, услышать от него: „Как мне понравилась ваша книга..." Не пошли в народ... А когда Россия избавилась от империи, не предприняли попыток создать демократический российский народ... Я не вижу перспективы для общероссийского национализма».

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• В связи с празднованием 60-летия освобождения Освенцима в краковском Театре им. Словацкого прошел международный форум, посвященный Катастрофе. В нем приняли участие выжившие узники, а также главы многих государств, в т.ч. и президент России Владимир Путин. «Быть может, сегодня нам представилась последняя возможность открытого диалога между спасшимися узниками лагерей, освободителями, молодежью и лидерами государств», — сказал инициатор форума Моше Кантор. Прошедшему Аушвиц писателю и лауреату Нобелевской премии мира Эли Визелю была вручена Всемирная декларация студентов, в которой, в частности, сказано: «Мы призываем студентов и молодежь выполнить свой долг и пропагандировать диалог между культурами и религиями, чтобы мы лучше понимали друг друга и с уважением относились к другим культурам». Послание форума лапидарно выразил президент Польши Александр Квасневский: «Мы не забудем этого и сделаем все, чтобы будущие поколения тоже не забыли».

• Открывшаяся в январе выставка работ Исаака Цельникера стала прекрасным, выразительным фоном для официальных освенцимских торжеств. Ее основная часть «Время плача... время войны» включает в себя картины и рисунки художника, сделавшего главной целью своего творчества свидетельство о военном аде польских евреев. «Мир Цельникера деформирован, залит грязью и погружен во мрак. Страшный, жестокий, полный криков, голода, мертвых детей, убиваемых стариков, виселиц и костей», — пишет Катажина Бик. Краковская выставка — первая в Польше столь обширная подборка творчества этого почти забытого живописца. Сам Цельникер чудом избежал гибели, прошел гетто, тюрьмы и лагеря, что делает его свидетельство особенно достоверным.

• Через Аушвиц прошла и Кристина Живульская. После войны эта известная писательница-сатирик и автор эстрадных текстов дебютировала автобиографической книгой «Я пережила Освенцим». Недавно книга была переиздана, в связи с чем подруга Живульской Стефания Гродзенская сказала: «Она писала не для того, чтобы напечататься, но чтобы освободиться от ужасающей травмы после Павяка [тюрьмы в Варшаве] и Освенцима, чтобы почтить память других узниц — этих замечательных девушек, которые там, где не осталось ничего человеческого, ухаживали за еще более слабыми».

• В этом году премию им. Александра Гейштора, присуждаемую Банковским фондом им. Леопольда Кроненберга, получил Казимеж Петр Залесский — как сказано в вердикте жюри, «за проведение полной модернизации Польской библиотеки в Париже». Польская библиотека была основана в Париже в 1838 году. С 1853 г. она размещается в старинном дворце на острове Сен-Луи, купленном на пожертвования эмигрантов. Проф. Залесский, по образованию физик, а с 1999 г. директор библиотеки, говорит, что «больше времени, чем сами ремонтные работы, заняли хлопоты, связанные с получением от французских властей разрешения на перепланировку здания, являющегося памятником архитектуры (...) По-моему, главное — что мы предотвратили постепенное обветшание фондов». Этому наверняка способствовало и окончательное определение права собственности на здание библиотеки, за которое в последнее время велись ожесточенные бои. Сегодня хозяева Польской библиотеки — это Литературно-историческое общество и краковская Польская академия знаний, возрожденная после долгих лет небытия. «Множество ценных книг, отправленных в Польшу в 20-е годы, пропало во время войны. Так, может быть, лучше сохранить часть польских сокро-

вищ в Париже? Париж — прекрасное место для популяризации польской культуры», — ответил директор библиотеки на вопрос, не должны ли ее фонды оказаться в Польше.

• Между тем ожидается очередная реструктуризация Института Адама Мицкевича, который должен заниматься популяризацией польской культуры в мире, но, как утверждает руководство министерства культуры, делает это чрезвычайно неумело.

• В Варшаве на 84-м году жизни скончалась Михалина Вислоцкая, автор первого польского учебника по сексологии. Ее изданная в 1976 г. книга «Искусство любви» сначала вызвала невероятный скандал, а затем разошлась многомиллионным тиражом. «Секс — это пролог к любви, — писала Вислоцкая. — Когда двое молодых людей встречаются, сначала они испытывают друг к другу сексуальное влечение. И так постепенно это начинает сближать их».

• В варшавской «Галерее XXI» прошла выставка «День матери», посвященная искусству женщин. «В выставке участвуют художницы помоложе и постарше, а в каждой работе есть что-то на тему материнства и отношений между матерью и дочерью», — написала Дорота Ярецкая. Но это вовсе не ангельская идиллия. «Меня интересуют женщины, которых обстоятельства места и времени вынуждают расстаться с укоренившимся в культуре образом. Они перестают быть нежными матерями и возлюбленными и внезапно делаются агрессоршами, террористками», — говорит художница Анна Баумгарт. Другая, Эва Тоняк, рассказывает о предыстории выставки: «Женских групп не было, так как зачастую художница просто боялась признаться, что она женщина. Признаться, что ты женщина, — значит признать себя кем-то более слабым, а создать группу — это признаться вдвойне». «И вдруг в середине 90-х появилось множество женщин-художниц, — добавляет Магдалена Уйма. — Это было связано с переменами в самом искусстве. Живопись и скульптура уступили первые позиции в иерархии искусств, появились новые выразительные средства, исчез „великий отец", гений мужского пола (...) непогрешимый законодатель мод». «Польские женские группы наверстывают упущенное время — время невиданной прежде феминистической революции в искусстве, но и время поп-игры, которой раньше тоже не было», — подытоживает Дорота Ярецкая.

• В краковской галерее искусств «Бункер штуки» («Бункер искусства») открылись две любопытные выставки: «Thanks Jackson» (имеется в виду Джексон Поллок) Эдварда Двурника и «Десятилетие живописи» Оскара Давицкого. «Известный польский художник и признанный мастер перформанса ведут удивительную игру со своим творческим образом, — пишет Юстина Новицкая. — Эдвард Двурник впервые в своей жизни выставил серию абстрактных полотен, в то время как Оскар Давицкий дебютировал выставкой традиционно написанных картин».

• В радиоцикле «Музыкальные города», транслирующемся в нескольких десятках стран мира, недавно была представлена Варшава. По радио прозвучало семь концертов и один оперный вечер. Все концерты были выдержаны в разных стилях — от барокко до современности. Варшава показала себя городом ярким и многогранным.

• Поставленный в Музыкальном театре Гдыни спектакль «12 лавок. Проект без цензуры» стал первым в Польше театральным проектом, основанном на музыке хип-хоп, где в главных ролях выступают брейкеры. «Почему „12 лавок"? — пишет о спектакле Яцек Цесляк. — Потому что мечты многих поляков не сбылись. По дороге в Европу они застряли в своем микрорайоне, на лавке возле перекладины для выколачивания пыли. Это единственный в стране круглосуточный дом культуры для подростков, брошенных на произвол судьбы школой, Церковью, семьей и политиками. Молодежь считает, что, танцуя брейк, она ставит страну с ног на голову (...) У героев гдыньского спектакля нет дипломов художественных училищ, но это прирожденные шоумены. Брейк в их исполнении нарушает законы тяготения. Они танцуют на голове, на руках, на спине и на коленях, провоци-

руя девушек на сольные номера (...) Они ведут себя вызывающе, так как хотят разрядиться после школы. Они копируют заграничные образцы, поскольку наши оказались малопривлекательными. Режиссер Ярослав Станек доказал, что из любительского дворового движения могут вырасти профессионалы, не лишенные художественного чувства».

• В рецензии на спектакль «Поколение», тексты к которому написали десять разных авторов, Роман Павовский размышляет о современной польской драматургии: «Между яппи из международных корпораций и дворовыми хулиганами появилась целая гамма героев, которых уже невозможно впихнуть в определение одного поколения. Сегодня герои „поколенческих" пьес — это рабочие, врачи, менеджеры, студенты, безработные, несовершеннолетние преступники, жители метрополий и глубинки. Это люди, подчиняющие себе действительность, карабкающиеся по ступенькам карьеры, и те, кто отстал от поезда капитализма и теперь толкается в коридорах бирж труда».

• Предпремьера спектакля, о котором пойдет речь, состоялась в Дюссельдорфе, а польская премьера — в краковском Старом театре. Анджей Стасюк написал по заказу немецкого театра пьесу о национальных стереотипах, бытующих у поляков и немцев. О своем произведении, полное название которого звучит «Ночь, или Славяно-германский медицинский трагифарс», Стасюк говорит следующее: «Мне хотелось написать ритмичную, поэтичную и забавную вещь. Я решил, что „Ночь" будет ироничным намеком на славянских „Дзядов» и германскую „Вальпургиеву ночь" (...) Я написал текст, состоящий из расхожих мнений и стереотипов, которые граничат с абсурдом».

• В этом году «Золотые Пятницы», присуждаемые по итогам плебисцита газеты «Жечпосполита» самым популярным представителям мира польской культуры, получили Кристина Фельдман, Данута Стенка, Войцех Манн, Артур Жмиевский и Ирена Сантор.

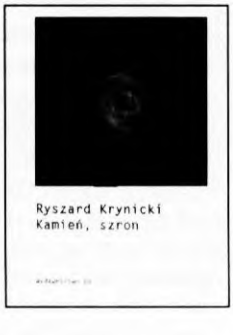
• Число зрителей, посетивших польские кинотеатры в 2004 г., возросло по сравнению с 2003 годом на 40,3%. Больше всего людей посмотрело «Страсти Христовы» Мела Гибсона (3,45 млн.). Из польских фильмов наибольшей популярностью пользовалась экранизация книги Катажины Грохоли «Никогда в жизни» (1,62 млн.). Почти 350 тыс. человек посмотрели фильм Юлиуша Махульского «Винчи».

• Премию «Книга 2003 года» получил Юзеф Хен за роман «Мой друг король» о последнем короле Речи Посполитой Станиславе Августе.

• «Ласковый варвар» — так называется популярное сегодня в Варшаве место — нечто среднее между книжным магазином, кафе и таинственным фан-клубом. Здесь часто проходят литературные встречи, а недавно был организован цикл «Ласковых чтений» для детей. Афиша приглашала «любителей очень хорошей литературы дошкольного и младшего школьного возраста». Это еще одно мероприятие, которое должно познакомить детей с книгами. Есть надежда, что, раз подружившись с ними, они уже никогда этого не забудут.

• Сегодня вместо списка бестселлеров я представлю два новых сборника замечательных поэтов, которые, вероятно, в такие списки никогда не попадут, и две книги молодых авторов, которые настолько шокировали общественное мнение, что вскоре наверняка в них окажутся.

• О сборнике Рышарда Крыницкого «Камень, иней» пишет Юстина Соболевская: «Среди потоков книг, ничего не значащих слов, актуальных газетных строчек и рекламных лозунгов случается иногда услышать голос иной — сосредоточенный, тихий, очень личный и обращающийся к нам как бы из-за пределов времени (...) Сборник подобен ракете перед стартом, направленной прямо в космос. Признаться, такими вещами мы обычно не занимаемся — вечность, потусторонний мир. Да и существуют ли они? Может быть, нет никакого „там", а есть только „здесь"? (...) Это не просто сборник стихов. Это голос из другого измерения».



• О последнем сборнике Эвы Липской «В другом месте» говорит сама поэтесса: «Я пишу, потому что хочу что-то сказать или рассказать. Обратить на что-то внимание. Поделиться своей мыслью, чем-то, что для меня важно и, быть может, будет важно также для читателя».

• «Вокруг романа „Любево" Михала Витковского поднимается все большая шумиха, — пишет Катажина Яновская. — Ничего удивительного — ведь Витковский разошелся не на шутку. Он нарушил все правила политкорректности и написал книгу не столько о гомосексуалистах, сколько о педиках — рассказы мужчин-проституток (...) На представлении романа Витковского (...) собралось множество видных издателей, известных феминисток, литературных критиков (женщин) и авторов громких прозаических дебютов (опять-таки женщин) — словом, состав аудитории подтверждал, что „Любево" — это хит. Вопрос лишь в том, станет ли Витковский кометой одного сезона или новой литературной звездой?» По мнению критика Петра Сливинского, «все же не стоит классифицировать Витковского, приклеивая ему ярлык автора для „голубых". У „Любева" есть шанс постоять за себя и на территории „неориентированной" литературы».

• Однако главным хитом сезона обещает стать книга «Ничего» 40-летнего Давида Беньковского. «„Ничего" — это первая вполне удачная попытка подвести итоги первого 15-летия III Речи Посполитой. К сожалению, в романе преобладают потери, а не приобретения, разочарования, а не достижения, — пишет Кшиштоф Маслонь. — Вышел роман, говорящий в полный голос о нашем „здесь и сейчас", представляющий жизнь разных кругов общества и поколений, вдумчиво анализирующий действительность и ставящий меткий диагноз. Такой книги о Польше без прикрас, о Польше, за которую больно (...) мы ждали уже очень давно». Роберт Осташевский идет еще дальше: «Роман „Ничего" Давида Беньковского можно с успехом рассматривать как современный аналог „Куклы" Болеслава Пруса (...) В расписанном на несколько голосов романе Беньковский показывает, до какой степени прохождение через зубцы перемен, которые испытало на себе наше общество после 1989 года, меняет людей». Добавим , что по профессии автор — психотерапевт. «Ничего» — уже второй его роман. Дебютантская книга «Есть» заинтересовала критиков, получила множество премий, но не вызвала энтузиазма у читателей.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЗВЕЗДОПАД ЭЛЬЖБЕТЫ ПЕНДЕРЕЦКОЙ

Пасхальный Бетховенский фестиваль в Варшаве становится важным событием мировой культуры

С 15 по 25 марта лучшие сцены польской столицы — Большого театра, Конгресс-зала, Национальной филармонии и Королевского замка — предоставлены музыкантам-исполнителям мирового класса. Это дни завораживающего публику и притягивающего деятелей музыкальной культуры Бетховенского фестиваля, который через свое традиционное «концерты-выставки-симпозиум» вот уже девять лет ведет диалог эпох и культур.

Об истории и сегодняшнем дне фестиваля, вошедшего в Ассоциацию европейских фестивалей, рассказывает его создатель и генеральный директор Эльжбета Пендерецкая.

— Вы стояли у истоков Бетховенского фестиваля. Как возникла идея его проведения?

— Все началось в моем родном Кракове, где, кстати, и прошли семь фестивалей. В 1996 г. мэр города предложил мне возглавить совет, который стал готовить «Программу-2000» в преддверии получения почетного титула «Культурная столица Европы». Годом позже, в 1997-м, отмечалось 170-летие со дня смерти Бетховена, которое пришлось на пасхальный период. Вот тогда мне и пришла мысль организовать фестиваль серьезной музыки, наподобие фестивалей в Зальцбурге и Люцерне. Благодаря вошедшим в почетный оргкомитет видным музыкантам с мировым именем и дипломатам, идея быстро воплотилась в жизнь.

— Насколько известно, вы тогда же извлекли на свет неизвестные автографы Бетховена?

— Это отдельная, но весьма примечательная история. В Ягеллонском университете находится уникальное собрание рукописей великого немецкого композитора, пианиста и дирижера. В свое время они принадлежали Прусской библиотеке и попали к нам вместе с так называемыми воссоединенными землями. Эти хорошо сохранившиеся рукописные партитуры знаменитого маэстро, которых никто не видел, уже не выходили у меня из головы. И я задалась целью показать их всем желающим. Ректор поддержал меня, и теперь знакомство с этим собранием стало составной частью каждого фестиваля.

— Неужели это собрание так никто и не использовал за все послевоенное время?

— Как бы не так. Вы знаете, что среди рукописей был автограф знаменитой Девятой симфонии? Так вот, в 1977 г. первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек передал его в числе прочих своему коллеге из ГДР Эриху Хонеккеру в символическом

жесте на мосту Дружбы. В ответ он получил копию довольно средней картины. Но у нас до сих пор хранится нотная тетрадь с набросками «Оды к радости», которая стала гимном Евросоюза и звучала на открытии нашего прошлогоднего фестиваля в канун вступления Польши в ЕС.

— Вас не смущает совпадение фестиваля с пасхальным периодом?

— Признаться, сомнения были, потому что даже доброжелательно настроенные к фестивалю люди говорили, что в Польше накануне Пасхи у всех голова забита предпраздничными хлопотами, а в сами праздники во всех домах — застолье. Но я всегда думала, что если будет хорошая музыка да съедутся великолепные исполнители, то ценители прекрасного дома не усидят. Так и произошло. Даже сам фестиваль официально стал называться Пасхальным.

— Прежде всего фестиваль называется Бетховенским, но теперь на нем звучат и Шуберт, и Мусоргский, и Шостакович, и Брамс, и замечательный польский ряд — Шопен, Лютославский, Пендерецкий... Такая изысканная музыкальная палитра. Как это удается увязывать?

— Увязывает обычно главная тема. К примеру, в прошлом году — «Бетховен и музыка Европы народов», а в этом — «Музыка Бетховена между севером и югом Европы». Бетховен вдохновлял многих композиторов. Впрочем, как вдохновляла и сама Европа. Наверное, отсюда у Чайковского есть «Итальянское каприччо», а у Гайдна — «Английские песни». И таких примеров много. А потом вот еще что. Произведения покровителя нашего фестиваля становятся не только своего рода отправным пунктом в решении каких-то обыденных задач, но поневоле служат источником диалога и сравнений. Мне уже приходилось говорить, что миф Людвига ван Бетховена очень заметно продолжается и в культуре XXI века: композитор воспринимается как символ борющегося — в том числе и с самим собой — и ищущего художника, как символ свободного человека. Вспомним его высказывание том, что музыка должна высекать огонь в душах людей, а свобода и прогресс такая же цель в искусстве, как и во всей жизни.

— В концертах цикла «Приглашает Эльжбета Пендерецкая» и Бетховенского фестиваля поражает участие всемирных звезд классической музыки, которые нарасхват всюду. Как вам удается их заполучить?

— Счастье, что я замужем за выдающимся композитором Кшиштофом Пендерецким. У нас в мире много друзей среди великолепных музыкантов. Вы знаете, я в первый раз приехала в Москву в 1966 году. Теперь мне кажется невероятным, что я лично знала Шостаковича, Ойстраха, Рихтера... Ведь сегодня это история. И всякий раз, когда я встречаюсь с известными музыкантами, то всегда их «беру на мушку», воображая себе выступление каждого в Польше. Я могу попросить их найти «окно для Польши» в напряженном графике и согласиться на менее высокий гонорар, чем на Западе.

— Но ведь нельзя сказать, что вы находитесь в тени знаменитого мужа и лучах его славы. Вы — обладатель многочисленных международных премий, в том числе Премии европейской культуры, в обосновании которой написано: за расширение ЕС на восток через музыку и исполнителей. А входят ли в поле вашего зрения музыканты из-за восточной границы?

— Мы с мужем каждый год бываем в Петербурге и Москве. Большая дружба связывает нас с Ростроповичем. Со Славой мы знакомы почти сорок лет. Он приезжал на фестиваль Кшиштофа и на его 65-летний юбилей. На нынешнем, IX Бетховенском фестивале в нескольких концертах как дирижер и исполнитель выступит знаменитый альтист Юрий Башмет. На следующий год обещал приехать еще один наш друг — руководитель Мариинского театра Валерий Гергиев. Собирается в Польшу Владимир Спиваков со своим замечательным оркестром. Я хорошо знаю нового министра культуры России Александра Соколова еще с тех пор, как он был директором Московской консерватории. Продолжаю поддерживать контакт и с Михаилом Швыдким, теперь главой федерального агентства по культуре и кинематографии. Но мне бы хотелось приглашать не только состоявшихся и знаменитых му-

зыкантов, но и открывать новые имена. Вынашиваю мечту провести в Польше фестиваль молодых российских пианистов. Сейчас сделать карьеру очень трудно. Необходимо внимание как организаторов различных смотров и конкурсов, так и слушателей. Это очень важно — выступить на концерте, чтоб заметила критика и запомнила публика.

— А что с проектом Центра молодых исполнителей в усадьбе Люславице под Краковом?

— Мы задумали Академию Кшиштофа Пендерецкого с разумной инфраструктурой: концертный зал, гостиница-общежитие, корты... И все это — для молодых одаренных музыкантов, которые приезжали бы к нам не только из дальних уголков Польши, ближайших стран-соседей с востока, но также из Западной Европы, Америки и Азии. Академия должна стать местом шлифовки мастерства в мастер-классах ведущих профессоров мира — таких гениальных педагогов и артистов, как, например, Мстислав Ростропович. Между прочим, и он, и другие наши друзья-музыканты поддерживают это начинание.

— Вас часто называют неофициальным министром культуры, а один солидный журнал, опубликовав состав «теневого кабинета», предоставил вам портфель министра иностранных дел. А мало кто знает, что вы собирались заниматься ядерной физикой. Как вы вышли на музыкальную орбиту?

— Мой отец был адвокатом, а стал музыкантом. После войны работал в оркестре, был концертмейстером Краковской филармонии и профессором Академии. Музыка в нашем доме звучала с утра до вечера. Я учила уроки и одновременно слушала музыку. Это было для меня так естественно, как дыхание. В этом году уже сорок лет, как я веду секретариат своего мужа-композитора, а это значит, что постоянно нахожусь в музыкальной среде.

— Вы организуете концерты, доводите до ума контракты, в одном лице — импресарио, менеджер и пресс-секретарь, но, по-моему, по-прежнему сами покупаете мужу рубашки и костюмы. Не так ли?

— Что поделаешь, если Кшиштоф не любит ходить по магазинам, а я ведь и жена, и мать. И потом, работа — работой, а дом — домом. Я очень люблю наш дом, очень люблю семью. Мои дети не занимаются музыкой профессионально, но своей жизни без нее тоже не представляют. Дочь Доминика — филолог, издает театральный вестник «Польская сцена». Сын Лукаш успел закончить четыре факультета, работает в финансовом центре, а как психолог и психоаналитик практикует в частной клинике. Когда мы не в разъездах, то стараемся в воскресенье собраться все вместе на обед. Ну а Рождество, Пасху и дни рождения традиционно отмечаем всей семьей.

Беседу вел ***Валерий Мастеров****,*
собственный корреспондент газеты
«Московские новости» в Варшаве,
— для «Новой Польши»

ПЛАНОМЕРНОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ

Беседа с директором Института национальной памяти Леоном Кересом

— Я пытался себе представить расстрел польских военнопленных служащими НКВД. В Катыни, Харькове, Твери... Сколько времени это продолжалось? Сколько часов требуется на то, чтобы убить 22 тысячи человек?

— По крайней мере 21 768 польских граждан были убиты НКВД в апреле-мае 1940 года. Время следовало бы считать в неделях, а не в часах.

— У каждого воображение работает по-своему, и спать мне не дает другое. Депутатов от СДЛС больше интересуют затраты на эксгумацию... Они высчитывают, сколько стоит час бурения мерзлой земли, под которой есть надежда найти польские кости, и у них получается, что это слишком дорого.

— Вы имеете в виду депутатское предложение сократить бюджет Института национальной памяти... На заседании комиссии правозаконности Сената от меня даже потребовали перестать повторять, что я смирюсь с любым решением парламента. Что делать, я питаю уважение к государственным органам, даже если они оскорбляют польскую историю, оскорбляют Польшу.

— История способна вносить разделения...

— На протяжении четырех с половиной лет, т.е. с момента создания ИНП, мы беспрерывно объясняем общественности, что наша забота — польская история, история каждого из нас. И если даже мы не убедим всех согласиться с нашими оценками, с нашими мнениями, хотелось бы, чтобы в убеждения людей входила наша история, чтобы она нас объединяла. Таково польское общее дело — Катынь.

— Да ничего подобного! В ПНР многим прекрасно жилось в неведении, точнее — во лжи о Катыни. Немало было и таких, что на этой лжи зарабатывали себе на жизнь.

— Нравится это кому-то или нет, но Катынь — это наша мартирология и память об убиенных, и в то же время наше общее дело. Общее вне зави-

симости от политических взглядов и убеждений. Поэтому я не боюсь сказать, что тот, кто против польского следствия по катынскому преступлению, сам себя ставит по другую сторону.

Аллергическая реакция

— Почему вы так долго тянули с началом следствия? Ждали подходящего момента?

— Отнюдь! Однако не буду скрывать — и беру это на себя, — что с тех пор, как в 2000 г. я пришел в ИНП, этот вопрос рассматривался в различных плоскостях, в различных контекстах. Я видел, что меня прямо-таки толкают в сторону следствия: и в Москве, и в Варшаве. Я отбивался от такого следствия, которое подобно российскому не принесло бы никакого перелома, кончилось бы ничем.

— Члены Катынского комитета утверждают, что только их решимость повлияла на то, что вы стали действовать активно.

— А один журналист, когда я в августе летел в Москву, высказал предположение, что самое важное для меня — остаться во главе ИНП на второй срок...

Катынский комитет — это наши естественные союзники, но есть дела, которые невозможно вести партизанскими методами. Такие достойные люди, как прелат Здислав Пешковский или незабвенный Томаш Стшембош, говорили: да чего он туда едет, ничего ж не добьется. Вышло иначе.

— Вы получите обещанные российской стороной документы?

— Мы их ждем. Это 63 тома следственных дел. Напомню, что до середины 1990-х мы получили 93 тома. На переговорах в Москве нам сообщили, что на следствии допрошено 900 свидетелей. Мы хотим знать, есть ли в этих неизвестных нам томах показания тех, кто был соучастником преступления.

— Российская сторона выразила неудовольствие тем, что Польша, не дожидаясь дел из закрытого ими следствия, начала свое расследование.

— Об этом неудовольствии нам прямо не сообщили. Я получил заверения своих московских собеседников, подтвержденные послом РФ в Варшаве Николаем Афанасьевским, что после рассекречивания дел нам дадут возможность скопировать их и увезти копии в Польшу.

Убийство военнопленных

— Российское следствие шло 14 лет, кончилось ничем, и говорят, что его затрудняла... украинская сторона.

— Украинцы это решительно опровергли. Они утверждают, что сотрудничали с российскими прокурорами и передавали им надлежащие документы.

— Жаль, что украинская сторона не проявляет такой готовности в вопросах, касающихся, например, преступлений на Волыни. Я вот думаю, что в 2005 г. у нас годовщина катынского преступления, а в 2008-м — годовщина массовых убийств мирных жителей Волыни и Восточной Малопольши. Не думаю, что «оранжевая революция» что-то в этом смысле изменила.

— Это два разных дела. Сотрудничество с украинской стороной, несмотря на зачастую драматические трудности, продвигается. Благодаря этому приведены в порядок кладбище и могилы в Пребраже и Борщовке, а в Порыцком/Павливке удалось отметить годовщину событий.

В катынском следствии мы можем рассчитывать на сотрудничество с украинскими прокурорами, на доступ к тамошним архивам. К сожалению, того же нельзя сказать о Белоруссии. Государство Лукашенко к переговорам не готово. Что делать, мы можем лишь повторять наши просьбы.

— Содержание белорусских архивов может оказаться интересным. Я имею в виду «четвертую Катынь», которая, весьма вероятно, находится как раз в Белоруссии.

— Мы знаем, что в то самое время, когда убивали польских офицеров из Козельска в Катыни, военнопленных из Старобельска — в Харькове, заключенных Осташкова — в Калинине, на территории т.н. Западной Украины и Западной Белоруссии, в местах, известных нам лишь в малой части, были расстреляны 7305 польских гражданских политзаключенных. У нас есть список убитых на Украине — мы не знаем, где они захоронены. Белорусского списка у нас нет, мы только знаем, что в него входит свыше трех тысяч человек.

— Поражает эта точность исчисления людей, которым стреляли в затылок.

— У нас много говорили о немецкой точности в этом отношении, между тем советская с ней сравнима, если не превосходит ее. Массовые убийства были документированы: соответствующие письма, отчеты, рапорты находятся, хотя, как сообщил мне главный военный прокурор РФ Александр Савенков, подтвердились слухи, что в 1959 г. по поручению Хрущева были уничтожены все личные дела убитых поляков.

— В Польше ходили слухи, что после XX съезда КПСС Хрущев хотел огласить правду о Катыни, но этому воспротивился Гомулка. Это миф?

— Разумеется. О том, что катынское преступление совершили Советы, впервые официально сказал Горбачев в 1990 г., а два года спустя Ельцин привез в Варшаву относившиеся к Катыни документы с предложением Берии расстрелять военнопленных — офицеров польской армии, а также гражданских лиц. Решение было принято 5 марта 1940 года.

По другую сторону реки

— Мы знаем виновников — каких же преступников должно обнаружить польское следствие?

— Мы знаем отдельные фамилии виновников, тех, кто организовал и контролировал катынское преступление: Сопруненко, Токарева, и одного из исполнителей — Сыромятникова. Все трое были допрошены в ходе российского следствия, но только в качестве свидетелей. Мы считаем преступниками также офицеров НКВД, передававших приказы и поручения сверху вниз, и тех, кто конвоировал военнопленных, эскортировал их к месту казни и расстреливал. Мы считаем, что в целом речь может идти о двух тысячах лиц.

— Трудно было ожидать, что российская сторона займется чем-то иным, кроме замазывания темного пятна своей истории.

— Я долго защищался от видимости действий. Я считаю, что на страдание людей, которые так долго ждали правды о преступлении, жертвой которого пали их близкие, не должно накладываться столь же огромное разочарование. Мне не хотелось услышать: «Мы возлагали на вас надежду, а вы нас подвели». Спешка могла здесь трагически повлиять на ход дел. Мы готовились к катынскому делу очень долго. Оно много раз было предметом заседаний коллегии ИНП. Когда 1 декабря я держал в руках 35-страничное постановление ИНП и подписанное прокурором Малгожатой Кузняр-Плотой официальное решение открыть следствие по делу об убийстве советскими государственными чиновниками на территории СССР тысяч польских граждан, то знал, что я перешел на другую сторону реки и о возвращении не может быть и речи.

— Так отлично подготовлен материал ИНП?

— При первом чтении я удивился, что в нем идет речь о пакте Риббентропа—Молотова, о 17 сентября 1939 г. и, более того, о польско-советском договоре о ненападении, подписанном в июле 1932 года. «Зачем эти исторические экскурсы?» — подумал я. Между тем к концу документа эта трагическая мозаика сложилась в картину, которая отчетливо показывает, как могло дойти до катынского преступления. Как всё шло к нему как раз с 1932 г., когда СССР вероломно подписал договор, и как, год за годом, он стремился к тому, что с самого начала было его целью по отношению к западному соседу.

— Какова была эта цель?

— Подчинить себе польскую нацию, лишив ее...

— ...элиты?

— Чего-то большего. Лишив Польшу первоэлемента национального самосознания. Надо воздать по заслугам зодчим этого преступления: они действовали солидно, готовили его с талантом, используя государственный аппарат Советского Союза.

— Перед тем как открывать следствие, наверное был подготовлен подробный уголовно-правовой анализ...

— Да, и такой, какого до сих пор еще не было. Обращу внимание на то, что за этим анализом стоит авторитет не историка или юриста, а польского государства в виде решения польского прокурора. Посмотрите, пожалуйста, какой путь мы прошли: начали с отрицания ответственности СССР за это преступление и приговоров отважным людям за правду о Катыни (например, польской учительнице истории, которая в начале 1956 г., т.е. на склоне сталинизма и почти перед самой октябрьской «от-

тепелью», получила за это четыре года тюрьмы); затем признавали советскую вину, но не констатировали ее как таковую, поэтому, например, политики говорили о Катыни, но как бы от своего лишь имени; и наконец польское государство официально выразило свою позицию по отношению к этому преступлению геноцида. Хочу отметить, что отношусь с глубоким уважением к работе тех польских историков, и не только историков, которые во времена коммунизма сообщали правду о Катыни, а затем, уже в свободной Польше, настойчиво не позволяли нам забыть эту правду.

— Ну что ж, первое следствие по катынскому делу в послевоенной Польше, проводившееся прокурорами Савицким и Мартини, имело целью доказать вину немцев.

— Вот именно. А российская сторона, пытаясь сегодня убедить, что в катынском деле речь не идет о геноциде, забывает, что после войны в Нюрнберге, на процессе главных военных преступников перед Международным военным трибуналом, СССР сам стремился вписать Катынь в число немецких преступлений геноцида — как истребление польских граждан. Так представлял катынское преступление заместитель главного советского обвинителя Юрий Покровский. Когда мы напомнили об этом в Москве, генерал Савенков с уважением сказал профессору Витольду Кулеше: «Ну, вы показали когти».

— Однако тот же Савенков оставался непреклонным в вопросах принципиальных как для России, так и для Польши.

— Тем не менее я доволен, что мог стать с ним лицом к лицу и произнести наше «non possumus»: «Вы совершили преступление геноцида, и просим не уверять нас, что это не так. С нашей позиции мы не отступим».

Ностальгия по Стране Советов

— Одного не понимаю: если Катынь – не преступление геноцида, то что же такое геноцид?

— По их мнению — я говорю это после бесед с замминистра иностранных дел Сергеем Разовым и помощником президента РФ Сергеем Ястржембским — в геноциде не может быть обвинен член антигитлеровской коалиции. Кроме того, тысячи советских солдат и офицеров отдали свою жизнь в боях за освобождение Польши. Наконец, и этот аргумент вызывает у меня особый, резкий протест: в советских тюрьмах и лагерях находилось около 250 тыс. поляков, а убито «только» 22 тысячи.

— Не может быть...

— Еще как может — у меня есть записи со встречи с прокурором Савенковым. Вот его контраргументы: «После 17 сентября 1939 г. в советском плену оказалось 250 тыс. польских граждан, из которых 90% затем были освобождены, а катынское преступление коснулось только 10% военнопленных. При таком состоянии дел нельзя говорить об умысле советских властей на истребление польской национальной группы целиком или частично, ибо часть этой группы покинула Советский Союз с армией генерала Андерса, часть с 1-й армией Людового Войска Польского, наконец, часть продолжала существовать и не была охвачена планом физического уничтожения». Поэтому российская сторона закрыла свое следствие, ибо, не будучи геноцидом, катынское преступление подлежит сроку давности.

— Так ведь главными жертвами Сталина были сами русские. Кого ж они защищают — преступника, проводившего безумную политику?

— Я пытался это понять, вчувствоваться, влезть в их шкуру. Я не говорю обо всех русских, не говорю о людях из «Мемориала», о профессуре, историках, журналистах, но ностальгия по Советскому Союзу в сегодняшней России заметна.

С кочки на кочку

— Да и в Польше у некоторых заметна ностальгия по ПНР...

— Российская Федерация — преемница СССР не только в международно-правовой плоскости. Там коммунизм господствовал намного дольше. В русской душе страдание, угнетение, принесенные своим государством, соединяются со страданием, которое принесли захватчики во II Мировой войне. И они нам напоминают — я говорю не только об официальной России, но и о рядовых людях, с которыми мы разговаривали в Москве, — что нам следует помнить то хорошее, что мы от них получили.

— А что хорошего мы от них получили? Ничего!

— Русским трудно согласиться с тем, что их «освобождение», правда, принесло Польше избавление от немецкой оккупации, зато навязало ей тоталитарную систему коммунистической власти. Они в рамках этой системы жили с 1917 г. и за этот строй отдавали жизнь.

— Простите, но это их забота, не наша.

— Да, вы правы, это их забота. Мой долг — защищать польские государственные интересы. А сегодня в них входит открытие следствия по делу о геноциде в Катыни. Я имею право это говорить, притом вполне твердо, в свете того, что на протяжении четырех лет моего директорства в ИНП я не сделал ничего, что помешало бы этому следствию. Не погрешил торопливостью, нерешительностью или высказыванием взглядов, способных оскорбить другую сторону. Я бы сказал, что перепрыгивал с кочки на кочку, осторожно, чтобы не провалиться в трясину. Теперь мы на другом берегу, и за нами стоит то, в чем мы больше всего нуждались, — польское государство. Напомню, что в середине 90-х прокуроры Стефан Снежко и Александр Герцог хоть и говорили российской стороне о геноциде, но в официальных документах позиция по этому вопросу не записана. Я не хотел идти следом за ними.

— Какова главная цель польского следствия по катынскому делу?

— Показать, что это преступление, будучи геноцидом и военным преступлением, не подлежит сроку давности. 16 прокуроров, откомандированных заниматься этим следствием, хотят выяснить все кулисы преступления и установить именной список преступников. Они намерены заслушать показания более чем 10 тыс. лиц, в первую очередь потерпевших, т.е. родственников убитых.

— Есть ли в архиве американские материалы 50-х годов?

— Вы имеете в виду комиссию Маддена, комиссию Палаты представителей американского Конгресса [по расследованию катынского дела]? Нет сомнения, что и эти материалы будут учтены в ходе следствия. Всякий источник доказательств для нас невероятно важен.

— А нет надежды ознакомиться хотя бы с частью немецких материалов и документов комиссии Международного Красного Креста? Говорят, они были сожжены?

— У нас есть издания с частью этих материалов, к нам обращаются люди, готовые передать нам часть имеющихся у них документов. Мы не исключаем, что найдутся документы, которые считаются безвозвратно утерянными. Не исключаем ничего. Вспомним, что во время следствия по делу преступления в Едвабне никто не рассчитывал разыскать оберштурмфюрера СС Германа Шапера, начальника команды «Цеханов», оперировавшей в окрестностях Едвабне в 1941 году. Тем не менее благодаря Центру преследования нацистских преступлений в Людвигсбурге, это оказалось возможным. Мы продолжаем искать немецкий пропагандистский фильм, в котором, по-видимому, есть сцены массового убийства в Едвабне, показывающие, как поляки убивают евреев.

— Значит, для российской стороны Катынь — обыкновенное убийство...

— Да. Подлежащее сроку давности в свете как Уголовного кодекса, действовавшего в СССР в 1940 г., так и нынешнего УК Российской Федерации.

Хорошая память

— Но и с украинцами мы ведем спор, я сказал бы, терминологический.

— Если говорить о Волыни, то я хотел бы сказать это так, чтобы не обидеть украинцев. Разумеется, мы говорим о «преступлении» на Волыни, они — о «трагедии». Здесь, в Институте национальной памяти, представители поляков родом с Волыни нападали на меня, требуя и волынское преступление квалифицировать как геноцид. Я отвечаю: всякая смерть требует памяти, а мученическая — в особенности, притом хорошей памяти. Нам нельзя забывать о жертвах этого конфликта. Жертвы были и с украинской стороны, а происходило это на территории, занятой немцами. Кроме того... однажды я услышал историю одного ксендза из тех мест, пастыря польского прихода. Он жил в приходском доме с матерью и прислугой, украинской девушкой. В 1943 г. девушка предупредила его, что на него готовят нападение и ему надо бежать отсюда. Его разобрало самолюбие: как это, мои прихожане остаются, а я сбегу? Правда,

на всякий случай, он ночевал в потайном месте, в одной из хозяйственных построек. Однажды ночью пришли бандеровцы и, не застав ксендза, убили обеих женщин. Я не знал эту украинскую девушку, вся история известна мне из чужого рассказа, но я очень не хотел бы, чтобы этой девушке — по ту сторону — пришлось еще и посмертно пострадать, на этот раз за то, что она украинка. Простите мне некоторый пафос, но иначе я сказать не могу.

— Но мы могли бы привести и примеры русских — друзей Польши и поляков.

— Конечно, но в Катыни, Смоленске, Калинине в 1940 г. не было войны. Были только беззащитные люди, военнопленные со связанными руками, и огромные жуткие рвы, в которых им предстояло упокоиться после выстрела в затылок. Мы не затем возвращаемся к Катыни, открываем следствие по этому делу, чтобы раздирать раны. Только отсутствие согласия в оценке преступления приводит к тому, что в рану продолжает сочиться отрава.

— Но, видимо, мы никогда не придем к согласию.

— Как раз в этом я не уверен, поэтому и предложил прокурору Савенкову изложить друг другу свои позиции. Их постановление о прекращении следствия мы включим в наше дело. Нельзя сказать, что мы вдруг проснулись осенью 2004 г., раздраженные тем, что российская сторона не дает нам доступа к делу. Однако между нами вырисовалось принципиальное различие в уголовно-правовой квалификации преступления, и согласование общей позиции стало невозможным. Невозможным сегодня, но это не значит, что обстоятельства никогда не станут благоприятными.

— Я могу понять, что российская сторона может испытывать как обиду, так и недовольство твердой позицией польской стороны. Но то, что находятся поляки, которые в открытии следствия по катынскому делу видят угрозу нашим якобы добрососедским отношениям с Россией, похоже уже не на мрачную шутку, а на ренегатство.

— Иногда при этом заслоняются прагматизмом. Например, в «Трибуне» был напечатан текст под заглавием «Фобии вредят делам», из которого вытекало, что польско-российский бизнес мог бы развиваться куда лучше, если бы не такие факты, как поездка в Москву Леона Кереса, требующего признать катынское преступление геноцидом, или как обращенные к Кремлю надежды, что он принесет извинения за неоказание помощи Варшавскому восстанию.

— Неприятно, что такие формулировки раздаются в то самое время, когда мы — после надлежащим образом отмеченной годовщины Варшавского восстания, после успеха книги Нормана Дэвиса о восстании, подкрепленного недавней популярностью книги американских авторов «Дело чести» о польских летчиках, героях битвы за Англию, — начинаем обращать внимание на национальное достоинство, в последние годы как будто исчезнувшее из польского нравственного кодекса.

— Если решение открыть следствие по катынскому делу вписывается в эту линию, то я испытываю гордость и радость. Ибо это означало бы, что поляки, примерно в середине 1990-х впавшие в вызванную экономическими трудностями апатию, забывшие, что всегда были народом с обостренным историческим чувством, вновь обрели память.

Беседу вел ***Кшиштоф Маслонь***

RZECZPOSPOLITA

В №2 «Новой Польши» мы опубликовали статью архиепископа Юзефа Жицинского «Культура и религия как составной элемент духовной связи с Россией». В небольшой части тиража был напечатан ее первый вариант без поправок уважаемого Автора, озаглавленный «Россия глазами польского пастыря». Приносим извинения как Его Высокопреосвященству, так и той части наших читателей, которые не смогли ознакомиться с вышеупомянутыми дополнениями.

Редакция

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Е.Помяновский: Анатомия кошмара
К.Маслонь о польской прозе
О.Закиров: из воспоминаний
А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л.Колаковский об основах права
М.Выка о Станиславе Бжозовском
К.Модзелевский о новой книге Д.Бовуа
Я.Гондович о молодых литераторах
Г.Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
К.Бурнетко: Газетный киоск
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
О книге В.Тихомировой «Вторая Мировая война в польской прозе»
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с М.Комаром, А.Апплебаум

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг, Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

BIBLIOTEKA NARODOWA

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И КРИТИКОВ

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник знаний о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.

DWUTYGODNIK **ruch muzyczny**

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальному творчеству, теории и практике музыки. Выходит 26 раз в году.

НОВАЯ ПОЛЬША

Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все интересные новинки современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel.(+48 22) 6082374

ISSN 1508-5589

Cena 6 zł w tym 0% VAT